Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 **ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА**

Издательство Московского университета

№ 2 • Том 18 • 2025 •
АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

http://www.vestnik-translation.ru/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL
Publishing house of Moscow State University

No. 2 • Volume 18 • 2025 •
JANUARY – MARCH
Published once every three months

http://www.vestnik-translation.ru/
The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation
Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007
Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна,** кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан,** доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович,** Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио,** доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна,** доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна,** кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна,** доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.,** доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна,** кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре,** доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна,** доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич,** доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович,** кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна,** доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич,** доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн,** доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич,** кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин,** доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович,** доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер,** доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович,** доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель,** доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovskiy, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);
Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss,** Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Christian Balliu,** Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky,** Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Elefterios K. Charatsidis,** Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner,** Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia); **Nina B. Isolahti,** School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova,** Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Hannelore Lee-Jahnke,** Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov,** Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Edward N. Mishkurov,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo,** Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Peter Holzer,** Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla,** Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Peter A. Schmitt,** Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov,** Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Maurizio Viezzi,** Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova,** Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Balliu Ch. Leonid Stepanovitch aurait eu cent ans. 7

Балью К. Леониду Степановичу исполнилось бы 100 лет 23

Ли Цзясинь. Перевод текстов на военных памятниках: взгляд через экомодель перевода 41

Мишкуров Э.Н. Военные переводчики времён Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) как основатели современной отечественной филолого-переводческой науки 57

Торсуков Е.Г. Лингвистическое обеспечение военных действий советских войск в годы Великой Отечественной войны 82

Общая теория перевода

Убоженко И.В. Дефинитивные признаки творческого переводческого решения в современном профессиональном дискурсе: понятийно-категориальные критерии 107

Цзи Чуньпин, Фомина А.М. Переводческое мышление в Китае: от междисциплинарности к трансдисциплинарности 131

Шарипов В.А. К вопросу об актуальных проблемах теории художественного перевода 148

Теория и методология цифрового перевода

Акай О.М. Лингвистические аспекты и этические дилеммы перевода deepfake-аудио: к формированию нормативной базы 165

Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Неологизмы социально-политического дискурса в практике современного цифрового перевода 182

Нечипоренко Н.А., Мельник О.Г. Ошибки нейросетей и программ перевода как основа для расширения возможностей обучения переводчиков 206

Молодые учёные о переводе

Люй Пэйин. О влиянии личности переводчика-учёного на перевод китайских классических текстов на русский язык — на примере перевода *Книги перемен* российским синологом Ю.К. Щуцким 226

CONTENTS

Commemorating the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War

Balliu Ch. Leonid Stipanovich would have turned 100 years old 7

Li Jiaxin. Translating texts on military monuments: a view through the Ecological Model of Translation 41

Mishkurov E.N. Military translators and interpreters in the Great Patriotic War (1941–1945) as the founders of modern Russian philology and translation studies 57

Torsukov Y.G. Linguistic support of Soviet military operations during the Great Patriotic War 82

General Translation Theory

Ubozhenko I.V. Defining features of a creative translation solution in contemporary professional discourse: conceptual and categorical criteria 107

Ji Chunping, Fomina A.M. (2025) Translation thinking in China: from interdisciplinarity to transdisciplinarity 131

Sharipov V.A. On the matter of current issues in the theory of literary translation 148

Theory and Methodology of Digital Translation

Akay O.M. The linguistics and ethics of deepfake audio translation: establishing normative foundations 165

Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I. Neologisms in sociopolitical discourse in modern digital translation practice 182

Nechiporenko N.A., Melnik O.G. Errors in neural networks and translation programs as a basis for expanding training opportunities for translators 206

Young Scholars on Translation

Lv Peiying. On the influence of scholar-translator identity on the Russian translation of Chinese classics: a case study of Russian sinologist Yu. K. Shchutsky's translation of *The book of changes* 226

© Издательство Московского университета, 2025

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

LEONID STEPANOVITCH AURAIT EU CENT ANS

Christian Balliu
Centre de recherche TRADITAL
Université libre de Bruxelles

Аннотация. Статья посвящена одному из основоположников российской науки о переводе ветерану Великой Отечественной войны, выпускнику Военного института иностранных языков Красной Армии, выдающемуся российскому лингвисту Леониду Степановичу Бархударову. Автор, Кристиан Балью, исследует вклад Бархударова в теорию перевода, подчёркивая его лингвистический и семиотико-семантический подходы. В работе рассматривается исторический контекст развития переводоведения в России, начиная с XVIII века, и сравнивается с западными традициями. Особое внимание уделено главному труду Бархударова «Язык и перевод» (1975), где он обосновал трансформационную модель перевода, сочетающую анализ и синтез языковых единиц. Статья также затрагивает проблему недооценки наследия Бархударова в западной науке и призывает к более глубокому изучению его идей.

Abstract. The article is dedicated to Leonid Stepanovich Barkhudarov — one of the founders of Russian translation studies, a veteran of the Great Patriotic War, a graduate of the Red Army Military Institute of Foreign Languages, and an outstanding Russian linguist. Authored by Christian Balliu, it explores Barkhudarov's contributions to translation theory, highlighting his linguistic and semiotic-semantic approaches. The study examines the historical context of translation studies in Russia, tracing its roots back to the 18th century, and contrasts it with Western traditions. Special focus is given to Barkhudarov's seminal work "Language and Translation" (1975), where he proposed a transformational model of translation that integrates analysis and synthesis of linguistic units. The article also addresses the underappreciation of Barkhudarov's legacy in Western scholarship and calls for a deeper engagement with his ideas.

En hommage à Nikolaj Garbovskiy,
fondateur de l'ESTI*

Introduction

La traductologie russe est riche d'une longue histoire. Contrairement à nombre de modèles théoriques, notamment occidentaux, qui émergent à partir des années 1950, elle plonge ses racines dans un passé plus lointain.

En 1857 déjà, l'historien de la littérature Longinov (Berkov, 1965 : 48–49) publia un texte dans la revue *Sovremennik*, ayant pour objet les *Traductions tirées de l'Encyclopédie,* lesquelles furent éditées en 1767 à Moscou. Il s'agit de 27 articles portant sur différents domaines scientifiques qui avaient été traduits à l'époque. Longinov commente les choix traductifs des traducteurs et la sélection des originaux ; bref, il y a là déjà les prémices d'une traductologie. Un autre grand érudit, Štrange (Berkov, *Ibid.*), qui est à mon sens un grand traductologue russe méconnu du 20e siècle dans la mesure où il s'intéresse à l'histoire de la traduction, a étudié le lien entre la traduction russe de l'*Encyclopédie* et le développement de la libre pensée dans plusieurs cours de l'université. Dans un très intéressant article, *L'Encyclopédie de Diderot et les traducteurs russes*, Štrange dresse un portrait idéologique des traducteurs.

Enfin, il est impossible de taire l'influence de Mikhaïl Lomonossov, à la fois sur la langue russe, mais aussi indirectement sur la traduction (Balliu, 2015 : 16–18). Lorsqu'il écrit en 1755 la première *Grammaire russe*, son objectif, à l'instar de Vaugelas en France, est de fixer la langue et d'en réguler le fonctionnement. Pour Lomonossov, il s'agira de normaliser le russe (c'est cette volonté que l'on retrouve dans sa *Théorie des trois styles*) et de créer en quelque sorte un russe littéraire. Lomonossov veut bannir l'utilisation de vocables étrangers ou barbares et se prononce en faveur d'une langue russe fondée sur son histoire. De la sorte, Lomonossov parle implicitement de traduction. Quand il bannit les mots étrangers, il pense à la contamination interlinguistique susceptible d'être induite par la traduction ; quand il célèbre la grandeur de la langue russe, il affirme *ipso facto* que celle-ci a les moyens d'accueillir par la traduction les grandes œuvres étrangères. C'est, en termes traductologiques, un plaidoyer pour le ciblisme, un programme de traduction qui prend en compte le récepteur. Le 18e siècle russe marque non seulement l'entrée du pays dans les Temps Modernes, mais préfigure, ne fût-ce que timidement, l'aube d'une pensée traductologique.

---

* Статья посвящается директору-организатору Высшей школы перевода Московского университета Н.К. Гарбовскому.

Les pionniers de la traductologie russe

On peut raisonnablement considérer que le premier texte scientifique relatif à une théorisation de l'activité traduisante remonte à 1919, avec la publication des *Principes de traduction littéraire* par Kornej Tchoukovskij (Balliu 2005 : 935–936). Cette étude était divisée en deux parties : la première fut rédigée par Tchoukovskij lui-même et était consacrée à la traduction en prose, alors que la seconde avait été écrite par Goumiliov[1] à propos de la traduction poétique. Cette œuvre n'est pas uniquement théorique, elle ambitionne aussi d'être un véritable cours de traduction. Autrement dit, la regrettable scission entre théorie et pratique[2], si souvent dénoncée dans des pays comme la France ou la Belgique, n'existe pas dans cet ouvrage, ce qui est à souligner.

Voici ce qu'en disait Edmond Cary (1957 : 182–183), de son vrai nom Cyrille Znosko-Borovski, lequel omet de citer Goumiliov :

> Les 78 pages de Tchoukovski développent le petit ABC qu'il avait publié quelques années plus tôt. L'allure en est pratique, presque empirique; l'auteur s'efforce néanmoins de dégager quelques idées directrices. Celles-ci n'ont rien de dogmatique, ce sont des remarques et des généralisations d'artiste. Une grande partie de l'étude présente un caractère critique, tournant en dérision les ignorants, les prétentieux, les tripatouilleurs, sans parler de ceux qui « lisent de travers ».
>
> Un trait peut frapper le lecteur occidental. Le traducteur russe apparaît à travers ces pages comme un homme qui a souvent accédé aux langues étrangères par les livres. Le fait n'est pas propre à l'époque soviétique. Un Pouchkine, amoureux de Byron, prononçait l'anglais à la française. Dans l'étude de Tchoukovski se devine cependant une préoccupation : la disparition de l'ancienne couche d'intellectuels volontiers voyageurs, remplacés par des traducteurs plus frustes et qui ne connaissaient l'étranger qu'à travers les pages d'imprimerie.

Le moins que l'on puisse dire, c'est que Edmond Cary n'a pas été bien renseigné. Goumiliov ne possédait pas seulement une connaissance livresque de la littérature étrangère, singulièrement française. Il avait sé-

---

[1] Goumiliov, grande figure de l'acméisme, remarquable traducteur de Rimbaud et de Verlaine mais aussi auteur de pièces de théâtre et d'essais, fut fusillé en 1921 et tomba dans l'oubli. Son œuvre poétique (car il était aussi poète et avait épousé Anna Akhmatova) fut enfin publiée pour la première fois en 1986 dans *Ogoniok*, à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance. Dans la foulée, son étude sur la traduction poétique fut éditée en 1987 par Klyshko dans un recueil sur la traduction. Ma bibliographie rend justice à Goumiliov en mentionnant ce recueil.

[2] On lira à ce sujet l'opinion de Ladmiral (1979 : 7).

journé en France, où il avait fréquenté les cénacles poétiques. Par ailleurs, la publication de 1919 ne comportait pas 78 pages mais 35, comme le signale à juste titre Garbovskij (2019 : 36–37) :

> Шёл 1919 год. Недавно созданное издательство «Всемирная литература» при Народном Комиссариате Просвещения издаёт для внутреннего пользования небольшую, всего в 35 страниц, брошюру «Принципы художественного перевода». В брошюре две статьи, К. Чуковского и Н. Гумилёва, посвящённые принципам, правилам и некоторым ограничениям одного из сложнейших видов художественного творчества — художественного перевода в двух его ипостасях: перевод прозаический и перевод стихотворный.

D'autres textes théoriques seront publiés dans la foulée de Tchoukovskij et Goumiliov. Sans entrer dans le détail, ce qui dépasserait le cadre de cette étude, qu'il me soit permis de citer les travaux d'Alexeev (1931), de Smirnov (1934), de Stoliarov (1939), de Finkel' (1939), de Kachkin (1936 et 1954), de Serdioutchenko (1948) et de Morozov (1954), que le lecteur trouvera dans la bibliographie à la fin de cet article. Tous portent sur la traduction littéraire, dans la lignée de la création par Gorki de la maison d'édition *Vsemirnaja Literatura* en 1919, à l'exception de celui de Serdioutchenko qui est plutôt un manifeste patriotique. Cette liste n'est pas exhaustive, mais montre à suffisance qu'il existe dans l'Union soviétique de l'époque une préoccupation scientifique autour du concept de traduction.

Au même moment, en Europe occidentale, et plus particulièrement en France, la traductologie reste muette[3]. Il faudra attendre les années 1950–1960 pour voir apparaître les premiers ouvrages traductologiques. Modestement d'abord, avec les publications de Cary qui sont assez généralistes mais ont le mérite d'ouvrir le champ de la réflexion. Ensuite, avec Georges Mounin et ses *Problèmes théoriques de la traduction* (1963), somme qui fit l'objet de sa thèse présentée en Sorbonne et qui marque l'entrée de la traductologie dans l'université française, de même que sa volonté d'émancipation de la linguistique.

Le retard de la traductologie française et occidentale

Pendant la première moitié du 20e siècle et jusqu'à l'immédiat après-guerre on ne lit donc pas la littérature traductologique russe en France. Parce qu'une préoccupation scientifique pour l'activité traduisante y est totalement absente : la traduction y apparaît comme un appendice de

[3] Ce n'est pas un legs de l'histoire. Les 17e et 18e siècles français ont vu l'essor d'une véritable traductologie, extrêmement riche, tombée en léthargie après la Révolution française jusqu'à l'aube des années 1950. On consultera à ce sujet les ouvrages de D'hulst (1990), de Ballard et D'hulst (1996) et de Balliu (2002).

la linguistique et comme une simple manière de vérifier les acquis linguistiques par les traditionnels exercices de thème et de version. Cette tradition remonte à l'étude des classiques grecs et latins et est redevable à l'enseignement des jésuites au 17e siècle, lesquels possédaient le quasi-monopole de l'enseignement des humanités en France. C'est là que naît la vogue des traductions juxtalinéaires, que la Russie a adoptée, et où la traduction n'existe pas en elle-même mais exclusivement pour y retrouver l'original en filigrane : il s'agit d'une traduction-dispositif.

Cette inféodation de la traduction (et de la traductologie) à la linguistique s'explique comme suit. La grande linguistique (notamment allemande) du 19e siècle est une linguistique « comparée » (le mot est éloquent). Elle se constitue en tant que discipline autonome à la fin du siècle, en s'opposant à la sociologie de Durkheim. Cet atavisme va peser pendant de longues décennies et freiner l'avènement d'une conception sociolinguistique de la traduction incarnée par un Nida dans les années 1960 ou un Pergnier dans les années 1970. Dans ses grands traités, la linguistique ne réserve aucune place à la traduction. Bopp était en quête d'une langue-mère (*Ursprache*), à laquelle les autres langues seraient redevables. Steiner, dans *After Babel* (1975), postulait l'existence d'une langue originelle, quasi-mystique, disparue. La traduction a donc une dette éternelle envers la linguistique.

Ensuite, par une ignorance totale de ce qui se passe en matière de traduction en Europe orientale, et notamment en Union soviétique. Et la fin de la Seconde guerre mondiale, avec la division en deux blocs et la Guerre froide, n'améliorera pas la situation, loin s'en faut. Cette ignorance se poursuivra jusqu'au début des années 1990, lorsque l'information et les échanges culturels deviendront plus aisés entre l'Occident et l'Union soviétique. Au contraire, la faible préoccupation des linguistes pour la traduction s'était encore étiolée davantage dans les années 1960. Voici ce qu'en disait Mounin en 1977 (2003 : 90) :

> […] après 1965, on assiste à une disparition de la préoccupation des linguistes pour la traduction.
>
> L'explication est aussi simple […]. C'est parce que, vers 1965, les bailleurs de fonds qui avaient rêvé d'utiliser les calculatrices électroniques pour traduire automatiquement des textes se sont rendu compte, parce que ce sont des gens réalistes (ils ont fait faire d'ailleurs des évaluations des travaux qui avaient été faits), […] que si la traduction automatique existait un jour, ce serait dans très, très, très longtemps.
>
> Alors les bailleurs de fonds en ont tiré la conclusion automatique que ce n'était plus la peine de financer des recherches sur la traduction automatique et les linguistes ne recevant plus de fonds sont retournés à leurs préoccupations plus habituelles.

La traduction automatique (TA) s'est focalisée dans un premier temps (la première démonstration date de 1954) sur une conception éminemment linguistique, travaillant par correspondances lexicales, même si Weaver insistait déjà sur le fait que la traduction mot-à-mot était trop limitée et que la prise en compte du contexte était nécessaire. En réalité, les premières recherches en TA n'ont pas été menées à des fins linguistiques, mais dans un but d'espionnage, en pleine guerre froide. Dans ce cas aussi la Russie a été pionnière : je mentionnerai les travaux parfois oubliés de Artsouni et de Trojanskij qui avaient déposé en 1933 (c'était un travail de précurseurs !) un brevet de traduction automatique qui resta malheureusement lettre morte. En 1964, Revzin et Rozenzveig avaient donné leur *Osnovy obščego i mašinnogo perevoda* (*Fondements de la traduction générale et de la traduction automatique*, déjà traduit en français en 1968 à l'ISTI de Bruxelles par G. Chantrain).

En langue française, on ne compte que de très rares travaux sur la traductologie russe avant les années 2000. Tout au plus, quelques mentions épisodiques comme celle que l'on retrouve chez Mounin dans ses *Problèmes théoriques de la traduction* (1963 : 13) :

> […] A.V. Fédorov, isolant l'opération traduisante afin d'en constituer l'étude scientifique (et de promouvoir une science de la traduction), pose en premier lieu qu'elle est une opération linguistique, et considère que toute théorie de la traduction doit être incorporée dans l'ensemble des disciplines linguistiques.

Ou cette seule phrase chez Ballard, dans son remarquable *De Cicéron à Benjamin* (1992) :

> Fédorov, selon un schéma analogue, consacre le chapitre deux de son *Introduction à une théorie de la traduction* à des « Éléments de l'histoire de la traduction et de ses théories ».

Brian Baer a eu la gentillesse d'affirmer récemment, lors de la présentation d'une thèse de doctorat sur la traductologie russe contemporaine (Dmitrienko 2022), que j'étais un pionnier en la matière, se référant entre autres à mon article *Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique* (1979). On trouve aussi quatre articles en langue française, mais tous sous la plume d'auteurs russes, dans le numéro spécial de la revue *Meta* (1992) consacré à la traduction en Russie. Il faudra attendre l'an 2000 pour que Bodrova-Gogenmos rédige un travail d'envergure sous la forme d'une thèse de doctorat consacrée à la traductologie russe dans son rapport à la théorie interprétative de la traduction (TIT) de l'ESIT (Paris).

D'autres explications peuvent être avancées pour comprendre cette méconnaissance de la traductologie russe. Il est vrai, d'une part, qu'en

traductologie on ne lit généralement que dans ses langues de travail, ce qui est un suicide épistémologique dans une science par essence interculturelle. On fait alors l'impasse sur d'innombrables recherches dans le domaine et on se prive des apports d'autres auteurs. Par ailleurs, en traductologie comme dans d'autres sciences, qu'elles soient humaines ou dures, la tendance est à la spécialisation et on s'enferme dès lors dans un créneau de plus en plus étroit dont il devient difficile de sortir : être spécialisé, c'est ignorer des pans entiers du savoir. Enfin, pour ce qui a trait plus spécifiquement à l'objet de cette étude, il convient de ne pas oublier que l'accès aux ouvrages publiés en Europe orientale a longtemps été ardu avant 1990, ce qui a considérablement limité la portée des recherches.

L'ombre tutélaire de Fedorov

C'est Georges Mounin qui a fait connaître, même si ce n'est que discrètement, la traductologie russe en France. Mounin, un des plus grands linguistes français du 20e siècle, grand italianisant, s'est intéressé tôt à la traduction et, à travers elle, à la traductologie. Il a notamment traduit Dante, Pétrarque, Savonarole, Machiavel et Umberto Saba. En 1954, il publie le merveilleux *Dix-sept poètes italiens traduits*, aujourd'hui malheureusement tombé dans l'oubli. Ce que l'on sait moins, c'est qu'il s'est aussi attaqué à Pasternak[4], entreprise audacieuse quand on connaît la musicalité qui scande l'œuvre de cet écrivain.

À l'époque, introduire la traductologie russe en France se limite à évoquer un seul auteur, Fedorov, lequel a indubitablement marqué l'après-guerre pour plusieurs raisons. J'y reviendrai plus avant. Mounin porte Fedorov au pinacle et le range parmi les plus grands, les pères fondateurs (2003 : 100) :

> J'ajoute, et je suis en train de rédiger mon ordonnance finale du bon médecin, j'ajoute qu'un bon manuel de référence si c'est Nida, c'est bien, deux, ce serait mieux parce que qui n'entend qu'une cloche n'entend qu'un son et même Nida, c'est bien de le contrebalancer par un autre.
>
> Alors vous aurez le choix. Si vous êtes slavisant, allez lire Fédorov. Je crois d'ailleurs que Fédorov a été traduit en Belgique, je crois qu'il a été traduit en français (ici, dans votre Institut[5]. Gloire à votre Institut [l'ISTI] et je n'ai encore jamais vu cet exemplaire. Je me sers donc de la deuxième édition

[4] La fille de Georges Mounin, Claire, m'a confié qu'il avait appris le russe en autodidacte dans sa voiture, en attendant son épouse, institutrice, à la sortie de son école.

[5] En 1968, Deresteau et Sergeant traduiront *Introduction à la théorie de la traduction* de Fedorov (édition de 1958) dans le cadre d'un travail de fin d'études réalisé à l'Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI) de Bruxelles. Ce même ouvrage sera retraduit en partie par mes soins en 1978 dans le cadre de mon propre travail de fin

de Fédorov en russe). Donc si vous êtes slavisant, ayez Nida à gauche et Fédorov à droite.

Le succès de Fedorov s'explique en grande partie par le fait qu'il incarne le tournant linguistique de la traduction dans l'ancienne Union soviétique avec son livre *Introduction à une théorie de la traduction* de 1953, rompant ainsi avec la tradition littéraire qui avait prévalu jusque-là et créant à son corps défendant deux écoles quasi irréconciliables : les tenants de l'école littéraire (Antokol'skij[6], Gatchetchiladze…) se voient désormais concurrencés par les tenants de l'approche linguistique (Fedorov, Reformatskij, Retsker… et un certain Barkhudarov). De même, le livre de Fedorov[7] dépasse la simple ambition théorique dans la mesure où il aura permis la création en U.R.S.S. dès 1956, et dans le cadre de l'Institut Gorki de Moscou, de la première section de traduction dotée de programmes adossés à des critères scientifiques. Dans son article *Un siècle de traductologie russe* (2019 : 99–117), Garbovskiy retrace remarquablement et méticuleusement les trois grandes périodes de l'histoire de la pensée traductologique russe.

On peut raisonnablement considérer que, si les tenants de l'approche littéraire vont peu à peu être mis sous l'éteignoir, il y aura aussi au sein de l'approche linguistique des figures de proue et des seconds couteaux. L'omniprésence de Fedorov reléguera au second plan, du moins en Europe occidentale, de grands talents comme Komissarov, Kachkin, Gak, Etkind (même si celui-ci traitait avant tout de traduction poétique), Revzin, Rozenzveig, Retsker, Shveitzer et d'autres, dont un certain Barkhudarov.

Il suffit de parcourir quelques publications récentes d'Europe occidentale pour s'en convaincre. Dans son ouvrage *Fedorov's Introduction to Translation Theory* (2021), Brian Baer ne cite jamais Barkhudarov, que ce soit dans le texte, l'index ou la bibliographie. Dans l'*État des lieux de la traductologie dans le monde* (2022), le chapitre consacré à la traductologie russe et intitulé *Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie* ne le mentionne pas davantage et passe sous silence des acteurs de premier plan comme Komissarov, Gak et Revzin, pour ne citer qu'eux. C'est à réparer cette injustice que s'attache la présente étude.

---

d'études, réalisé aussi à l'ISTI : *A.V. Fedorov et G.R. Gatchetchiladze : problème de traductibilité (étude comparative de textes)*.

[6] Pavel Antokol'skij fait partie de ces traducteurs talentueux souvent oubliés. Au départ de l'ukrainien et du français, il versa en russe les poésies de Chevtchenko, Hugo, Éluard, Baudelaire, Aragon, Apollinaire, Rimbaud et Cocteau.

[7] Pour une discussion des théories de Fedorov, le lecteur consultera mon étude *Ponjatie perevodimosti v rabotah russkih teoretikov XX veka* (2008 : 45–56).

Leonid Stepanovitch Barkhudarov

Leonid Stepanovitch Barkhudarov est né le 12 mars 1923 à Petrograd (aujourd'hui Saint-Pétersbourg) et aurait fêté son centième anniversaire il y a deux ans. Son père était un éminent linguiste, spécialiste de la langue russe. Il entama tout naturellement des études de philologie à l'Université de Léningrad, mais dut les interrompre au début de la Seconde guerre mondiale (la « Grande Guerre patriotique » dans la dénomination russe). Juste après la guerre, il put reprendre le cours de ses études au prestigieux Institut Militaire des langues étrangères de l'Armée rouge[8] (*ВИИЯКА*), dont les cours se donnaient à Stavropol. En 1965, il y présente sa thèse *Problèmes syntaxiques de la proposition simple en anglais contemporain* (*Problemy sintaksisa prostogo predloženija sovremennogo anglijskogo jazyka*) et obtient le titre de docteur en philologie. La même année, il enseignera déjà à l'Institut Maurice Thorez des langues étrangères (*МГПИИЯ*), où il occupera les chaires de traduction et de grammaire. C'est manifestement la convergence de ces deux chaires qui expliquera sa conception linguistique de la traduction, outre le fait que Fedorov venait de publier sept ans plus tôt la seconde édition de son ouvrage *Introduction à la théorie de la traduction*. C'est à Maurice Thorez[9] qu'il lui sera donné de rencontrer Retsker, Rozenzveig, Komissarov, Černov et Gončarenko, avec lesquels il collaborera étroitement. On peut raisonnablement considérer que la fréquentation de ces grands philologues et linguistes orientera sa conception linguistique de l'activité traduisante. D'autant plus qu'il s'agit de contrastivistes (Gak pour le français ou Komissarov pour l'anglais et l'allemand) ou de linguistes « purs et durs » (Šveicer, qui fut le directeur scientifique de Komissarov). Garbovskij (2020 : 172) souligne à raison que :

> Les premières promotions de la période d'après-guerre de cette institution [Institut Militaire des langues étrangères] ont donné à la linguistique et à la traductologie une pléiade de chercheurs, dont les ouvrages parus dans les années 1960–70 ont formé la base de la traductologie soviétique[10] :
>
> – Gak Vladimir (1924–2004), *Cours de la traduction*, 1962.
> – Miniar-Beloroutchev Rurik (1922–2000), *L'interprétation consécutive*, 1969.

---

[8] L'Institut fut créé en 1940 et fermé en 1956 (Garbovskiy, 2020 : 172).

[9] *La Faculté de Traducteurs et Interprètes* fut fondée en 1942 au sein *de l'Institut moscovite des Langues Modernes* qui fut dénommée *Institut Maurice Thorez* à partir de 1964. En 1990, *l'Institut devient la MGLU* (*Université Linguistique d'État de Moscou*).

[10] Pour une discussion sur la notion de « traductologie soviétique » on consultera mon article « Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique », publié dans Meta en 2005.

– Komissarov Vilen (1924–2005), *Le discours sur la traduction*, 1973.
– Shvejtser Aleksandr (1923–2002), *La traduction et la linguistique*, 1973.
– Barkhoudarov Léonid (1923–1985), *La langue et la traduction*, 1975.

Leonid Stepanovitch devint aussi le rédacteur en chef de la célèbre revue *Les Cahiers du traducteur* (*Тетради переводчика*), qu'il anima pendant de longues années. Il mourut en 1985 à l'âge de 62 ans, il y a tout juste quarante ans.

Mais l'essentiel me semble être sa production scientifique, laquelle n'a pas été à mes yeux estimée à sa juste valeur. Contrairement aux apparences, Leonid Stepanovitch n'est pas l'homme d'un seul livre. Je reviendrai plus loin sur cette œuvre phare, mais il convient de ne pas faire l'économie d'autres textes intéressants qu'il publia bien avant. Dès 1962, certainement dans le cadre de la rédaction de sa thèse, il publia *Obščelingvističeskoe značenie teorii perevoda*, un court texte d'une petite dizaine de pages qui montre selon lui le rattachement de la traduction à la linguistique générale. En 1964, il donnera *Process perevoda s lingvističeskoj točki zrenija*, qui est dans la même veine. La même année, *O leksičeskih sootvetsvijah v poètičeskom perevode / na materiale perevoda I. A. Buninym « Pesni o Gajavate »*. En 1967, avec Žukova, Kvasjuk et Šveitcer, *Posobie po perevodu tehničeskoj literatury / anglijskij jazyk*. Ces textes préfigurent son œuvre maîtresse *Jazyk i Perevod* (1975), dont on fête cette année le cinquantième anniversaire de la parution. C'est bien entendu ce livre qui contient l'essence de son discours sur la traduction.

Langue et traduction (Язык и перевод)

Un peu à la manière du *Cours de linguistique générale* de Saussure, l'ouvrage *Langue et traduction* s'est peu à peu constitué en s'appuyant sur les notes des cours dispensés par Barkhudarov à l'Institut Maurice Thorez. Revendiquant une conception linguistique de la traductologie[11], l'auteur puisera ses exemples dans deux langues : le russe et l'anglais.

Dès ce que l'on pourrait appeler son *Avertissement au lecteur* (1973 : 2), il prend ses distances par rapport au courant dominant de l'époque en matière de linguistique générale et comparée, notamment appliquée à la théorie de la traduction :

> […] в настоящей работе пришлось уделить много места разъяснению позиций автора по семантическим проблемам, тем более что принятая

[11] Le terme *traductologie* signifie « discours sur la traduction » (*logos*), alors que le terme russe *perevodovedenie* renvoie au savoir, à la science : du vieux-russe *vedat'* (« savoir »), que l'on retrouve par exemple dans la particule de liaison contemporaine *ved'*.

в работе точка зрения расходится с господствующей в современном языкознании (во всяком случае, с концепцией, принятой в большинстве работ, написанных у нас в Советском Союзе).

L'objet du livre est annoncé sans équivoque au chapitre premier consacré à l'essence de la traduction (*сущность перевода*). Le processus de traduction obéit à une logique transformationnelle, que n'aurait pas reniée un Nida et que l'on peut inscrire dans la lignée chomskienne[12], et sa volonté battre en brèche le structuralisme dominant à l'époque (*op. cit.*, 5) :

> […] термин «процесс» применительно к переводу понимается нами в чисто лингвистическом смысле, то есть, как определённого вида языковое, точнее, межъязыковое **преобразование** или **трансформация текста на одном языке в текст на другом языке**. Опять-таки, термин «преобразование» нельзя понимать буквально — сам исходный текст или текст оригинала не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остаётся неизменным, но наряду с ним и на основе его создаётся другой текст на ином языке, который мы называем «переводом» в первом смысле этого слова (перевод как сам переведённый текст). Иными словами, термин «преобразование» (или «трансформация») здесь может быть употреблён лишь в том смысле, в каком этот термин применяется в синхронном описании языка вообще: речь идёт об определённом отношении между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создаётся на основе первой.

Et c'est cette démarche transformationnelle (ou générative) qui autorisera la traduisibilité[13] (*переводимость*) entre deux textes (*op. cit.*, 25), quelles que soient les langues de départ et d'arrivée (*между любыми двумя языками*). Tout naturellement, les segments de texte à traduire seront découpés en *unités de traduction*, un peu à la manière de Vinay et Darbelnet dans leur *Stylistique comparée du français et de l'anglais* (1958). La traduction s'inscrit en conséquence dans la macro-linguistique, et plus précisément dans la linguistique appliquée (*прикладное языкознание*).

Le discours de Barkhudarov ne se borne pas, comme on pourrait le croire en première analyse, à proposer un modèle transformationnel de traduction fondé sur la seule sémantique. L'auteur élargit sa conception

---

[12] Barkhudarov se réfère d'ailleurs explicitement à Saussure et à Chomsky dans la partie consacrée à la place de la traductologie au sein d'autres disciplines (*op. cit.*, 28).

[13] Mounin a étudié cette notion (en prenant la langue russe pour exemple), qu'il dénomme curieusement « tra**ducti**bilité », alors qu'il utilise par ailleurs le terme « intra**duisi**ble » (1963 : 277).

de la traduction à un modèle sémiotico-sémantique. Pour dire les choses autrement, la dimension communicative prend toute son importance ; ce faisant, la *correspondance*, de l'ordre du linguistique, cède le pas à l'*équivalence*, de l'ordre du message. Le passage suivant est éclairant (*op. cit.*, 231) :

> Сущность этой модели, в неформализованном виде, сводится к следующему: переводчику задаётся текст на том или ином языке (ИЯ), представляющий собой построенную по определённым правилам и несущую определённую информацию последовательность единиц, принадлежащих к данной знаковой системе (системе ИЯ). Задачей переводчика является преобразование этого текста в эквивалентный ему текст на каком-то ином языке (ПЯ). Понятие «эквивалентный» понимается в смысле «несущий ту же самую информацию», то есть имеющий то же самое семантическое содержание, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания.

On peut y voir l'influence naissante du fonctionnalisme et c'est ici qu'intervient la *sémiologie*, à savoir l'étude de tous les systèmes de communication (y compris non verbaux bien entendu). L'essor du fonctionnalisme a été en partie entravé par l'influence de Barthes (1966 : 1–27), qui a réduit la sémiologie à « la recherche des significations (et non de la communication) de certains phénomènes sociaux » (Baudot et Tatilon 1994 : 22). En partie aussi par la prégnance du structuralisme dans les années 1960 (j'y fus moi-même initié pendant mes études dans les années 1970), lequel s'est rapidement cantonné à la linguistique tout en déconsidérant les approches historique et diachronique. On pensera ici inévitablement aux formalistes russes moscovites et pétersbourgeois des années 1915–1930 (Jakobson, Tynjanov, Chklovskij), qui ont d'ailleurs largement influencé le structuralisme occidental (dont Martinet).

Toute la question est de savoir si une structure est « pertinente », autrement dit si elle fonctionne, ce qui est essentiel en traductologie. Essentiel parce que sémiologie et traductologie sont indissociables en ce qu'elles doivent déceler et rendre « ce qui fait signe » dans un écrit, même si celui-ci n'est pas strictement littéraire. On pensera à par exemple à l'allusif, à l'implicite, au non-dit, au suggestif, au persuasif ou au symbolique. C'est ainsi que les équivalences sémantiques entre langue de départ et langue d'arrivée sont définies comme suit par Barkhudarov : transfert des significations référentielles, grammaticales, pragmatiques, intralinguistiques et, surtout, contextuelles et situationnelles. En un mot, rattacher sans nuances Barkhudarov à l'école linguistique russe de traduction apparaît réducteur : la langue est un vecteur de communication qui ouvre la porte au contexte extralinguistique et situationnel.

Concrètement, le traducteur doit, aux yeux de Barkhudarov, appliquer un modèle bipartite de traduction. Une phase d'analyse doit précéder une phase de synthèse (*op. cit.*, 232) :

> […] процесс перевода с этой точки зрения можно разложить на два основных этапа, соответствующих двум этапам в работе самого переводчика над переводимым текстом — этап анализа и этап синтеза. Сущность первого этапа заключается в понимании переводчиком значения (суммы или системы значений) исходного текста; сущность второго этапа — в выражении того же значения (той же суммы или системы значений) средствами иного языка. Первое, то есть понимание, предполагает установление иерархии языковой системы — от морфемы (в некоторых случаях даже фонемы или графемы) до всего текста в целом. Второе, то есть перевыражение понятого значения средствами иного языка, требует нахождения соответствующих единиц выражения того же значения на всех уровнях языковой иерархии в ПЯ.

On le voit, Barkhudarov n'a sans doute pas été lu en profondeur. Le lot de certaines études contemporaines est de répéter d'articles en ouvrages des sources secondaires (ce qu'un auteur écrit sur un autre), voire tertiaires (compilation, indexation et commentaires de sources secondaires), simplement parce qu'on ne lit pas la langue de l'original, parce qu'on n'y a pas accès, ou parce qu'on ne prend pas la peine de consulter la source primaire. On classe alors les auteurs dans un cadre définitoire qui ne correspond pas à la profondeur ni à la complexité de leur pensée. Leur vision théorique est ainsi anémiée, caricaturée, pour ne pas dire faussée. Cette étude tente de restaurer, en partie du moins, la pensée de Barkhudarov dans sa vérité.

Épilogue

Rendre hommage à un auteur du passé n'est pas chose aisée. On prend le risque de commettre des imprécisions ou erreurs susceptibles de dénaturer le propos. Je me suis employé à relire l'œuvre maîtresse de Barkhudarov en faisant l'économie des quelques publications qui lui sont consacrées (elles sont somme toutes peu nombreuses, *a fortiori* en Europe occidentale et en langue française, et elles se cantonnent souvent à quelques allusions fugitives). J'ai préféré analyser l'environnement social et intellectuel qui a entouré l'activité traduisante en Russie soviétique pour en comprendre l'historiogenèse. En contextualisant le propos de Barkhudarov, j'ai la faiblesse de croire qu'on appréhende mieux sa démarche intellectuelle et qu'on approche davantage la vérité.

Mon étude n'a d'autre objectif que de rappeler la place — souvent méconnue — qu'a occupée Barkhudarov dans la traductologie de son époque, ainsi que l'héritage théorique qu'il nous a légué. Certainement à un moment où les auteurs du passé sont oubliés, voire déclassés.

Cet hommage m'a paru encore davantage bienvenu en cette année 2025, où nous commémorons le 40e anniversaire de sa disparition. Mais où nous célébrons aussi le 50e anniversaire de la parution de *Langue et traduction*, le 20e anniversaire de la fondation de l'ESTI et le 270e anniversaire de l'Université Lomonossov.

Bibliographie

Alekseev M.P. (1931), Problema hudožestvennogo perevoda, Irkoutsk, Sb. rabot Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, v. XVIII, pp. 157–173.

Antokol'skij P.G. (1986) Izbrannye proizvedenija v 2-h tomah. Moscow : Hudožestvennaja literatura.

Baer B. éd. (2021) Fëdorov's Introduction to Translation Theory. London and New York: Routledge.

Ballard M. (1992) De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions. Presses Universitaires de Lille.

Ballard M. et D'Hulst L. (1996) La Traduction en France à l'âge classique. Lille : Presses universitaires du Septentrion.

Balliu Chr. (1978) A.V. Fëdorov et G.R. Gatchetchiladze : problème de traductibilité (étude comparative de textes), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI), Bruxelles.

Balliu Chr. (1979) Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique, Bruxelles, Équivalences. No. 10, 1–2, pp. 45–48.

Balliu Chr. (2002) Les traducteurs transparents, Bruxelles, les éditions du Hazard.

Balliu Chr. (2003) Louis Leboucher dit Georges Mounin. Textes inédits rassemblés et édités par Christian Balliu, Bruxelles, les éditions du Hazard.

Balliu Chr. (2005) Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique, Le prisme de l'Histoire, Meta, n° spécial consacré à L'histoire de la traduction, Montréal, Presses de l'Université de Montréal, vol. 50. No. 3, pp. 934–948.

Balliu Chr. (2008) Ponyatie perevodimosti v rabotah russkih teoretikov dvadcatogo veka. Lectures Fédoroviennes, 9e édition, coll. Traductologie universitaire, Faculté de Philologie, Université d'État de Saint-Pétersbourg, pp. 45–56.

Balliu Chr. (2015) La traductologie russe sous l'angle de la culture française, *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Université Lomonossov de Moscow,* 4, pp. 4–33 (bilingue russe-français).

Barkhudarov L.S. (1960) Grammatika anglijskogo jazyka (v sistematičeskom izloženii), Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah.

Barkhudarov L.S. (1962) Obščelingvističeskoe značenie teorii perevoda. Teorija i praktika perevoda, Leningrad, pp. 8–14.

Barkhudarov L.S. (1964) Process perevoda s lingvističeskoj točki zrenija. Konferencija po voprosam teorii i metodiki prepodavanija perevoda. Moscow.

Barkhudarov L.S. (1964) O leksičeskih sootvetsvijah v poėtičeskom perevode, na materiale perevoda I.A. Buninym « Pesni o Gajavate ». Tetradi perevodčika, pp. 41–60.

Barkhudarov L.S. (1966) Problemy sintaksisa prostogo predloženija sovremennogo anglijskogo jazyka, Moscow : Vysšaja škola.

Barkhudarov L.S. Žukova Ju., Kvasjuk I. et Šveicer A. (1967) Posobie po perevodu tehničeskoj literatury / anglijskij jazyk, Moscow : Meždunarodnye otnošenija.

Barkhudarov L.S. (1975) Očerki po morfologii sovremennogo anglijskogo jazyka, Moscow : Vysšaja škola.

Barkhudarov L.S. (1975) Jazyk i perevod. Moscow : Meždunarodnye otnošenija.

Barkhudarov L.S. (1983) Vvedenie v transformacionno-poroždajuščuju grammatiku anglijskogo jazyka : učeb. posobie. Moscow : MGPIIJA.

Barthes R. (1966) Introduction à l'analyse structurale des récits. *L'Analyse structurale du récit, Communications*. No. 8.

Batiouchkov F.D., Gumiliov N.S., Tchoukovskij K.I. (1920) Principy hudožestvennogo perevoda. Pg., 2oe izd.

Berkov P.N. (1965) Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle. *Revue des Études Slaves.* No. 44, 1–4, pp. 47–58.

Bodrova-Gogenmos T. (2000) La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement) : ses apports et ses limites, Paris : ESIT, Université de Paris III — Sorbonne Nouvelle.

Cary E. (1957) Théories Soviétiques de la Traduction, Babel, 3 : 4, pp. 179–190.

Deresteau R. et Sergeant A. (1968) Introduction à la théorie de la traduction de Fédorov (éd. de 1958), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI). Bruxelles.

D'Hulst L. (1990) Cent ans de théorie française de la traduction. De Batteux à Littré (1748–1847), Presses Universitaires de Lille.

Dmitrienko G. (2022) La théorie linguistique de la traduction comme « programme de recherche » : profil disciplinaire épistémologique et institutionnel de la traductologie russe contemporaine, thèse de doctorat en traduction. Université de Montréal.

Etkind E.G. (1963) Poėzija i perevod, Moscow — Leningrad: Sovetskij pisatel'.

Finkel' A.M. (1939) O nekotoryh voprosah teorii perevoda. Naučnye zapiski Har'kovskogo gosudarstvennogo Instituta inostrannyh jazykov. v. 1, pp. 59–82.

Fëdorov A. (1953) Osnovy obščej teorii perevoda, Moscow : Vysšaja škola.

Gak V.G. (1962) Kurs o perevode. Francuzskij jazyk. Obščestvenno-političeskaja leksika, Moscow : IMO.

Gak V.G. (1994–1995) Traduction : art ou science ? Bruxelles : Équivalences. No. 24/2–25/1, pp. 5–17.

Garbovskiy N.K. (2019) Un siècle de traductologie russe. Au cœur de la traductologie. Hommage à Michel Ballard (études réunies par Lieven D'hulst, Mickaël Mariaule et Corinne Wecksteen-Quinio). Arras, Artois Presses Université, coll. Traductologie, pp. 99–117.

Garbovskiy N.K. (2019) 100 let otečestvennoj teorii perevoda (k 100-letiju vyhoda v svet «Principov hudožestvennogo perevoda» K. Čukovskogo i N. Gumilëva). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 36–49.

Garbovskiy N.K. (2020) La traductologie russe : sa valeur réelle et mythique. Démythifier la traductologie (sous la direction de Christian Balliu et Françoise Wuilmart). Bruxelles : Équivalences, No. 47, 1–2, pp. 155–207.

Guister M. (2022) Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie. État des lieux de la traductologie dans le monde, sous la direction de Florence Lautel-Ribstein et Olivier Dorlin. Paris : Classiques Garnier.

Kachkin I.A. (1936) Ložnyj princip i nepriemlemye rezul'taty. O bukvalizme v russkih perevodah Dikkensa. *Inostrannye jazyki v škole.* No. 2, pp. 22–41.

Kachkin I.A. (1954) O metode i škole sovetskogo hudožestvennogo perevoda. *Znamja*. No. 10, pp. 152.

Klyshko A.A. (1987) Perevod — sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov : sb. st. Moscow : Прорресс.

Komissarov V.N. (1973) Slovo o perevode. Moscow.

Ladmiral J.-R. (1979) Traduire : théorèmes pour la traduction, Paris : Payot.

Morozov M.M. (1954) Izbrannye stat'i i perevody. Moscow : Goslitizdat.

Mounin G. (1954) Dix-sept poètes italiens traduits. Paris : Cahiers du Sud. No. 323, pp. 23–46.

Mounin G. (1963) Les problèmes théoriques de la traduction, Paris : Gallimard.

Mounin G. (1994) Travaux pratiques de sémiologie générale, Textes réunis et publiés par Alain Baudot et Claude Tatilon. Toronto: Éditions du GREF, coll. Theoria 3.

Revzin I.I., Rozenzveig B.JU. (1964) Osnovy obščego i mašinnogo perevoda, Moscow : Vysšaja Škola.

Riffaterre M. (1971) Essais de stylistique structurale, présentation et traductions de Daniel Delas. Flammarion, Paris.

Rossel's V.M. (1936). V atel'e perevodčika. Tetradi perevodčika. No. 3. Moscow.

Rozenzveig B. JU. éd. (1992) La traduction en Russie. Théorie et pratique, Montréal : Meta, vol. 37. No. 1.

Serdioutchenko G.P. (1948) Očerki o problemah perevoda. Nal'čik.

Smirnov A.A. (1934) Perevod. Literaturnaja Ėnciklopedija, v. 8.

Stoliarov M.P. (1939) Iskusstvo perevoda hudožestvennoj prozy. Literaturnyj kritik. No. 5–6, pp. 242–254.

Šveicer A.D. (1973) Perevod i lingvistika, Moscow : Voenizdat.

Tchoukovskij K.I. (1919) Les traductions en prose. Principy khudožestvennogo perevoda (Principes de traduction littéraire).

Vinay J.-P. et Darbelnet J. (1958) Stylistique comparée du français et de l'anglais, Paris : Didier; Montréal: Beauchemin.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-23-40

ЛЕОНИДУ СТЕПАНОВИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 100 ЛЕТ

Кристиан Балью

Исследовательский центр TRADITAL (Исследовательский центр письменного и устного перевода, дидактики и автоматической обработки языка), Свободный университет Брюсселя

Для контактов: christianballiu1@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося российского лингвиста и переводоведа Леонида Степановича Бархударова. Автор, Кристиан Балью, исследует вклад Бархударова в теорию перевода, подчёркивая его лингвистический и семиотико-семантический подходы. В работе рассматривается исторический контекст развития переводоведения в России, начиная с XVIII века, и сравнивается с западными традициями. Особое внимание уделено главному труду Бархударова «Язык и перевод» (1975), где он обосновал трансформационную модель перевода, сочетающую анализ и синтез языковых единиц. Статья также затрагивает проблему недооценки наследия Бархударова в западной науке и призывает к более глубокому изучению его идей.

LEONID STEPANOVICH WOULD HAVE TURNED 100 YEARS OLD

Christian Balliu

Research Center TRADITAL (Research Center for Written and Oral Translation, Didactics, and Automated Language Processing), Université libre de Bruxelles (ULB)

For contacts: christianballiu1@gmail.com

Abstract. The article celebrates the 100th anniversary of the birth of the prominent Russian linguist and translation scholar Leonid Stepanovich Barkhudarov. Authored by Christian Balliu, it explores Barkhudarov's contributions to translation theory, highlighting his linguistic and semiotic-semantic approaches. The study examines the historical context of translation studies in Russia, tracing its roots back to the 18th century, and contrasts it with Western

traditions. Special focus is given to Barkhudarov's seminal work "Language and Translation" (1975), where he proposed a transformational model of translation that integrates analysis and synthesis of linguistic units. The article also addresses the underappreciation of Barkhudarov's legacy in Western scholarship and calls for a deeper engagement with his ideas.

Введение

В России теория перевода имеет долгую историю. В отличие от многих теоретических моделей, особенно западных, которые начали появляться только в 1950-е годы, она уходит своими корнями в более далёкое прошлое.

В 1857 году историк литературы Лонгинов (Берков, 1965: 48–49) опубликовал в журнале «*Современник*» статью на тему *Переводы из Энциклопедии Дидро*, которые были изданы в Москве в 1767 году. Речь шла о 27 статьях из различных областей научных знаний, переведённых в ту эпоху. Лонгинов комментирует переводческие решения переводчиков и отбор источников. Можно сказать, что это уже были зачатки теории перевода. Другой большой эрудит — Штранге (Там же), который, на мой взгляд, является по-настоящему выдающимся русским исследователем истории перевода, малоизвестным в XX веке изучал связь между русским переводом «*Энциклопедии Дидро*» и развитием свободомыслия в рамках нескольких университетских курсов. В весьма интересной статье «*Энциклопедия» Дидро и её русские переводчики*» Штранге рисует идеологический портрет русских переводчиков.

Наконец, невозможно переоценить влияние Михаила Ломоносова как на русский язык, так и опосредованно на перевод (Балью, 2015: 18–18). Когда в 1755 году Ломоносов написал первую «*Российскую грамматику*», его цель, равно как и цель Клода Фавра де Вожла во Франции, заключалась в том, чтобы описать русский язык и упорядочить его функционирование. Ломоносов стремился нормализовать русский язык (это стремление нашло отражение в его теории «трёх штилей») и в некотором смысле создать литературный русский язык. Ломоносов хотел запретить использование иностранных слов и варваризмов и выступал за русский язык, основанный на своей истории. Таким образом, Ломоносов косвенным образом касался перевода. Выступая против иностранных слов, он думал о иноязычном засорении языка как о возможном следствии перевода. Восхваляя величие русского языка, он *ipso facto* утверждал, что язык располагает всеми необходимыми ресурсами для перевода выдающихся произведений иностранной литературы. В терми-

нах теории перевода это призыв к целевому подходу — программе перевода, при которой происходит ориентация на получателя. В России XVIII век ознаменовался не только вступлением страны в эпоху нового времени, но и предвосхитил, хоть и довольно робко, рассвет переводческой мысли.

Первопроходцы российской теории перевода

Есть достаточно оснований заявить, что первый научный текст, в котором даётся теоретическое представление переводческой деятельности, восходит к 1919 году, когда была опубликована работа Корнея Чуковского «*Принципы художественного перевода*» (Балью, 2005: 935–936). Эта работа разделена на две части: первая часть была написана самим Чуковским и посвящена прозаическому переводу, а вторая была создана Гумилёвым[1], и в ней говорилось о поэтическом переводе. Эта работа носит не только теоретический характер, она также может смело называться настоящим пособием по переводу. Другими словами, следует обратить внимание, что прискорбного разрыва между теорией и практикой[2], так часто осуждаемого во Франция или в Бельгия, в этой работе нет.

Вот что говорит по этому поводу Эдмон Кари (наст. имя — Кирилл Зноско-Боровский), при этом не упоминая Гумилёва: «78 страниц работы Чуковского расширяют небольшой букварь, опубликованный им несколькими годами ранее. Работа имеет практический характер, почти эмпирический, тем не менее автор пытается обозначить некоторые основные идеи. Здесь нет догматики, это замечания и обобщения художника. Значительная часть исследования носит критический характер, автор выставляет на смех невежд, снобов, выскочек, не говоря уже о тех, кто читает по диагонали.

Одна особенность может поразить западного читателя. На этих страницах русский переводчик предстаёт перед нами как человек, который овладевал иностранными языками с помощью книг. Этот факт не относится к эпохе Советского Союза. Пушкин, который любил творчество Байрона, произносил английские слова на фран-

---

[1] Гумилёв, один из ведущих представителей акмеизма, выдающийся переводчик Рембо и Верлена, а также драматург и эссеист, был расстрелян в 1921 году, после чего канул в небытие. Его поэтическое произведение (ведь он был также поэтом и был женат на Анне Ахматовой) впервые было опубликовано в 1986 году в сборнике «Огонёк», приуроченном к столетию со дня его рождения. Сразу же после этого в 1987 году Клышко опубликовал его исследование о поэтическом переводе в сборнике о переводе. В моей библиографии я воздаю должное Гумилёву, упоминая об этом сборнике.

[2] По этой теме можно прочитать мнение Ладмираля (1979: 7).

цузский манер. Однако в исследовании Чуковского угадывается одна проблема: исчезновение охотно путешествующей старой прослойки интеллигенции, на замену которой пришли переводчики с меньшим кругозором, знающие заграницу только по книгам» (1957: 182–183).

Эдмонд Кари, мягко говоря, осведомлён был не очень хорошо. Гумилёв не только обладал книжными познаниями в области иностранной, в частности французской, литературы, он бывал во Франции, где часто посещал поэтические круги. Кроме того, как справедливо отмечает Гарбовский, в издании 1919 года было не 78, а 35 страниц: «Шёл 1919 год. Недавно созданное издательство 'Всемирная литература' при Народном Комиссариате Просвещения издаёт для внутреннего пользования небольшую, всего в 35 страниц, брошюру 'Принципы художественного перевода'. В брошюре две статьи, К. Чуковского и Н. Гумилёва, посвящённые принципам, правилам и некоторым ограничениям одного из сложнейших видов художественного творчества — художественного перевода в двух его ипостасях: перевод прозаический и перевод стихотворный» (2019: 36–37).

Вслед за Чуковским и Гумилёвым были опубликованы и другие теоретические работы. Не вдаваясь в подробности, которые выходят за рамки данного исследования, я бы хотел упомянуть работы Алексеева (1931), Смирнова (1934), Столярова (1939), Финкеля (1939), Кашкина (1936 и 1954), Сердюченко (1948) и Морозова (1954); работы этих авторов обозначены в библиографии в конце статьи. Все эти работы посвящены художественному переводу и продолжают развитие принципов, заложенных в издательстве «*Всемирная литература*», созданном Горьким в 1919 году, за исключением работы Сердюченко, больше напоминающей патриотический манифест. Это далеко не полный список, но его достаточно, чтобы показать, что в Советском Союзе того времени существовала проблема научного определение понятия «перевод».

В то же время в Западной Европе, и в частности, во Франции, теория перевода ещё молчал[3]. Первые работы по теории перевода появились лишь в 1950–1960-е годы. Вначале робко, переводоведение заявило о себе публикациями Кари, которые носили довольно

[3] Это не было историческим наследием. В XVII и XVIII веках во Франции начался рассвет настоящей чрезвычайно богатой теории перевода, но после Французской революции она впала в летаргический сон и пробыла в таком состоянии до своего возрождения в 1950-х годах. По этому вопросу см. работы д'Юльста (1990), Балляра и д'Юльста (1996), Балью (2002).

общий характер, однако именно благодаря им возникло новое поле для размышлений. Затем вышла работа Жоржа Мунена «Теоретические проблемы перевода» (1963), которая воспроизводила его диссертацию, защищённую в Сорбонне, и ознаменовала вхождение науки о переводе во французские университеты, равно как и стремление к эмансипации лингвистики.

Отставание французского и западного переводоведения

В первой половине XX века и сразу же после войны переводоведческую литературу на русском языке во Франции не читали: не было никакой потребности в научном изучении переводческой деятельности. Перевод там воспринимался как приложение к языкознанию и как простой способ проверки языковых навыков посредством традиционных для французского образования упражнений по переводу с иностранного языка на родной и с родного языка на иностранный. Данная традиция корнями восходит к изучению древнегреческих и древнеримских классиков и обязана своим происхождением системе педагогики иезуитов XVII века, у которых была практически полная монополия на гуманитарное образование во Франции. В этот период зародилась мода на подстрочный перевод, которую переняла Россия и в рамках которой перевод не существовал сам по себе, а лишь для того, чтобы подспудно познакомиться с оригиналом, т.е. перевод выступает инструментом.

Подобное полное подчинение перевода (и переводоведения) языкознанию объясняется следующим образом. В языкознании превалирующим направлением (в частности, в Германии) в XIX веке было «сравнительное» языкознание (определение говорит само за себя). Оно сформировалось как самостоятельная дисциплина в конце века и противопоставлялось социологии Дюркгейма. Подобный атавизм довлел ещё много десятилетий и препятствовал появлению социолингвистического подхода к переводу, воплощением которого в 1960-е годы стали работы Юджина Найды, а в 1970-е — Мориса Пернье. В самых значительных трудах по сравнительному языкознанию лингвистика не оставляла никакого места переводу. Бопп искал праязык (Ursprache), из которого возникли другие языки. Стайнер в эссе «После Вавилона» (1975) [В русском переводе книга вышла под названием «После вавилонского смешения» в 2020 г.] заявил о существовании почти мистического исчезнувшего первоязыка. Таким образом, перевод оказался в вечном долгу перед языкознанием.

Кроме того, ситуация объясняется и полной неосведомлённостью о том, что происходило в сфере перевода в Восточной Европе и, в частности, в Советском Союзе. По окончании Второй мировой войны произошло разделение на два блока, началась холодная война, что отнюдь не способствовало улучшению ситуации. Неосведомлённость продолжалась вплоть до начала 1990-х годов, когда информационный и культурный обмен между Западом и Советским Союзом стал более лёгким. В 1960-е же годы и так не слишком серьёзная заинтересованность языковедов вопросами перевода ещё больше ослабла. Вот что писал Жорж Мунен в 1977 году: «[...] после 1965 года лингвисты перестают интересоваться вопросами перевода. Объяснение этому очень простое [...]. Всё потому, что к 1965 году спонсоры, которые мечтали использовать электронные вычислительные машины для автоматического перевода текстов, будучи реалистами (они, впрочем, провели оценку уже проделанной работы), [...] осознали, что, если автоматический перевод однажды и состоится, это будет очень, очень, очень нескоро.

Следовательно, спонсоры автоматически пришли к выводу, что финансировать исследования автоматического перевода не стоит, а языковеды, которые перестали получать финансовые средства, вернулись к более привычным вопросам» (Мунен, 2003: 90).

Изначально (первая демонстрация состоялась в 1954 году) автоматический перевод (АП) был построен исключительно на лингвистической концепции, в основу которой были положены лексические соответствия, даже несмотря на то, что Уивер уже настаивал на том, что дословный перевод слишком ограничен и что необходимо учитывать контекст. В действительности первые исследования АП проводились не в целях развития лингвистики, а для шпионажа в разгар холодной войны. И в этой области Россия была первооткрывателем: следует упомянуть работы, о которых часто забывают, Арцруни и Троянского, которые в 1933 году (это была работа первопроходцев!) хотели запатентовать машинный перевод, который, к сожалению, так и остался лишь проектом. В 1964 году Ревзин и Розенцвейг представили свой труд «Основы общего и машинного перевода» (переведённый на французский язык в 1968 году в Институте перевода (ISTI) в Брюсселе Ж. Шантреном).

До 2000 годов можно насчитать лишь несколько редких работ на французском языке, посвящённых русскому переводоведению. В лучшем случае можно найти несколько эпизодических упоминаний об этом у Ж. Мунена в работе «Problèmes théoriques de la traduction — Теоретические проблемы перевода» .

> «[...] А.В. Фёдоров, выделяя переводческую операцию с целью её научного изучения (и продвижения науки о переводе), в первую очередь утверждает, что она является лингвистической операцией, и считает, что любая теория перевода должна быть частью совокупности лингвистических дисциплин» (Фёдоров, 1963: 13).

Или единственная фраза у Мишеля Балляра в его замечательном труде «De Cicéron à Benjamin» — От Цицерона до Беньямина»: «по аналогичной схеме А.В. Фёдоров во “Введении в теорию перевода” посвящает вторую главу основам истории перевода и его теорий» (Балляр, 1992: 15–16). Брайан Байер недавно во время представления докторской диссертации по современному русскому переводоведению (Дмитриенко, 2022) любезно заявил, что я был первооткрывателем в данной области, ссылаясь, в числе прочих, на мою статью «Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique — Современные тенденции перевода в Советском Союзе», опубликованную в 1979. Также можно найти четыре других статьи на французском языке, но русских авторов, в специальном выпуске журнала Meta (1992), который был посвящён переводу в России. Лишь в 2000 году Т.И. Бодрова-Гоженмос написала большую работу в формате докторской диссертации, которая была посвящена русскому переводоведению в свете интерпретативной теории перевода (ИТП), предложенной в Парижской высшей школе перевода (ESIT, Париж).

Можно выдвигать иные объяснения, чтобы понять причины неосведомлённости о русском переводоведении. С одной стороны, безусловно, в области переводоведения обычно читают работы, написанные на своих рабочих языках, что является эпистемологическим самоубийством в науке, которая по сути является межкультурной. Таким образом, мы попадаем в тупик бесчисленных исследований в одной области и лишаемся возможности ознакомиться с вкладом других авторов. Кроме того, в переводоведении, как и в других науках, будь то гуманитарные или естественные науки, наблюдается тенденция к специализации, и мы сосредотачиваемся на всё более узких областях, из которых становится сложно выбраться — узкая специализация означает игнорирование целых областей знаний. В заключение, в отношении нашего конкретного объекта этого исследования не стоит забывать, что доступ к опубликованным в Восточной Европе работам был долго затруднён, вплоть до 1990 года, в связи с чем размах исследований был значительно ограничен.

Под сенью Учителя А.В. Фёдорова

Во Франции о русском переводоведении узнали, пусть и не в полной мере, благодаря Жоржу Мунену. Один из выдающихся лингвистов Франции XX века, известный итальянист, он ещё в молодости начал заниматься переводом, что и стимулировало его интерес к вопросам теории перевода, что и привело его к переводоведению. В частности, он переводил Данте, Петрарку, Савонаролу, Макиавелли и Умберто Сабу. В 1954 году Мунен опубликовал замечательную книгу «Dix-sept poètes italiens traduits» — Семнадцать переведённых итальянских поэтов, которая сегодня, к сожалению, забыта. Ещё менее известно, что он также пытался переводить Пастернака[4]; это было дерзким порывом, если вспомнить о музыкальности произведений этого писателя.

В то время упоминание о русском переводоведении во Франции ограничивалось одним автором — А.В. Фёдоровым, — который бесспорно явился знаковой фигурой послевоенного периода по целому ряду причин. Я вернусь к этому вопросу чуть позже. Ж. Мунен превозносит А.В. Фёдорова и причисляет его к великим отцам-основателям: «Добавлю, и это мой окончательный диагноз опытного доктора, добавлю, что хороший учебник, пользующийся популярностью, если его автор — Найда, это хорошо. Но два учебника — это лучше, ведь, кто слушает только один колокол, слышит лишь один звук, пусть даже это Найда. Но хорошо бы его уравновесить другим. В таком случае у вас будет выбор. Если вы славист, читайте А.В. Фёдорова. Впрочем, кажется, Фёдоров был переведён в Бельгии, и, вроде, переводили его на французский (здесь, в вашем Институте[5]. Слава Институту [ISTI]! правда, я никогда не видел этого экземпляра и поэтому пользуюсь вторым изданием А.В. Фёдорова на русском). Так что, если вы слависты, держите Найду по левую руку, Фёдорова — по правую» (Мунен, 2003: 100).

Успех Фёдорова во многом объясняется тем, что он своей книгой 1953 года «Введение в теорию перевода» воплотил лингвисти-

---

[4] Дочь Жоржа Мунена поведала мне, что отец учил русский самостоятельно в машине, когда ждал свою жену, учительницу, у школы.

[5] В 1968 г. Дересто и Сержан переводили «Введение в теорию перевода» Фёдорова (по изданию 1958 г.) в качестве выпускной работы в Высшем институте письменного и устного перевода (ISTI) Брюсселя. Я сделал частичный новый перевод этой книги в 1978 г. уже в рамках моей выпускной работы, выполненной в Институте (ISTI), которая называлась «А.В. Фёдоров и Г.Р. Гачечиладзе: к вопросу о переводимости (сравнительное исследование текстов)».

ческий поворот в переводе в бывшем Советском Союзе, отступив от господствовавшей до того времени литературной традиции и невольно создав две почти непримиримые школы: главы литературной школы (Антокольский[6], Гачечиладзе и др.) теперь соперничали со сторонниками лингвистического подхода (Фёдоров, Реформатский, Рецкер … и некий Бархударов). Более того, книга Фёдорова[7] выходит за рамки собственно теории, поскольку она привела к созданию в СССР в 1956 году в Литературном институте имени А.А. Горького в Москве первой кафедры перевода с программами, основанными на научных критериях. В своей статье «Un siècle de traductologie russe» — Один век из истории российского переводоведения» Гарбовский прекрасно и подробно описал три основных периода в истории русской переводческой мысли (Гарбовский, 2019a: 99–117).

Вполне логично предположить, что если сторонники литературного подхода будут потихоньку отходить на второй план, то и в рамках лингвистического подхода появятся ведущие и второстепенные фигуры. Широкая известность Фёдорова отодвинула на второй план, по крайней мере в Западной Европе, такие большие таланты, как Комиссаров, Кашкин, Гак, Эткинд (хотя он занимался в основном поэтическим переводом), Ревзин, Розенцвейг, Рецкер, Швейцер и другие, включая некоего Бархударова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на несколько недавних изданий из Западной Европы. В своей работе «Fedorov's Introduction to Translation Theory» — Введение в теорию перевода Фёдорова» Брайан Байер (2021) ни разу не ссылался на Бархударова, будь то в тексте, в ссылках или списке литературы. В труде «État des lieux de la traductologie dans le monde — Состояние переводоведения в мире» (2022) глава «Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie — Древние и современные. Состояние переводоведения в России» также его не упоминают, как и такие ключевые фигуры, как Комиссаров, Гак, Ревзин и другие. Цель данной исследовательской работы — исправить эту несправедливость.

---

[6] Павел Антокольский — один из талантливых и редко упоминаемых переводчиков. Его перу принадлежат переводы на русский язык с украинского и французского поэтических произведений Шевченко, Гюго, Элюара, Бодлера, Арагона, Аполлинера, Рембо и Кокто.

[7] Для обсуждения теорий Фёдорова можно ознакомиться с моим очерком «Понятие переводимости в работах русских теоретиков XX века» (2008: 45–56).

Леонид Степанович Бархударов

Леонид Степанович Бархударов родился 12 марта 1923 году в Петрограде (нынешнее название города — Санкт-Петербург), два года назад исполнилось 100 лет со дня его рождения. Его отец был выдающимся лингвистом в области русского языка. Естественно, он начал филологическое образование в Ленинградском университете, однако не смог продолжить учёбу из-за начала Второй мировой войны (Великой Отечественной войны, как её называют в России). Сразу после окончания войны продолжал обучение в престижном Военном институте иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА)[8], который находится в Ставрополе на Волге. В 1965 году он защитил диссертацию «Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка» и получил степень доктора филологических наук. В том же году Леонид Степанович уже преподавал в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза (МГПИИЯ), где он заведовал кафедрой перевода и грамматики. Очевидно, что сочетание этих двух кафедр объясняет его лингвистическую концепцию перевода, а также тот факт, что за семь лет до этого Фёдоров опубликовал второе издание «Введения в теорию перевода». Именно в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза[9] он встретил Рецкера, Розенцвейга, Комиссарова, Чернова и Гончаренко, с которыми тесно работал. Разумно предположить, что знакомство с этими великими филологами и лингвистами повлияло на его лингвистическую концепцию перевода. Тем более, если это специалисты в области контрастивной лингвистики (Гак для французского языка, Комиссаров для английского и немецкого языков) или теоретической лингвистики (Швейцер, который был научным руководителем Комиссарова). Гарбовский (2020: 172) справедливо отмечает: Первые послевоенные выпуски этого института (Военного института иностранных языков Красной Армии) дали лингвистике и переводоведению плеяду выдающихся исследователей, чьи работы, опубликованные в 1960–70-е годы, легли в основу советского переводоведения[10]:

---

[8] Институт был создан в 1940 г. и расформирован в 1956 г. (Гарбовский, 2020: 172).

[9] Переводческий факультет был основан в 1942 году Московском институте иностранных языков, переименованный в Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза в 1964 году. В 1990 году институт стал МГЛУ (Московским государственным лингвистическим университетом).

[10] Для обсуждения понятия «советское переводоведение» можно обратиться к моей статье «Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique — Ключи к истории советского переводоведения», опубликованной в журнале Meta в 2005 г.

«– Владимир Гак (1924–2004) «Практический курс перевода», 1962;
– Миньяр-Белоручев Р.К. (1922–2000) «Последовательный перевод», 1969;
– Вилен Комиссаров (1924–2005) «Слово о переводе», 1973;
– Александр Швейцер (1923–2002) «Перевод и лингвистика», 1973;
– Леонид Бархударов (1923–1985) «Язык и перевод», 1975.»

Леонид Степанович на протяжении длительного времени был также главным редактором знаменитого сборника «Тетради переводчика». Он умер в 1985 году в возрасте 62 лет, т.е. ровно 40 лет назад.

Однако главным, как мне кажется, является его научная деятельность, которая не получила, на мой взгляд, должной оценки. Вопреки поверхностным представлениям, Леонид Степанович отнюдь не автор одной работы. К этой выдающейся работе я вернусь позже, но важно не упускать из виду другие интересные тексты, которые он опубликовал задолго до этого. Уже в 1962 году, скорее всего, в рамках своей диссертации он опубликовал работу «Общелингвистическое здание теории перевода» — небольшой текст объёмом около десяти страниц, который, по его мнению, показывал связь между переводом и общей лингвистикой. В 1964 году он опубликовал работу «Процесс перевода с лингвистической точки зрения», в которой проводится та же идея. В этом же году вышла статья «О лингвистических соответствиях в поэтическом переводе», написанная на материале перевода И.А. Буниным поэмы «Песнь о Гайавате». В 1967 году появилась книга «Пособие по переводу технической литературы» (английский язык), написанная с Жуковой, Квасюком и Швейцером. Эти работы предвосхитили его шедевр — «Язык и перевод» (1975). В этом году исполняется пятьдесят лет со дня выхода в свет этой книги. Разумеется, именно в этой работе содержится суть его рассуждений о переводе.

Язык и перевод

Подобно «Курсу общей лингвистики» Соссюра, книга «Язык и перевод» была постепенно собрана на основе курса лекций, который Бархударов читал в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Выдвигая лингвистическую концепцию переводоведения[11], автор основывается на примерах из двух языков: русского и английского.

[11] Термин traductologie означает «тексты о переводе» (logos), в то время как русский термин переводоведение обращает нас к знанию, к науке: от старорусского

Уже в разделе «От автора» он отдаляется от главного на то время направления общей и сравнительной лингвистики, в частности, что касалось теории перевода: «[...] в настоящей работе пришлось уделить много места разъяснению позиции автора по семантическим проблемам, тем более, что принятая в работе точка зрения расходится с господствующей в современном языкознании (во всяком случае, с концепцией, принятой в большинстве работ, написанных у нас в Советском Союзе)» (1973: 2).

Цель книги ясно изложена в первой главе, посвящённой сущности перевода. Процесс перевода подчиняется трансформационной логике, которую, по всей вероятности, не отрицал и Найда в русле лингвистики Хомского[12] и её стремлению пробить брешь в господствовавшем в то время структурализме: «[…] термин «процесс» применительно к переводу понимается нами в чисто лингвистическом смысле, то есть как определённого вида языковое, точнее, межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке. Опять-таки, термин «преобразование» нельзя понимать буквально — сам исходный текст или текст оригинала не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остаётся неизменным, но наряду с ним и на основе его создаётся другой текст на ином языке, который мы называем «переводом» в первом смысле этого слова (перевод как сам переведённый текст). Иными словами, термин «преобразование» (или «трансформация») здесь может быть употреблён лишь в том смысле, в каком этот термин применяется в синхронном описании языка вообще: речь идёт об определённом отношении между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создаётся на основе первой» (Там же: 5).

Именно такой трансформационный (порождающий) подход допускает принцип проводимости (traduisibilité[13]), применимый к отношению между любыми двумя языками (Там же: 25). Очевидно, что части переводимого текста должны быть поделены на единицы перевода, отчасти в соответствии с идеями Вине и Дарбельне, изложенными в «Сопоставительной стилистике французского и

ведать (знать), фрагмент которого обнаруживается, например, в частице ведь современного русского языка.

[12] Бархударов ссылается на Соссюра и Хомского в разделе, посвящённом месту переводоведения среди других дисциплин (1973: 29).

[13] Ж. Мунен занимался изучением этого понятия (на примере русского языка), которое он почему-то называет *traductibilité*, параллельно используя слово *intraduisible* (Мунен, 1963: 277).

английского языков» (1958). Таким образом, перевод относится к области макролингвистики, а точнее, к прикладному языкознанию.

Текст Бархударова не ограничивается, как может показаться при первом прочтении, представлением трансформационной модели перевода, основанной исключительно на семантике. Автор говорит о семиотико-семантической модели. Иными словами, на первое место выходит коммуникативный аспект. Таким образом, языковые соответствия уступают место смысловым эквивалентам. Следующий абзац разъясняет эту мысль:

«Сущность этой модели, в неформализованном виде, сводится к следующему: переводчику задаётся текст на том или ином языке (ИЯ), представляющий собой построенную по определённым правилам и несущую определённую информацию последовательность единиц, принадлежащих к данной знаковой системе (системе ИЯ). Задачей переводчика является преобразование этого текста в эквивалентный ему текст на каком-то ином языке (ПЯ). Понятие «эквивалентный» понимается в смысле «несущий ту же самую информацию», то есть имеющий то же самое семантическое содержание, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания» (Бархударов, 1973: 231).

Здесь мы можем наблюдать зарождающееся влияние функционализма, здесь подключается семиология, то есть наука, изучающая разнообразные системы передачи информации (конечно же включая невербальные). Развитие функционального подхода частично сдерживалось влиянием Барта (1966: 1–27), который сводил семиологию к «исследованию значимостей (а не к передаче) некоторых социальных феноменов» (Baudot et Tatilon, 1994: 22). А также сохраняющимся влиянием структурализма в 1960-е годы (я испытал это на себе во время учёбы в 1970-е), который сразу же всё свёл к лингвистике, обесценив исторический и диахронический подход. Конечно же, здесь мы непременно вспоминаем о московских и петербургских формалистах 1915–1930-х годов (Якобсон, Тынянов, Шкловский), которые, в свою очередь, оказали влияние на западный структурализм (в том числе и на Мартине).

Вопрос состоит в том, является ли структура уместной, то есть функциональной, что очень важно при переводе, так как и семиотика, и теория перевода неразделимы в том, что занимаются определением и описанием всего того, что представляет собой знак в письменном тексте, даже если этот текст не имеет исключительно литературного характера. Речь идёт, например, о недосказанности, об имплицитном, о символизме, подразумеваемом,

предполагаемом, внушаемом. Именно так Бархударов и определяет семантическую эквивалентность между исходным и переводящим языком: передача референциального, грамматического, прагматического, внутриязыкового и в особенности контекстуального и ситуативного значений. Одним словом, отнести Бархударова к русской лингвистической переводческой школой без каких-либо оговорок было бы упрощением: язык — это средство общения, которое допускает возможность экстралингвистического и ситуативного контекста.

В частности, по мнению Бархударова, модель перевода должна состоять из двух этапов: за этапом анализа должен следовать этап синтеза «[…] процесс перевода с этой точки зрения можно разложить на два основных этапа, соответствующих двум этапам в работе самого переводчика над переводимым текстом — этап анализа и этап синтеза. Сущность первого этапа заключается в понимании переводчиком значения (суммы или системы значений) исходного текста; сущность второго этапа — в выражении и того же значения (той же суммы или системы значений) средствами иного языка. Первое, то есть понимание, предполагает установление иерархии языковой системы — от морфемы (в некоторых случаях даже фонемы или графемы) до всего текста в целом. Второе, то есть перевыражение понятого значения средствами иного языка, требует нахождения соответствующих единиц выражения того же значения на всех уровнях языковой иерархии в ПЯ» (1973: 232).

Как мы видим, многие понимают идеи Бархударова лишь поверхностно. К сожалению, некоторые современные научные исследования представляют собой пересказ неоригинальных работ на основе прямых рецензий одного автора на исследования другого или даже непрямых (посредством компиляций, индексов цитирования и комментариев вторичных источников) по той причине, что автор не знаком с языком, на котором написан оригинал, не имел к нему доступа или просто не хотел с ним работать. Таким образом, автору приписываются положения, которые не соответствуют ни глубине, ни сложности его идей. Его научное видение упрощается, и если ему не противоречат, то оно как минимум искажается. Это исследование — попытка хотя бы частично воспроизвести истинные положения концепции Бархударова.

Эпилог

Воздавать должное ушедшему автору — непростая задача. Мы рискуем неточно или неправильно передать его идеи, что может

исказить всю концепцию. Я предпочёл ещё раз прочесть основную работу Бархударова вместо нескольких публикаций, посвящённых ему (их не так много, особенно в Западной Европе и на французском языке, и зачастую в них мы находим лишь несколько косвенных упоминаний). Для того чтобы понять историогенез переводческой деятельности в Советской России, я принял решение проанализировать социальную и интеллектуальную среду, в которой она протекала. Я надеюсь, что рассмотрение идей Бархударова в соответствующем контексте привело к лучшему пониманию его концепции и приблизило нас к истине.

Моё исследование задумывалось с одной лишь целью — напомнить о том значении (во многом малоизвестном), которое имели для теории перевода той эпохи работы Бархударова, а также о теоретическом наследии, которое досталось нам. Особенно сейчас, когда труды авторов прошлого забываются, их значение принижается.

Такая дань уважения показалась мне очень уместной в 2025 году, на который приходится 40-я годовщина смерти Леонида Степановича. Кроме того, на этот год приходится ещё несколько памятных дат — 50-летие со дня публикации его труда «Язык и перевод», 20-летие Высшей школы перевода и 270-летие Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Перевод с французского
С. Аббасовой, Т. Головачевой, А. Матросовой, Г. Яковцева

Список литературы

Алексеев М.П. Проблема художественного перевода // Сборник работ Иркутского государственного университета. XVIII. Иркутск, 1931. С. 157–173.

Антокольский П.Г. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1986.

Бархударов Л.С. Грамматика английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960.

Бархударов Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода // Теория и практика перевода. 1962. С. 8–14.

Бархударов Л.С. Процесс перевода с лингвистической точки зрения, конференция по вопросам теории и методики преподавания перевода. М., 1964.

Бархударов Л.С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе. На материале перевода И.А. Буниным «Песнь о Гайавате». 1964. С. 41–60.

Бархударов Л.С. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка, М.: Высшая школа, 1969.

Бархударов Л.С., Жукова Ю.И., Квасюк И.В., Швейцер А.Д. Пособие по переводу технической литературы. Английский язык, М.: Международные отношения, 1967.

Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка, М.: Высшая школа, 1975.

Бархударов Л.С. Язык и перевод, М.: Международные отношения, 1975.

Бархударов Л.С. Введение в трансформационно-порождающую грамматику английского языка. Учебное пособие, М.: МГПИИЯ, 1983.

Батюшков Ф.Д., Гумилёв Н.С., Чуковский К.И. Принципы художественного перевода. Статьи, 2-е изд., 1920.

Гак В.Г. Курс перевода. Французский язык (общественно-политическая лексика). М.: ИМО, 1962.

Гарбовский Н.К. 100 лет отечественной теории перевода (к 100-летию выхода в свет «Принципов художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва) // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. № 2, 2019. С. 36–49.

Кашкин И.А. Ложный принцип и неприемлемые результаты. О буквализме в русских переводах Ч. Диккенса // Иностранные языки в школе. 1936. № 2. С. 22–41.

Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. 1954. № 10. 152 с.

Клышко А.А. Перевод — средство взаимного сближения народов: сб. ст. М.: Прогресс, 1987.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М. 1973.

Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: Гослитиздат, 1954.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.

Россельс В.М. В ателье переводчика. Тетради переводчика. М., 1936. № 3.

Сердюченко Г.П. Очерки по вопросам перевода. Нальчик, 1948.

Смирнов А.А. Перевод, Литературная энциклопедия. 1934. Т. 8.

Столяров М.П. Искусство перевода художественной прозы, Литературный критик, № 5–6, 1939. С. 242–254.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

Чуковский К.И. Принципы художественного перевода. 1919.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1953.

Финкель А.М. О некоторых вопросах теории перевода // Научные записки Харьковского государственного института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 59–82.

Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.; Л.: Советский писатель, 1963.

Baer B. éd. (2021) Fedorov's Introduction to Translation Theory. London and New York, Routledge.

Ballard M. (1992) De Cicéron à Benjamin. Traducteurs, traductions, réflexions, Presses Universitaires de Lille.

Ballard M. et D'hulst L. (1996) La Traduction en France à l'âge classique, Lille, Presses universitaires du Septentrion.

Balliu Chr. (1978) A.V. Fedorov et G.R. Gatchetchiladze: problème de traductibilité (étude comparative de textes), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI), Bruxelles.

Balliu Chr. (1979) Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique, Bruxelles: Équivalences. No. 10, 1–2, pp. 45–48.

Balliu Chr. (2002) Les traducteurs transparents, Bruxelles, les éditions du Hazard.

Balliu Chr. (2003) Louis Leboucher dit Georges Mounin. Textes inédits rassemblés et édités par Christian Balliu, Bruxelles, les éditions du Hazard.

Balliu Chr. (2005) Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. Le prisme de l'Histoire, Meta, n° spécial consacré à L'histoire de la traduction, Montréal, Presses de l'Université de Montréal, vol. 50. No. 3, pp. 934–948.

Balliu Chr. (2008) Понятие переводимости в работах русских теоретиков двадцатого века. *Lectures Fédoroviennes*, 9e édition, coll. Traductologie universitaire, Faculté de Philologie, Université d'État de Saint-Pétersbourg, pp. 45–56.

Balliu Chr. (2015) La traductologie russe sous l'angle de la culture française. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Université Lomonossov de Moscou, No. 4, pp. 4–33 (bilingue russe-français).

Barthes R. (1966) Introduction à l'analyse structurale des récits. L'Analyse structurale du récit. Communications. No. 8.

Berkov P.N. (1965) Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle. *Revue des Études Slaves.* No. 44, 1–4, pp. 47–58.

Bodrova-Gogenmos T. (2000) La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement) : ses apports et ses limites, Paris, ESIT, Université de Paris III — Sorbonne Nouvelle.

Cary E. (1957) Théories Soviétiques de la Traduction. Babel. No. 3, 4, pp. 179–190.

Dmitrienko G. (2002) La théorie linguistique de la traduction comme « programme de recherche » : profil disciplinaire épistémologique et institutionnel de la traductologie russe contemporaine, thèse de doctorat en traduction, Université de Montréal.

Deresteau R. et Sergeant A. (1968) Introduction à la théorie de la traduction de Fédorov (éd. de 1958), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI), Bruxelles.

D'hulst L. (1990) Cent ans de théorie française de la traduction. De Batteux à Littré (1748–1847), Presses Universitaires de Lille.

Gak V.G. (1994–1995) Traduction: art ou science? Bruxelles, Équivalences, No. 24/2–25/1, pp. 5–17.

Garbovskiy N.K. (2019) Un siècle de traductologie russe. Au cœur de la traductologie. Hommage à Michel Ballard (études réunies par Lieven D'hulst, Mickaël Mariaule et Corinne Wecksteen-Quinio), Arras, Artois Presses Université, coll. Traductologie, pp. 99–117.

Garbovskiy N.K. (2020) La traductologie russe : sa valeur réelle et mythique. Démythifier la traductologie (sous la direction de Christian Balliu et Françoise Wuilmart). Bruxelles: Équivalences. No. 47, 1–2, pp. 155–207.

Guister M. (2022) Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie. État des lieux de la traductologie dans le monde, sous la direction de Florence Lautel-Ribstein et Olivier Dorlin, Paris, Classiques Garnier.

Ladmiral J.-R. (1979) Traduire: théorèmes pour la traduction, Paris: Payot.

Mounin G. (1954) Dix-sept poètes italiens traduits. Paris, *Cahiers du Sud*. No. 323, pp. 23–46.

Mounin G. (1963) Les problèmes théoriques de la traduction, Paris: Gallimard.

Mounin G. (1994) Travaux pratiques de sémiologie générale. Textes réunis et publiés par Alain Baudot et Claude Tatilon, Toronto, Éditions du GREF, coll. Theoria, No. 3.

Riffaterre M. (1971) Essais de stylistique structurale, présentation et traductions de Daniel Delas, Flammarion, Paris.

Rozenzveig B.Ju. éd. (1992) La traduction en Russie. Théorie et pratique, Montréal: Meta. Vol. 37, No. 1.

Vinay J.-P. et Darbelnet J. (1958) Stylistique comparée du français et de l'anglais, Paris: Didier — Montréal: Beauchemin.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-41-56

ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ НА ВОЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ЭКОМОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА

Ли Цзясинь

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: dlljx999@gmail.com

Аннотация. Люйшунькоу (известный в истории также как Порт-Артур) — важный порт Китая, имеющий богатую историю, связанную с китайско-японской и русско-японской войнами. В разные периоды он находился под контролем Японии, Российской империи и впоследствии СССР, что оставило глубокий след в его культурном наследии. Одним из ключевых памятников является «Башня Победы в Люйшунькоу», построенная в 1955 году в честь победы над фашизмом. Этот памятник символизирует совместную борьбу Китая и России в разные периоды её истории. В работе тексты на памятнике на русском и китайском языках исследуются с использованием экологической модели перевода. Анализируются языковые особенности, такие как лаконичность и торжественность, а также роль перевода в передаче исторической и культурной информации. Особое внимание уделяется языковому, культурному, коммуникативному и эстетическому измерениям, что обогащает критерий оценки качества перевода в экомодели перевода (степень интеграции, адаптации и отбора). Исследование показывает, что перевод текстов на памятниках требует учёта исторического контекста и культурных особенностей. На примере анализа текстов «Башни Победы» демонстрируется, как переводчик достигает баланса между точностью передачи смысла и адаптацией к языковой среде. В исследовании также подчёркивается важность формирования правильной экологической этики при переводе исторических текстов. В рамках экологической модели перевода мы проводим анализ текстов, используя сравнительный и аналитический методы. Это позволяет рас-

© Ли Цзясинь, 2025

крыть важную роль перевода в формировании исторической памяти и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: экомодель перевода, языковое измерение, культурное измерение, коммуникативное измерение, эстетическое измерение, степени интеграции, адаптации и отбора

Для цитирования: *Ли Цзясинь.* Перевод текстов на военных памятниках: взгляд через экомодель перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 41–56. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-41-56

Статья поступила в редакцию 16.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

TRANSLATION OF TEXTS ON MILITARY MONUMENTS: A VIEW THROUGH THE ECOLOGICAL MODEL OF TRANSLATION

Li Jiaxin

Lomonosov Moscow State University, Russia

For contacts: dlljx999@gmail.com

Abstract. Lvshunkou (historically known as Port Arthur) is a significant port in China with a rich history intertwined with the Sino-Japanese and Russo-Japanese wars. Over different periods, it was controlled by Japan, the Russian Empire, and later the USSR, leaving a profound imprint on its cultural heritage. One of its key monuments is the "Victory Tower in Lvshunkou," constructed in 1955 to commemorate the triumph over fascism. This monument symbolizes the joint struggles of China and Russia across different historical periods. In this study, the inscriptions on the monument in Russian and Chinese are examined using the Ecological Model of Translation. Linguistic features such as conciseness and solemnity are analyzed, alongside the role of translation in conveying historical and cultural information. Special emphasis is placed on linguistic, cultural, communicative, and aesthetic dimensions, enriching the evaluation criteria for translation quality within the Ecological Model (degree of integration, adaptation, and selection). The research demonstrates that translating monument texts requires consideration of historical context and cultural nuances. Through the analysis of the Victory Tower inscriptions, the study illustrates how translators balance semantic accuracy with linguistic adaptability. It also highlights the importance of fostering proper ecological ethics in translat-

© Li Jiaxin, 2025

ing historical texts. Employing comparative and analytical methods within the ecological translation framework, the study reveals translation's critical role in shaping historical memory and preserving cultural heritage.

Keywords: ecological model of translation, linguistic dimension, cultural dimension, communicative dimension, aesthetic dimension, degrees of integration, adaptation, and selection

For citation: *Li Jiaxin*. (2025) Translation of Texts on Military Monuments: a view through the Ecological Model of Translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 41–56. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-41-56

The article was received on June 16, 2025;
approved after reviewing on June 23, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

Введение

Люйшунькоу[1] — важный порт не только для Китая, но и для всего мира. Люйшунькоу — естественная незамерзающая гавань на севере Китая. Исторически это был главный город Бэйянского флота[2] и основное поле битвы во время китайско-японской и русско-японской войн.

---

[1] Люйшунькоу (Порт-Артур, 旅顺口). Люйшунькоу, также известный как Порт-Артур, — это стратегически важный портовый город, расположенный на южной оконечности Ляодунского полуострова в Китае. Благодаря своему удобному расположению и естественной гавани, он долгое время играл ключевую роль в военно-морской истории региона. В конце XIX века Люйшунькоу стал одной из главных баз Бэйянского флота, созданного для защиты северных территорий Китая. Однако после поражения Китая в Японо-китайской войне (1894–1895) порт временно перешёл под контроль Японии. В 1898 году Россия арендовала Люйшунькоу у Китая и начала укреплять его, превратив в свою главную военно-морскую базу на Дальнем Востоке. Это стало одной из причин Русско-японской войны (1904–1905), в ходе которой порт снова был захвачен Японией. Люйшунькоу известен не только своим военным значением, но и трагическими событиями, такими как осада Порт-Артура во время Русско-японской войны. Сегодня это важный исторический и культурный объект.

[2] Бэйянский флот (北洋舰队) был одним из самых мощных военно-морских сил Китая в конце XIX века. Он был создан в 1870-х годах по инициативе китайского государственного деятеля Ли Хунчжана в рамках политики самоусиления. Флот базировался в порту Вэйхайвэй и был оснащён современными кораблями, многие из которых были построены на верфях Великобритании и Германии. Бэйянский флот играл ключевую роль в защите северных территорий Китая, включая стратегически важный порт Люйшунь (известный также как Порт-Артур). Этот порт,

Люйшунькоу был оккупирован японцами во время Японо-китайской войны[3] в 1894 году, а затем, в 1898 году, перешёл под контроль Российской империи в результате аренды (Лукоянов, Павлов, 2018: 5). В 1904 году в Люйшунькоу началась Русско-японская война[4], в которой стороны боролись за влияние на китайские территории. Война завершилась победой Японии, и Россия была вынуждена уйти из Люйшунькоу.

В 1931 году Япония вторглась на северо-восток Китая, а в 1937 году началось полномасштабное японское вторжение в Китай. На основе старинной военной базы Япония начала строительство собственной военной базы в Порт-Артуре (Люйшунькоу). Укрепив свои позиции, Япония постепенно расширяла влияние на северо-востоке Китая, что впоследствии привело к аннексии этого региона.

Только в 1945 году, после поражения Японии во Второй мировой войне, она покинула Люйшунькоу, северо-восток Китая и Ляодунский полуостров. В том же году, согласно договорённостям в ходе Ялтинской конференции[5], Советский Союз получил кон-

---

расположенный на южной оконечности Ляодунского полуострова, был одной из главных военно-морских баз флота. Его удобное расположение и укреплённые сооружения делали его идеальным местом для базирования кораблей и контроля над Жёлтым морем.

[3] Японо-китайская война (война Цзяу甲午战争) стала первым крупным конфликтом между Японией и Китаем за влияние в Восточной Азии. Несмотря на численное превосходство Китая, Япония одержала победу благодаря современному вооружению и тактике. Ключевыми событиями стали разгром Бэйянского флота при реке Ялу и захват Люйшунькоу (Порт-Артур). Война завершилась Симоносекским договором в 1895 году: Китай признал независимость Кореи (под влиянием Японии), уступил Тайвань, Пэнху и Ляодунский полуостров. Однако под давлением России, Германии и Франции («Тройственная интервенция») Япония вернула Ляодун Китаю.

[4] Русско-японская война (1904–1905, 日俄战争) стала конфликтом между Российской империей и Японией за влияние в Восточной Азии, особенно в Маньчжурии и Корее. Война началась в феврале 1904 года с внезапного нападения Японии на российскую военно-морскую базу в Порт-Артуре (Люйшунькоу). Основные сражения включали осаду Порт-Артура, битву при Ляояне и Цусимское сражение, где японский флот одержал решительную победу.

[5] Ялтинская конференция, состоявшаяся в феврале 1945 года, стала встречей лидеров антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — для обсуждения послевоенного устройства мира. Одним из ключевых вопросов, касающихся Дальнего Востока, было будущее Люйшунькоу (Порт-Артура). Советский Союз, стремясь укрепить свои позиции в регионе, добился согласия союзников на возвращение ему прав на аренду Люйшунькоу. Это было частью условий вступления СССР в войну против Японии. По договорённостям, достигнутым в Ялте, Люйшунькоу должен был стать военно-морской базой СССР, а также предполагалось совместное использование порта Дальний (Далянь) с Китаем.

троль над Люйшунькоу в качестве военно-морской базы. Однако в 1955 году по просьбе китайского правительства советское руководство во главе с Н.С. Хрущёвым вернуло Люйшунькоу Китаю (согласно Советско-китайскому договору о дружбе и союзе — договору, заключённому сроком на 30 лет 14 августа 1945 года между СССР и Китайской Республикой, возврат должен был состояться только в 1975 году).

История Люйшунькоу сохранилась во множестве памятников, исторических записей и т.д.

Мы будем использовать в качестве исследовательского материала тексты одного из самых известных памятников Люйшунькоу — «Башни Победы в Люйшунькоу», которая была построена перед выводом советских войск из города в честь 10-летия победы в мировой войне против фашизма и торжественно открыта 3 сентября 1955 года. Этот памятник является не только историческим свидетельством совместной борьбы Китая и России против фашизма, но и важным символом дружественных отношений между двумя странами.

Тексты на русском и китайском языках обладают яркой исторической значимостью и отражают особенности эпохи.

1. Экомодель как основа переводческого анализа

В свете экомодели перевода мы можем глубже изучить, как перевод передаёт историческую информацию в различных языковых и культурных контекстах, а также отражает идеологические и политические запросы определённой эпохи.

Экологическая модель перевода — это изоморфная метафора, связывающая перевод с природной экологией (Ху Гэншэнь, 2013: 45). Она была предложена китайским учёным Ху Гэншэном в 2001 году в качестве китайской систематической теории перевода. Это концепция, рассматривающая перевод как сложный экосистемный процесс, где текст, переводчик, культурно-исторический контекст и другие аспекты взаимодействуют по принципам **адаптации, интеграции** и **отбора**. Переводчик адаптирует текст, учитывая особенности целевой аудитории (языковые нормы, культурные коды, коммуникативные функции, исторические ассоциации, эстетические аспекты и др.). Это именно **адаптация**. **Интеграция** подразумевает анализ текста как части системы, в которой языковые элементы (лексика, стиль и др.) и внеязыковые факторы (история, идеология и др.) взаимосвязаны. **Отбор** акцентирует, что переводчик выбирает оптимальные стратегии для сохранения ба-

ланса между точностью и естественностью, избегая культурного вторжения.

Экомодель перевода как новая теоретическая основа перевода подчёркивает экологический баланс, культурное разнообразие и адаптацию в процессе перевода, предлагая новые перспективы и методы для изучения перевода таких текстов.

Кроме того, обращение к экологической модели перевода предлагает новые перспективы для теории и практики перевода, особенно в том, как достичь точной передачи и реконструкции смысла исторических текстов в разных языковых и культурных условиях.

2. Особенности языка на военных памятниках

Тексты на памятниках как особый вид военных текстов обладают уникальными языковыми особенностями и культурным значением. Перевод таких текстов включает не только языковое преобразование, но и учёт множества факторов, таких как культура, идеология и этика.

Тексты на памятниках как продукт определённого исторического периода отражают политический и культурный контекст той эпохи, а также уникальные ценности, присущие тому времени и народу.

Обычно такие тексты отличаются краткостью и лаконичностью, стремясь передать глубокий смысл в ограниченном количестве слов, например: «Помнить прошлое, ценить мир» («铭记历史，珍爱和平»), «Вечная слава героям» («英雄永垂不朽»). Кроме того, язык текстов на памятниках, как правило, торжественный и официальный, а не разговорный, например: «英烈» (герои-мученики), «вечная слава», «подвиг». В то же время язык таких текстов может быть символичным или метафоричным, чтобы передать более глубокий смысл, например: «永垂不朽» (вечная память), «Вечный огонь» («长明火»).

Поэтому в процессе перевода необходимо максимально учитывать эти особенности, чтобы сохранить баланс языкового преобразования.

3. Оценка качества перевода с точки зрения экомодели перевода

Оценка качества перевода всегда была важным аспектом переводоведения. В определённые исторические периоды оценка качества перевода зависела от жёстких норм, диктуемых литератур-

ными направлениями. «Переводное произведение оценивалось по тем же критериям, что и оригинал: оно считалось хорошим, если соответствовало литературным тенденциям времени, и плохим — если нет» (Гарбовский, 2007: 311).

Воспринимая записи на памятнике как особый вид текста, переводчик в процессе перевода в первую очередь должен учитывать культурную адаптацию и выбор. Таким образом, в переводе переводчику необходимо адаптироваться к культурным различиям между исходным и переводным языками, выбирать подходящие стратегии или приёмы перевода, чтобы отразить их культурные особенности. Во-вторых, необходимо поддерживать экологический баланс между исходным и переводным языками. В переводе таких текстов переводчик должен найти баланс между исходным и целевым языками, сохраняя культурные особенности и историческую достоверность оригинала, одновременно обеспечивая понимание читателями переводного языка. Кроме того, в процессе перевода переводчик должен следовать экологической этике, уважать культурные различия между исходным и целевым языками, уважать культурные особенности и исторический контекст оригинала, избегая внесения культурных предубеждений и недоразумений в процессе перевода. Наконец, переводчик должен обеспечить реализацию коммуникативной функции памятника и стремление к эстетике. Другими словами, обеспечение в процессе перевода экологического баланса между исходными и переводными сообщениями предполагает следование экологической этике, обеспечение успешной коммуникации и реализацию эстетической функции.

Обзор особенностей, свойственных различным видам переводимого материала, и анализ применяемых к ним способов перевода убеждает в том, что огромному разнообразию языковых средств, встречающихся в различных подлинниках, отвечает не меньшее разнообразие средств, служащих для их передачи на другом языке (Федоров, 2002: URL). Поэтому при оценке перевода текстов на стеле «Башни Победы» в Люйшунькоу необходимо не только обращать внимание на поверхностные языковые формы, но и всесторонне анализировать, удалось ли переводчику успешно передать торжественный тон оригинала, исторические термины и культурные символы в соответствующих выражениях на языке перевода.

Таким образом, мы можем оценить качество перевода существующего текста, используя критерии экомодели перевода — степени интеграции, адаптации и отбора, с учётом языкового измерения (языковые особенности, стилистический баланс между исходным

и переводным сообщениями), культурного измерения (включая этику и передачу культуры), коммуникативного измерения (коммуникативная функция), а также эстетического измерения.

4. Примеры анализа

4.1. Пример 1

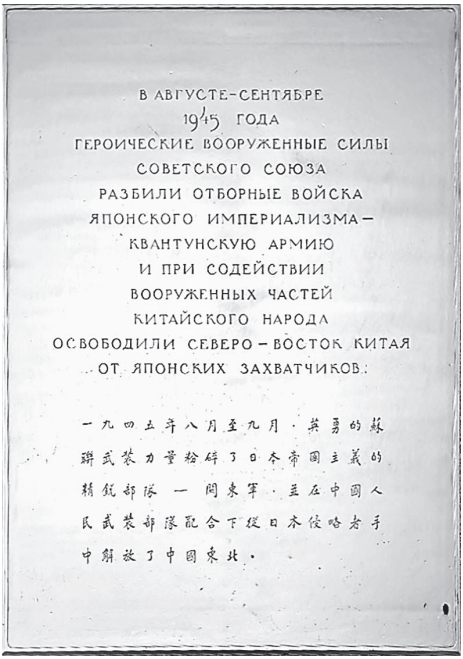

Рис. 1. (Текст на стеле Башни Победы в Люйшункоу 1)

4.1.1. Языковое измерение

В языковом измерении перевод сохраняет точность и плавность оригинала. Перевод слов и выражений также выполнен очень удачно. Например, «героические вооружённые силы советского союза» точно переведены как «英勇的苏联武装力量», а «отборные войска» — как «精锐部队». Эти переводы верно передают смысл оригинала и соответствуют нормам китайского языка. В оригинале выражение «вооружённая часть китайского народа» дословно переводится как «中国人民武装部分», но здесь оно переведено как «中国人民武装部队» (вооружённые силы китайского народа), это показывает, что переводчик сделал выбор с учётом экологической среды целевого языка.

Кроме того, с языковой точки зрения, язык перевода имеет определённый исторический оттенок. Выражение «中国人民武装部队» (вооружённые силы китайского народа) в современном китайском языке уже редко используется, более распространённым является «中国人民解放军» (Народно-освободительная армия Китая). Этот памятник был установлен в 1955 году в честь 10-летия победы во Второй мировой войне. Однако в то время, о котором говорится в тексте (1945 год), понятия «中国人民解放军» (Народно-освободительная армия Китая) ещё не существовало. Оно появилось только в 1946 году (URL, 2010), а до этого использовались такие термины, как «正规军» (регулярные войска), «游击队» (партизанский отряд), «民众武装» (ополчение) и т.д. Очевидно, что переводчик учитывал исторический контекст при выборе подходящего перевода.

Кроме того, в тексте перевода есть один случай несоответствия современным нормам пунктуации. В современном китайском языке тире должно занимать два символа, то есть «——», а в переводе использовано тире длиной в один символ, что не соответствует современным стандартам (URL: 2012).

4.1.2. Культурное измерение

Квантунская армия была основной военной силой японского империализма в северо-восточном регионе Китая и имеет специфический исторический и культурный контекст. В переводе «квантунская армия» напрямую переведена как «关东军», что сохраняет культурное содержание и историческое значение оригинала. Такой подход к переводу не только передаёт специфичность термина, но и избегает потери культурной информации. Кроме того, термин «关东军» имеет особое символическое значение в истории Китая, представляя японскую агрессию и колониальное господство в северо-восточном регионе. Использование в тексте перевода термина «关东军» способно вызвать у китайских читателей эмоциональный отклик и культурные воспоминания, связанные с этим периодом истории. Это является выбором, адаптированным к экологической среде языка перевода.

4.1.3. Коммуникативное измерение

С точки зрения коммуникации, переводчик выполнил задачи, поставленые в процессе перевода при своих адапдации и выборе, перевод эффективно передаёт коммуникативное намерение оригинала. Цель оригинала — увековечить вклад советской армии

в освобождение северо-восточного Китая, и перевод успешно передаёт важность этого исторического события.

4.1.4. Эстетическое измерение

С эстетической точки зрения, перевод сохраняет торжественность и официальный стиль оригинала. Оригинал представляет собой текст на памятной стеле, который обладает мемориальным и историческим значением. Перевод, используя такие слова, как «英勇的» (героические), «粉碎了» (разгромили), «解放了» (освободили), сохраняет торжественность и серьёзность оригинала. Кроме того, структура предложений в переводе лаконична и выразительна, что соответствует особенностям стиля памятных текстов.

В целом, с точки зрения степени интеграции, адаптации и выбора в экомодели перевода, данный перевод демонстрирует хорошие результаты в языковом, культурном, коммуникативном и эстетическом измерениях. Он достигает баланса между экологической средой исходного языка и экологической средой языка перевода, обладая высокой степенью интегративной адаптации и выбора.

4.2. Пример 2

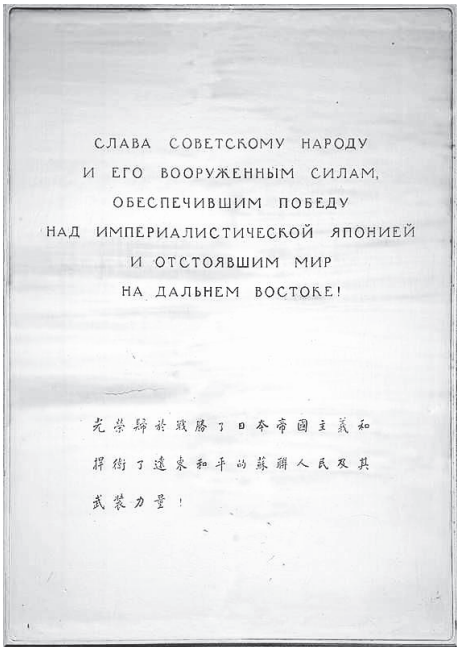

Рис. 2. (Текст на стеле Башни Победы в Люйшункоу 2)

4.2.1. Языковое измерение

Перевод использует конструкцию «光荣属于…» (Слава принадлежит…), которая является распространённой в китайском языке, особенно в контексте восхваления или признания заслуг. Таким образом, переводчик успешно справился с передачей языкового измерения. Слово «отстоять» также переведено очень точно. Этот глагол можно перевести как «守卫», «保卫», «捍卫», «维护» или «一直到底», но переводчик выбрал слово «捍卫», которое обладает сильной эмоциональной окраской, выражает чувство справедливости, ответственности, а также решительность, смелость и самоотверженность. Кроме того, это слово часто используется в официальных или торжественных контекстах, придавая всему предложению ощущение величия и возвышенности.

В процессе перевода фразы «обеспечить победу» переводчик не дословно переводить её как «保证了胜利», а преобразовал её на языковом уровне, переведя как «战胜了…» (победили), преодолев влияние языковой среды исходного текста.

4.2.2. Коммуникативное измерение

Коммуникативная цель оригинала — восхвалить вклад советского народа и его вооружённых сил. Перевод, используя конструкцию «光荣属于…» (Слава принадлежит…), успешно передаёт это чувство восхищения и признания.

4.2.3. Эстетическое измерение

В переводе фраза «战胜了日本帝国主义和捍卫了远东和平的苏联人民及其武装力量» (советский народ и его вооружённые силы, которые разгромили японский империализм и отстояли мир на Дальнем Востоке) довольно длинная и содержит много описательных элементов. В обычном переводе это могло бы сделать предложение несколько громоздким и неудобным для восприятия. Однако, если разделить предложение на две части: «光荣属于苏联人民及其武装力量，他们战胜了日本帝国主义，捍卫了远东和平» (Слава принадлежит советскому народу и его вооружённым силам, они разгромили японский империализм и отстояли мир на Дальнем Востоке), это может ослабить мощь оригинала. Вместо того, чтобы звучать как памятный текст, это будет больше походить на рассказ. Кроме того, фразы «战胜了日本帝国主义» (разгромили японский империализм) и «捍卫了远东和平» (отстояли мир на Дальнем Востоке) создают симметричный ритм, придающий предложению больше гармонии и делающий его более выразительным при чтении.

4.3. Пример 3

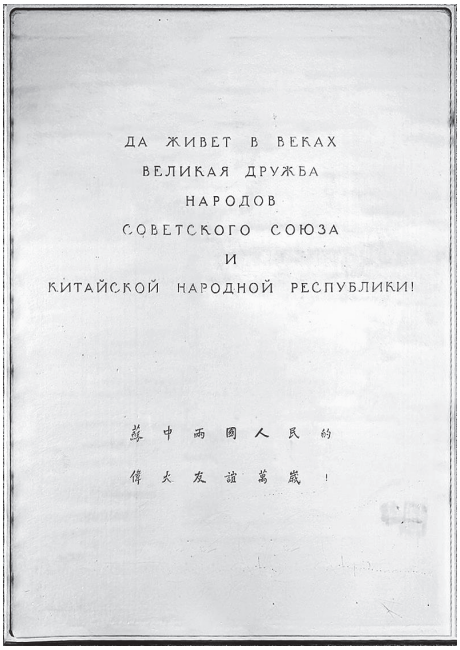

Рис. 3 (Текст на стеле Башни Победы в Люйшункоу 3)

4.3.1. Языковое измерение

Во-первых, в китайском переводе используется сокращение «苏中» (Советский Союз и КНР). В китайском языке такие виды сокращения широко распространены, особенно когда речь идёт о названиях стран или собственных именах. Такое выражение лаконично и понятно, что соответствует нормам китайского языка. Во-вторых, переводчик не перевел дословно «苏中人民» (народ Советского Союза и Китая), а использовал выражение «苏中两国人民» (народы двух стран — Советского Союза и Китая). Хотя в оригинале явно не указано «две страны», исходя из языковой среды исходного текста, подразумеваются именно народы этих двух стран. Поэтому переводчик, учитывая экологическую среду языка перевода, добавил уточнение «两国» (две страны), что является распространённым выражением в китайском языке. Когда речь идёт о народах двух стран, обычно используется формулировка «两国人民» (народы двух стран).

4.3.2. Культурное измерение

В русском языке выражение «Да живёт в веках» является торжественным и часто используется для пожеланий долголетия таким ценностям, как государство, нация или дружба. В китайском языке значение слова «万岁» (ваньсуй) претерпело множество изменений на протяжении истории. Изначально оно выражало пожелание долголетия, затем стало обозначением императора, а в современную эпоху приобрело значение «вечность» или «на тысячу лет» (Ли Цзюаньхун, 2017: 17). В современном китайском языке «万岁» обычно используется как пожелание важным личностям, событиям или ценностям. Например, «中华人民共和国万岁！» (Да здравствует Китайская Народная Республика!) или «世界和平万岁！» (Да здравствует мир во всём мире!). Слово «万岁» обладает сильным культурным отождествлением в китайском языке, способным пробудить исторические воспоминания и эмоциональный отклик у читателей. Хотя «万岁» и «Да живёт в веках» не полностью соответствуют друг другу буквально, их культурные функции схожи: оба выражают торжественное и возвышенное пожелание. Таким образом, данный перевод успешно осуществляет культурное преобразование, сохраняя коммуникативную цель и достигая баланса.

4.3.3. Эстетическое измерение

Перевод очень лаконичен и выражает основную идею оригинала минимальным количеством слов. Предложение использует простую структуру «подлежащее + сказуемое», что делает его кратким и выразительным. Кроме того, сказуемое «万岁» (ваньсуй), состоящее из двух слогов, легко произносится и усиливает ритм предложения. Это также создаёт возвышенный и торжественный образ, выражая вечное пожелание определённым ценностям или явлениям.

Заключение

Проведённое исследование подчёркивает важность экологической модели перевода при работе с историческими текстами, такими как надписи на памятнике «Башня Победы в Люйшунькоу». Анализ текстов на русском и китайском языках показал, что переводчик должен не только точно передавать смысл, но и учитывать культурные, исторические и идеологические аспекты оригинала. Экологическая модель перевода, основанная на принципах баланса, адаптации и уважения к культурным различиям, позволяет сохранить историческую достоверность и эмоциональную насыщенность текстов.

В языковом аспекте есть ещё одна особенность данных памятных текстов: на стеле используются традиционные иероглифы, поскольку упрощенные китайские иероглифы начали распространяться только с 1956 года (Се Вэньянь, 2006: 25). Особое внимание уделяется языковым особенностям памятных текстов, которые отличаются лаконичностью, торжественностью и символичностью. Переводчик должен стремиться к сохранению этих характеристик, одновременно адаптируя текст к языковой и культурной среде целевой аудитории. Это требует не только высокого уровня языковой компетенции, но и глубокого понимания исторического контекста.

Кроме того, в теоретических основах экомодели перевода подчёркивается, что смысловая нагрузка, заложенная в степени интеграции, отбора и адаптации, обладает повышенной сложностью. Данный аспект обобщается через уровень многомерной (а именно трёхмерной) трансформации, охватывающей три базовых параметра: языковое, культурное и коммуникативное измерения, а также другие соответствующие элементы. (Ху Гэншэнь, 2013: 240). Настоящее исследование позволило обобщить аспекты трёхмерной трансформации и уточнить эстетическое измерение как новый компонент многомерной трансформации при переводе текстов военных памятников. Мы полагаем, что данный подход не только демонстрирует эффективность в отношении этого типа текстов, но и может быть распространён на перевод текстов других жанров.

Исследование ещё подчёркивает важность экологической этики в переводе. Переводчик должен уважать культурные особенности и избегать внесения субъективных искажений, которые могут привести к потере исторической значимости текста. Это особенно актуально при работе с текстами, имеющими мемориальное значение, так как они играют ключевую роль в формировании исторической памяти и культурной идентичности.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. 311 с.

BKRS.info — Китайско-русский словарь. URL: https://bkrs.info/

Ли Цзюаньхун. Исследование значения слова «ваньсуй» («万岁») (J). Журнал Наньянского педагогического университета, 2017, 16(04): 14–18.

Лукоянов И.В., Павлов Д.Б. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов / Сост., авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб.: ЦГИПринт, 2018. 522 с.

Национальный стандарт Китайской Народной Республики — Правила использования знаков препинания, 2012, с. 8.

第一次使用 “中国人民解放军” 称谓 (EB/OL). (2020-07-28). https://www.beijing.gov.cn/ywdt/zwzt/qzjj93zn/junshi/202007/t20200728_1963726.html

Первое использование названия «Народно-освободительная армия Китая» (EB/OL). (2020-07-28). https://www.beijing.gov.cn/ywdt/zwzt/qzjj93zn/junshi/202007/t20200728_1963726.html

Се Вэньянь. Исследование упрощения китайских иероглифов с момента основания КНР (D). Хэбэйский университет, 2006.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом ‘ФИЛОЛОГИЯ ТРИ’», 2002. 416 с. URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiperewoda2002.shtml

Ху Гэншэнь. Эко-переводоведение: построение и интерпретация (M). Пекин: Коммерческая пресса, 2013. 548 с.

References

BKRS.info — Kitajsko-russkij slovar’ = Chinese-Russian dictionary. (Electronic resource). URL: https://bkrs.info/

Garbovskiy N.K. (2007) Teoriya perevoda: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po special’nosti “Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya” = Translation Theory: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Studying in the Specialty of “Linguistics and Intercultural Communication”. 2-e izd. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 311 p. (In Russian).

胡庚申. 生态翻译学—建构与诠释 (M). 北京: 商务印书馆, 2013. 548页.

Hu Genshen’ (2013) Eko-perevodovedenie: postroenie i interpretaciya = Eco-translatology: construction and interpretation. Pekin: Kommercheskaya pressa, 548 p. (In Chinese).

Fedorov A.V. (2002) Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): For institutes and faculties of foreign languages. Dlya institutov i fakul’tetov inostr. yazykov. Ucheb. posobie. 5-e izd. Saint Petersburg: Filologicheskij fakul’tet SPbGU; Moscow: OOO “Izdatel’skij Dom ‘FILOLOGIYa TRI’”, 416 p. (Electronic resource). URL: https://samlib.ru/w/wagapow_a_s/osnowyobshejteoriiperewoda2002.shtml (date of retrieval: 02.05.2024). (In Russian).

李娟红. “万岁” 词义探微 (J). 南阳师范学院学报, 2017, 16(04): 1418.

Li Juan’khun (2017) Issledovanie znacheniya slova “van’suj” (“万岁”) = Exploring the meaning of the word “wansui” (“万岁”). *Zhurnal Nan’yanskogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 16 (04), pp. 14–18. (In Chinese).

Lukoyanov I.V., Pavlov D.B. (2018) Port-Artur i Dal’nij, 1894–1904 gg.: poslednij kolonial’nyj proekt Rossijskoj imperii = Port Arthur and Dalny, 1894–1904: the last colonial project of the Russian Empire. Sbornik dokumentov. Sost.,

avtory vvedeniya i kommentariev I.V. Lukoyanov, D.B. Pavlov. Moscow; Saint Petersburg: CGIPrint, 522 p. (In Russian).

中华人民共和国国家标准——标点符号用法, 2012, 第8页.

Nacional'nyj standart Kitajskoj Narodnoj Respubliki — Pravila ispol'zovaniya znakov prepinaniya. (2012) = National Standard of the People's Republic of China — Usage of Punctuation Marks, p. 8. (In Chinese).

第一次使用 "中国人民解放军" 称谓.

Pervoe ispol'zovanie nazvaniya "Narodno-osvoboditel'naya armiya Kitaya" = The title "People's Liberation Army of China" was used for the first time (Electronic resource). (2020-07-28). URL: https://www.beijing.gov.cn/ywdt/zwzt/qzjj93zn/junshi/202007/t20200728_1963726.html. (In Chinese).

解文艳. 建国以来的汉字简化研究 (D). 河北大学, 2006.

Xie Wenyan. (2006) Investigatio simplificatiogrammatum Sinicorum ab origine Rei Publicae Popularis Sinarum = Research on the Simplification of Chinese Characters since the Founding of the People's Republic of China. (D). Universitas Hebeiensis. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ли Цзясинь — преподаватель Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; dlljx999@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Li Jiaxin — Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Academic Building, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; dlljx999@gmail.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-57-81

ВОЕННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКИ ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) КАК ОСНОВАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГО-ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ НАУКИ

Эдуард Николаевич Мишкуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается общая картина деятельности военных переводчиков на фронтах Великой Отечественной войны числом порядка 5 тысяч человек. В их рядах служили как кадровые военные переводчики, так и переученные студенты гуманитарных вузов и сносно знающие язык врага рядовые военнослужащие. По окончании ВОВ часть их продолжила свою профессиональную творческую деятельность в гуманитарной сфере, внеся значительный вклад в фундамент отечественной филологической науки, в частности, в литературоведение, лингвистику, теорию и методологию перевода. Особое внимание уделено творческой деятельности учёных — бывших военных переводчиков, которые заложили основы «Лингвистической теории перевода». Толчком к её созданию во многом послужили практические знания, навыки и умения, полученные в горниле войны — в соответствующих сферах военно-переводческой деятельности: в ведении допроса военнопленных, систематизации и переводе трофейных документов (написанных особым готическим шрифтом), корректировке и дополнении имевшихся в их распоряжении военно-терминологических и фразеологических словарей, картографии, ведении пропагандистских передач на личный состав германской армии и т.д. В последующие десятилетия отечественными учёными А.В. Фёдоровым, Я.И. Рецкером, А.Д. Швейцером, В.Н. Комиссаровым, С.Г. Бархударовым и др. была создана стройная система «Лингвистической теории перевода», получившая также широкое распространение за рубежом. В условиях появления многочисленных современных теорий перевода,

© Мишкуров Э.Н., 2025

контрастирующих по своей сути с ЛТП, базисные теоретико-прагматические установки последней остаются актуальными до настоящего времени и активно применяются при подготовке переводческих кадров. Боевые традиции отцов и дедов успешно продолжаются современными военными переводчиками страны, которые, несомненно, внесут свой существенный теоретико-методологический и прагматический вклад в анналы отечественной транслатологии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), военный переводчик, устный и письменный перевод, военный терминологический словарь, лингвистическая теория и методология перевода, современная транслатология

Для цитирования: *Мишкуров Э.Н.* Военные переводчики времён Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) как основатели современной отечественной филолого-переводческой науки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 57–81. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-57-81

Статья поступила в редакцию 11.02.2025;
одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

MILITARY TRANSLATORS AND INTERPRETERS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945) AS THE ARTS' FOUNDERS OF THE MODERN DOMESTIC PHILOLOGY AND TRANSLATION

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

Abstract. The article deals with the military translators' and interpreters' activities on the Great Patriotic War fronts. They were about 5 thousand heroes altogether: namely professional military translators and interpreters, retrained students from humanities universities and ordinary servicemen who knew the enemy's language tolerably well. After the end of the Great Patriotic War, some of them continued their professional work in the field of humanities, creating a solid foundation for domestic philological arts in the fields of literary criticism, linguistics, translation theory and methodology. Special attention is paid to the creative work of former military translators and interpreters who laid the foun-

© Mishkurov E.N., 2025

dations for the Linguistic Theory of Translation. The impetus for its creation was largely provided by the practical knowledge, skills and abilities obtained in the crucible of war: POW interrogation, systematization and translation of captured documents written in particular in a special Gothic font and military terminological and phraseological dictionaries correction and supplementation as well as cartography, warfare propaganda at enemy forces, etc. In the following decades, Russian scholars A.V. Fyodorov, Ya.I. Retsker, A.D. Schweitzer, V.N. Komissarov, S.G. Barkhudarov and others created a well-structured system of the abovementioned Linguistic Theory of Translation (LTT) which also became widespread abroad. Despite the emergence of numerous modern translation theories, contrasting in essence with LTT, the basic theoretical and pragmatic principles of the latter remain relevant and are actively used in modern training programs for translators and interpreters. Today's military translators and interpreters proudly carry on the military traditions of their fathers and grandfathers, and they will undoubtedly make their significant theoretical, methodological and pragmatic contribution to the annals of Russian translation studies.

Keywords: Great Patriotic War (1941–1945), military translators and interpreters, interpretation and translation, military terminological dictionary, linguistic theory and methodology of translation, modern translation studies

For citation: *Mishkurov E.N.* (2025) Military translators and interpreters of the Great Patriotic War (1941–1945) as the arts' founders of the modern domestic philology and translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2 P. 57–81. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-57-81

The article was received on February 11, 2025;
approved after reviewing received on June 16, 2025;
accepted for publication on June 20, 2025.

Введение

1. В канун великого торжества — 80-летия со дня Победы в Великой Отечественной войне хочется ещё раз напомнить о выдающемся вкладе военных переводчиков в общенародное дело разгрома фашизма, о котором впоследствии писал Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, разведчик в годы войны В.В. Карпов: «Без них, людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было провести бой или военную операцию... Нам, разведчикам, было бы просто бессмысленно идти на опасную охоту за «языком», если бы мы не были уверены, что опытный переводчик получит от него максимум ценных сведений,

тех, что помогут нашему командованию принять правильное решение» (Карпов: эл. ресурс).

Рассуждая о становлении военной интеллигенции в СССР, автор статьи «Без толмачей не обходится ни одна война» А.Ю. Чередникова подчёркивает, что одной из категорий данной интеллигенции были военные переводчики. Из многих военных переводчиков, прошедших ВОВ, выросли знаменитые учёные, профессора, писатели и деятели культуры (Чередникова: эл. ресурс).

Как известно, в среде переводчиков были как кадровые военные переводчики, подготовленные в военных учебных заведениях, так и переученные студенты гуманитарных вузов, которые не были «профессиональными толмачами», а также рядовые военнослужащие, сносно владевшие языком врага. Жестокие условия войны заставляли переводчиков всех рангов в кратчайшие сроки становиться специалистами высокого класса!

В ходе войны по мере поступления трофейных документов и протоколов допроса военнопленных создавались новые пособия для бойцов и командиров. Уже в первые месяцы войны вышел «Краткий русско-немецкий военный разговорник», составленный Н.Н. Биязи и А.В. Монигетти. Им широко пользовались на фронте. Тогда же Н.Н. Биязи создал актуальнейшее пособие «Техника допроса пленного». Профессор А. Таубе составил «Военный немецко-русский словарь», содержащий ряд диалогов, инсценировок допроса пленного, захват железнодорожной станции, действия в лесу зимой, в населённом пункте, при выброске парашютного десанта. Этнический немец — преподаватель Ауэрбах разработал «Немецко-русский разговорник для допроса военнопленных», особая ценность которого заключалась в соответствии фраз нормам немецкого языка, т.е. не звучали как перевод с русского. Большой практической ценностью был изданный «Краткий немецко-русский словарь бранных слов и крепких словечек», составленный «природными» немцами.

Напомним, что выдающийся военный переводчик генерал-лейтенант Н.Н. Биязи возглавлял Военный институт иностранных языков — главную кузницу военных переводческих кадров — дважды. С момента его основания в 1940 году и до 1942-го, а затем в 1944–1947 годах. Его перу принадлежат 35 научных работ по лингвистике и военному делу. Заслуги Н.Н. Биязи отмечены двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, наградами иностранных государств (О военных переводчиках и ВИИЯ, 2015: 21, 25; Назарова, 2020: эл. ресурс).

По приблизительным данным за годы ВОВ при Военном институте иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) было подготовлено около 4 тысяч военных переводчиков, а всего в армии служили около 5 тысяч военных переводчиков (Нейро: эл. ресурс).

В годы войны в ВИИЯ КА академик **Иван Иванович Мещанинов** (1883–1967), продолжая свою научную работу в области лингвистики, организовал подготовку военных переводчиков для нужд Красной Армии в тылу. Им были созданы авторские коллективы по написанию различных специализированных двуязычных словарей и пособий для переводчиков как с языков народов некоторых государств-союзников (английский, французский, польский и др.), так и с языков народов тех стран, которые воевали на стороне фашистов (немецкий, финский, венгерский, румынский, словацкий и др.). Лично учёный написал ряд пособий для переводчиков с немецкого и венгерского языков, а также он привлекался для перевода наиболее важных трофейных документов (Биографика СПбГУ: эл. ресурс).

Военный переводчик профессионально многолик — это универсал: ему приходится иметь дело с различной терминологией — от сугубо специального военного словаря до военно-дипломатического лексикона. Так что военные переводчики — это не только «лингвисты в сапогах», но и «лингвисты в лакированных дипломатических ботинках», в числе которых вспомним В.М. Бережкова, В.Н. Павлова и др. Именно о типе таких людей У. Черчиль как-то серьёзно пошутил: «Диктаторы должны бояться своего переводчика и своего дантиста, так как они более могущественны, чем они сами» (Цитаты известных личностей: эл. ресурс).

О характерных видах и задачах деятельности военных переводчиков и разнообразии форм и методов их работы в годы войны обстоятельно рассказал в своей статье «Их оружием было слово», посвящённой 75-летию Великой Победы нашего народа над фашистскими захватчиками, полковник, кандидат филологических наук, доцент Е.Г. Торсуков (Торсуков, 2020).

О каждодневных буднях военных переводчиков повествует известный мемуарист Е.М. Ржевская (1919–2017) — участница ВОВ при штабе 30-й армии, сражавшейся под Ржевом. При штурме Берлина она в звании лейтенанта участвовала в поисках Гитлера и в проведении опознания, и в расследовании обстоятельств его самоубийства. Её перу принадлежит широко известная книга «Записки военного переводчика: рассказы» (1967); а также статья «В логове фашизма: записки военной переводчицы» (1967) и др. (Ржевская: эл. ресурс).

2. Со своей стороны мы хотели бы рассказать о судьбах ряда наших выдающихся предшественников — военных переводчиков, а также других фронтовиков, которые в последующие ле́та связали свою жизнь с отечественной филологией и внесли огромный основополагающий вклад в развитие лингвистики и переводоведения в нашей стране.

В их числе выдающееся место принадлежит **Андрею Венедиктовичу Фёдорову** (1906–1997), который в годы ВОВ находился в действующей армии в качестве переводчика, автора и составителя листовок. Его часто привлекали к пропагандистскому вещанию на войска противника. Он выступал с радиообращениями к солдатам из разных стран, много работал над трофейными документами и т.д. За свой ратный труд он был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалью «За оборону Ленинграда» (Санкт-Петербургский государственный университет: эл. ресурс).

Именно А.В. Фёдорова мы по праву считаем одним из выдающихся основоположников отечественной теории перевода. Его первая статья, увидевшая свет в 1927 году, называлась «Проблемы стихотворного перевода». И с тех пор теория и практика перевода стали смыслом всей его литературной, научно-исследовательской и педагогической жизни.

Ретроспективно напомним, что в довоенное время с 4 сентября 1918 г. под руководством М. Горького было организовано издательство «Всемирная литература». Его основной задачей являлся перевод и издание на русском языке наиболее значительных произведений западноевропейской литературы для широких кругов отечественных читателей. Так, с 1919 г. по 1924 г. было выпущено более 200 книг — лучших произведений литературы Англии и США (Ч. Диккенс, Дж. Лондон, Дж. Конрад, Э. По, В. Скотт, Э. Синклер, О. Уайльд, Г. Уэллс, Б. Шоу и др.), Австрии и Германии (Г. Гейне, Э.Т.А. Гофман, Ф. Шиллер и др.), Франции и Италии (Д'Аннунцио, О. Бальзак, Э. Гонкур, В. Гюго, А. Доде, А. Франс, Р. Роллан, П. Мериме и др.), восточных литератур и античной литературы («Всемирная литература», 1927; Быстрова, 2020: эл. ресурс).

Важно также отметить, что данная работа была источником материального благополучия многих переводчиков. Однако в годы ВОВ акцент переводческой деятельности сместился с художественного на специальный военный / военно-технический двуязычный

перевод: русско-немецкий, русско-английский, русско-французский, русско-венгерский и другие рабочие пары языков в зависимости от национальной принадлежности участников войны в самых различных фронтовых ситуациях. Как писал И.И. Левин, шёл «процесс зарождения новой в нашей армии военной специальности. Рейды с разведчиками в тыл противника, результаты допроса пленных «языков», анализ трофейных документов, радиоперехватов и телефонных переговоров — всё это давало советскому командованию в годы Великой Отечественной войны ценные сведения для принятия боевых решений. Переводчики были и парламентёрами, и пропагандистами, устным словом и листовками деморализовавшие противника» (Левин, 1981: 4).

Мы полагаем, что в послевоенной жизни данный фактор сыграл немаловажную роль в теоретико-практическом переосмыслении соотношения языка и перевода и способствовал переориентации научного мышления учёных на новую корреляцию, т.е. на связь лингвистики и переводоведения (в отличие от прежней связи переводоведения с литературоведением). С нашей точки зрения, именно реальная фронтовая практика переводческой деятельности увязала необходимость глубокого знания иностранного языка с необходимостью выявления соответствующих закономерных переводческих соответствий в военном, военно-техническом и военно-политическом / дипломатическом дискурсах. Данный феномен подтолкнул научное сообщество к обоснованию выхода перевода из литературоведческой парадигмы и к разработке «Лингвистической модели перевода». Последняя неправомерно критиковалась рядом авторитетных учёных, в числе которых были А.А. Реформатский, С.М. Цвиллинг и др. (подробнее см.: Мишкуров, 2024).

В конечном итоге победила точка зрения Фёдорова, который в острой научной и административной полемике отстоял научную обоснованность и плодотворность данной теории (см.: Фёдоров, 1953 и др.). Его позицию активно поддержали Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, С.Г. Бархударов и другие отечественные учёные, о военном и послевоенном научно-трудовом подвиге которых расскажем ниже.

Среди зарубежных сторонников данной теории отметим немаловажное мнение Р. Якобсона, который в своей статье “On Linguistic Aspects of Translation”, в частности, писал: “…widespread practice of interlingual communication, particulary translating activities, must be kept under constant scruting by linguistic science” — (…широко рас-

пространённая практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под ***постоянным наблюдением лингвистической науки***) (Jakobson, 1966: 234).

Фронтовики-переводчики как адепты лингвистической теории перевода

3. Яков Иосифович Рецкер (1897–1984) — выдающийся советский лингвист, переводчик и лексикограф, классик науки о переводе. С 1940 г. начал преподавать французский и английский языки на только что открытых курсах переводчиков ЦК ВКП(б), которые после начала ВОВ перевели в ВИИЯ в Фергану, а затем в Ставрополь (ныне Тольятти). В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию: «Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в английском языке». Его научные интересы были очень разносторонними. Он является составителем фундаментального «Французско-русского фразеологического словаря». Глубокое знание французского, итальянского, немецкого и английского языков, не считая классических, во многом способствовали разработке его теории «закономерных переводческих соответствий», а также формированию представления о модели перевода как системе, включающей в себя лексические трансформации, эквиваленты, вариантные и контекстуальные соответствия. Его учение о соотношении текстов оригинала и перевода являет собой первичный вклад в знаменитую ЛТП. В 2006 г. была переиздана его знаменитая книга «Теория перевода и переводческая практика (Очерки лингвистической теории перевода)» с дополнениями и комментариями Д.И. Ермоловича (Рецкер, 2006).

Александр Давыдович Швейцер (1923–2002) — доктор филологических наук, профессор в годы ВОВ был военным переводчиком (1943–1948), участвовал в качестве переводчика в процессе над главными военными преступниками в Токио. Награждён многими орденами и медалями. В 1949 г. окончил ВИИЯ. Именно фронтовая деятельность во многом помогла ему в разработке современной теории перевода и создании отечественной школы переводчиков-синхронистов. Воспоминаниями о нелёгком переводческом труде он поделился в своей книге «Глазами переводчика: из воспоминаний» (1996; 2-е изд.: 2012). Является автором более 150 научных трудов, широко известных как в нашей стране, так и за рубежом. В сферу его научных интересов входили теория варьирования языковых систем, социолингвистика, общая и контрастивная стили-

стика, грамматики германской группы языков и их истории. Этот уникальный багаж лингвистических познаний послужил мощным фундаментом для всестороннего развития ЛТП. Воспитал целую плеяду учеников — будущих талантливых лингвистов и переводчиков.

Проблемам перевода посвящены, в частности, его фундаментальные труды «Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе» (1973; 2-е изд.: 2018); «Проблемы перевода текстов различных типов» (1986); «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты» (1988; 3-е изд.: 2019); «Перевод и коммуникация» (1996) и др.

Его труды появлялись в переводах на другие языки — прежде всего английский и немецкий. Многие его труды написаны на английском языке и печатались в научных журналах за рубежом, где он работал длительное время (Институт языкознания РАН: эл. ресурс).

Леонид Степанович Бархударов (1923–1985) — советский лингвист, доктор филологических наук, ведущий специалист по теории перевода. В июле 1941 г. ушёл с 1-го курса филологического факультета Ленинградского университета в военную школу радиоспециалистов и прошёл фронтовые дороги сначала радистом, а потом и начальником радиостанции. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 194–1945 гг.». После окончания войны продолжил обучение в ВИИЯ.

Учёный с мировым именем. Был главным редактором знаменитого журнала «Тетради переводчика». Его теоретические работы и учебники были посвящены проблемам общего языкознания, а также вопросам грамматики английского языка. Его труды были переведены на ряд иностранных языков. Воспитал не одну плеяду талантливых студентов, аспирантов, преподавателей и учёных. Особой вехой в творчестве учёного были работы по теории перевода, в том числе его знаменитая монография, изданная в 1975 г. — «Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода» (последнее переиздание в 2023 г.). В ней освещены такие базовые проблемы, как то: переводимость — непереводимость; проблемы выделения единиц перевода и их семантические соответствия / несоответствия на разных языковых уровнях; типы переводческих трансформаций и др. Л.С. Бархударов стал одной из ключевых фигур в современной трактовке лингвистической теории перевода (Руниверсалис: эл. ресурс).

Вилен Наумович Комиссаров (1924–2005) — советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор. В годы ВОВ после окончания артиллерийского училища находился в действующей армии. Закончил педагогический факультет ВИИЯ в 1951 г. со специализацией по английскому и немецкому языкам. Он являлся одним из ведущих специалистов в области ЛТП. Известна его знаменитая фраза «Все мы вышли из Рецкера», т.к. он первым показал, что в переводе есть закономерные соответствия. Работал в тесном научном контакте с А.Д. Швейцером. Автор более 100 теоретических штудий и учебников по транслатологии. Выступил в качестве редактора сборника статей «Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике», в который поместил переводы на русский язык работ таких выдающихся зарубежных учёных, работавших в области ЛТП, как то: Р. Якобсон, Ж-Мунэн, Д.Р. Фёрс, О. Каде, Дж. Кэтфорд и др. (Комиссаров, 1978). Учёный констатировал, что «Широкое распространение получила идея о необходимости создания самостоятельной науки — «переводоведения», — в которой использовались бы методы и понятия ряда наук, но которая не была бы собственно лингвистической дисциплиной». Отстаивая право лингвистики быть базисом для теории и практики перевода, он утверждал, что «языковедам нет необходимости оправдываться в необходимости включения перевода в лингвистическую проблематику», т.к. «лингвистические аспекты перевода не есть что-то случайное или периферийное, что они составляют основной механизм этого явления, включают все важнейшие его стороны, обусловливают его существование как особого вида межъязыкового общения» (Комиссаров, 2007: 4).

В.Н. Комиссаров — выдающийся переводчик-синхронист и блестящий педагог, воспитавший несколько поколений переводчиков, учёных-лингвистов и преподавателей перевода. Именно благодаря его трудам отечественная школа переводоведения получила широкое международное признание (Ермолович, 2004: эл. ресурс).

Схожая судьба сложилась у видного отечественного учёного-переводоведа, доктора педагогических наук, профессора **Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева** (1922–2000). В годы ВОВ, окончив Военную школу лётчиков, служил лётчиком-штурмовиком морской авиации Черноморского флота. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

После войны окончил ВИИЯ. Всю свою творческую жизнь активно занимался переводческой и преподавательской деятельностью. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Методика обучения переводу на слух в курсе военного перевода: На материале французского языка», а в 1970 — докторскую диссертацию «Методика обучения последовательному переводу». Параллельно с научной деятельностью привлекался в качестве переводчика с французского языка с первыми государственными лицами СССР и зарубежных стран. Во время командировки в Женевский университет устных и письменных переводчиков глубоко изучил «тайны последовательного перевода и искусство владением переводческой скорописью», на основе которых разработал систему скорописи для отечественных переводчиков. Является основоположником отечественной теории устного синхронного и последовательного перевода, автором первой в России научно обоснованной системы записи для последовательного перевода. До настоящего времени его методические разработки используются практически во всех учебных заведениях, где обучали и обучают военному переводу на всех иностранных языках. Его перу принадлежат такие основополагающие труды, как-то: «Методика обучения переводу на слух» (1959); «4000 полезных слов и выражений: краткий справочник переводчика-международника» (1965); «Общая теория перевода и устный перевод» (1980); «Русско-французский словарь переводчика международных конференций» (1995); «Теория и методы перевода» (1996); «Записи в последовательном переводе: Учеб. пособие для вузов и фак. иностр. яз.» (1997); «Курс устного перевода: французский язык» (1998); «Как стать переводчиком?» (1999), а также ряд научно-методических трудов и словарей в соавторстве с другими учёными (Березин, 2021: эл. ресурс). О перипетиях своей переводческой деятельности при работе с первыми лицами Советского Союза, а также об истории становления теории и практики синхронного перевода, его внедрении в переводческую деятельность на международной арене и о своём личном участии в этом процессе Р.К. Миньяр-Белоручев (под псевдонимом «Ростислав Константинович Полинин») повествует в автобиографической повести «Война и мир в его жизни» (Миньяр-Белоручев, 1999).

Михаил Яковлевич Цвиллинг (1925–2013) — советский и российский переводчик-синхронист. Учёный-переводовед и лексикограф, кандидат филологических наук, профессор. Участник Великой Отечественной войны. На военной службе находился с 1941 по 1956 гг. В 1945 г. окончил Военный институт иностранных языков.

С января по март 1945 г. служил в качестве военного переводчика в действующей армии. Награждён орденом «Отечественной войны» 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За трудовое отличие» и рядом других наград.

Вся его творческая жизнь была связана с переводческой и научно-преподавательской деятельностью. На всех этапах своей профессиональной деятельности являлся одним из ведущих переводчиков-синхронистов первых лиц СССР и РФ.

С 1945 года по 1956 год работал преподавателем немецкого языка в Военном институте иностранных языков, в 1953 году защитил кандидатскую диссертацию. Был назначен заместителем начальника кафедры немецкого языка в ВИИЯ. С 1956 г. и в последующие годы работал на должностях доцента и заведующего кафедрой немецкого языка в ведущих университетах страны — МГИМО, МГПИИЯ имени М. Тореза (впоследствии МГЛУ). В последнем с 1987 по 2013 гг. занимал должность профессора кафедры общей теории, истории и критики перевода. Является автором многочисленных трудов по теории и практике лексики, фразеологии и лексикографии немецкого языка, теории и истории перевода, а также методике обучения и подготовки переводчиков. В их числе — «Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам» (1981); «Роль переводчика в акте коммуникации и понятие «терциарного перевода» (1997); «4000 полезных слов и выражений. Справочник переводчика-международника (Немецкий язык)» (1965); «Большой немецко-русский словарь (в 2 томах)» (колл. авторов под рук. О.И. Москальской) (1980); «Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок» (1984) и др. Являлся членом редакционной коллегии журнала «Тетради переводчика». Подготовил 10 кандидатов филологических наук (Центр синхронного перевода: эл. ресурс).

Владимир Григорьевич Гак (1924–2004) — советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. По окончании Военно-морского интендантского училища начал службу в рядах Северного флота и Беломорской флотилии. Всю войну прослужил на флоте, на кораблях сопровождения Северных конвоев. Его боевые заслуги отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и многими другими наградами. В 1949 г. закончил ВИИЯ по специальности «переводчик-референт». Внёс существенный вклад в разработку общих проблем лингвистики —

отношения языка к действительности, асимметрии в языке, проблемы высказывания, знакового характера языка, семантического синтаксиса и др. Лингвистическая концепция В.Г. Гака строится на прочной логико-философской основе и во всех своих деталях прочно опирается на практику перевода и преподавания языка. Является автором монументальной монографии «Языковые преобразования» (1998), в которой освещены проблемы развития логического исчисления и идей симметрии / асимметрии лингвистики в конце XX в., а также связи языкознания с другими науками. Исследовал виды, факторы и сферы языковых преобразований, в числе которых были проблемы перевода, в частности басен Лафонтена на русский язык. Широко известен и неоднократно переиздавался его учебник «Теория и практика перевода (французский язык)», написанный в соавторстве с Б.Б. Григорьевым (1997). Под редакцией Гака вышел целый ряд других учебников и пособий, а также словарей французского языка, последним из которых был «Французско-русский фразеологический словарь». Научная школа В.Г. Гака — это подготовленные им 5 докторов и 40 кандидатов наук и многочисленные последователи его теоретических и практических наработок (Учёные МПГУ: эл. ресурс).

Одно из ведущих мест в когорте выдающихся переводоведов и лингвистов страны принадлежит **Льву Львовичу Нелюбину** (1927–2014) — воспитаннику ВИИЯ (1946–1953) и начальнику кафедры английского языка в Альма-матер (1974–1984). Является Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором филологических наук, лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники, профессором, создателем научной школы в области общей и прикладной лингвистики, истории науки о языке и теории и методологии перевода, в том числе военного и машинного перевода.

Его перу в общей сложности принадлежат порядка 250 научных работ в различных отечественных и зарубежных изданиях по проблемам терминологии и терминографии, лингвостатистики и компьютерной лингвистики, а также фундаментальные труды по теории и практике перевода. В 1968 г. Л.Л. Нелюбин в Воениздате издаёт уникальный «Иллюстрированный военно-технический словарь» на шести языках, который стал настольной книгой военных переводчиков, работающих в зарубежных командировках с военной техникой и вооружением. Он также является составителем двух военных словарей-минимумов — англо-русского и русско-английского. Является автором учебного пособия «Перевод боевых

документов армии США» (1989). В области теории и методологии перевода большой популярностью пользуется его «Толковый переводоведческий словарь» (3-е изд., перераб., 2003) и другие соответствующие авторские научно-теоретические труды. В соавторстве с Г.Т. Хухуни подготовил широко известное учебное пособие «Наука о переводе. История и теория с древнейших времён до наших дней» (5-е издание 2024 г.). Учёный воспитал большую когорту отечественных филологов — лингвистов и переводоведов: 11 докторов и 79 кандидатов наук. Он являлся членом Международной организации по унификации терминов-неологизмов при ООН, лауреатом Международного звания «Человек года 1995–1996 (Англия) и 2006 (США)». Биографические данные Л.Л. Нелюбина представлены в ряде международных справочников — «Кто есть кто в переводе и терминоведении», «500 выдающихся учёных мира» и др. (Коллектив ИЛиМК МГОУ, 2014: 113–116).

Таким представляется нам абрис исторической военно-научной элиты страны, составляющей гордость отечественной переводоведческой науки!

Представленный список учёных-фронтовиков может быть значительно расширен именами видных специалистов-востоковедов, исследования вклада которых в отечественную лингвистику и переводоведение должны быть проведены специалистами в соответствующих областях знания.

Военные переводчики в лоне послевоенной филологии

4. Судьба военных переводчики времён ВОВ сложилась поразному: кто-то продолжил свою творческую жизнь в качестве специалистов в области лингвистики и переводоведения, став к тому же мастерами перевода в иных — не военных — жанрах и формах. Многие из них успешно совмещали научные изыскания с практическим преподаванием соответствующих иностранных языков в различных вузах страны.

Ярким примером подобной творческой послевоенной биографии может служить судьба **Изюм-Эрик Салиховны Рахманкуловой** (1925–2017) — советского и российского лингвиста-германиста, кавалера 26 правительственных наград. В 17 лет добровольцем ушла на фронт, окончив курсы военных переводчиков. На фронте заслужила глубокое уважение командования. Однажды начальник разведки 1-й Гвардейской Украинской армии полковник Чеченцев в присутствии командующего генерал-полковника А.А. Гречко ска-

зал: «Этот самый молодой офицер, старший лейтенант, стоит целой дивизии» (Бирюкова: эл. ресурс). После войны в 1950 году Изюм-Эрик Салиховна окончила педагогический факультет ВИИЯ. В ходе научно-преподавательской деятельности стала доктором филологических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ. Она автор более 120 научных работ в области теории и методологии немецкого языка, подготовила 2 докторов и более 30 кандидатов филологических наук. Трудилась в различных ведущих вузах страны, в том числе в МГПУ, МИЭМ, МГИМО и др. Проявила себя как яркий литератор-публицист, написав порядка десяти рассказов, а также повесть: «Такое было время...». Изюм-Эрик Салиховна искренне сетовала на то, что мы, россияне, порой бездумно теряем столь трудно завоёванные человеческие ценности. Ей хотелось, чтобы все мы больше заботились о сохранении дружбы народов, были настоящими, добрыми соотечественниками без ложного пафоса, и считала, что нам нужна нормальная, осознанная свобода — совсем не для того, «чтобы безоглядно носиться по минному полю» (Логинов, 2012: эл. ресурс).

Сравним с судьбой другой выдающейся личности — **Марии Кузьминичны Бородулиной** (1925–2005). Напомним её трудовую послевоенную биографию. В 1945 г. в составе группы третьекурсниц-переводчиц Московского педагогического института иностранных языков прибыла в распоряжение советской военной администрации в Германии. В своих воспоминаниях она писала: «Большая нагрузка и большая ответственность легла тогда на нас — московских девчат с далеко не совершенным знанием языка. Но была радость от сознания, что в успехах строительства новой Германии была частица и нашего переводческого труда» (см.: Левин, 1981: 207). Вернувшись на Родину в свою Альма-матер, она стала активным участником трудового фронта, была секретарём комитета комсомола факультета. С 1949 г. занимала должность преподавателя немецкого языка в МГПИИЯ. В 1951 году была назначена деканом факультета немецкого языка, а с 1960 г. стала проректором, а затем и ректором института. Была видным государственным и политическим деятелем страны. За свою трудовую деятельность награждена медалью «За трудовую доблесть» (1960), орденами «Трудового Красного Знамени» (1969), «Дружбы народов» (1975), «Октябрьской революции» (1981), орденом Ленина (1985). Как учёный-преподаватель написала ряд учебных пособий по различным практическим аспектам немецкого языка (МГЛУ: эл. ресурс). В лице М.К. Бородулиной нашла яркое воплощение судьба многих

участников ВОВ, достойно защищавших страну от врага каждый на своём посту — в тылу и на фронте.

В заключение расскажем об удивительной судьбе фронтовика — военного переводчика **Василия Дмитриевича Ившина** (1922–2019) — выдающегося учёного-полиглота, владевшего 14 языками, доктора филологических наук, профессора. Служил в Красной Армии (1942–1953). Великую Отечественную войну прошёл от рядового, сержанта, зам. политрука роты до переводчика с немецкого и английского языков 1-го мотомехбатальона 114 танковой бригады 6-й армии Юго-Западного фронта (1942–1945). За участие в Великой Отечественной войне был награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В апреле 1945 г. был направлен на курсы переводчиков в ВИИЯ. После окончания курсов обучался ещё 2 года на отделении английского языка педагогического факультета этого же института. В 1947 г. окончил Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА) по специальности — преподаватель английского языка. До 1953 года продолжал службу переводчиком и преподавателем в воинских частях и подразделениях Советской армии на Кавказе и в Средней Азии. После службы в армии работал на должности старшего преподавателя Киргизского университета, Киргизского медицинского института, далее заведовал кафедрами иностранных языков в Смоленском, Новгородском и Калужском пединститутах. Работал доцентом, страшим научным сотрудником в Коломенском пединституте, а затем деканом Новгородского и Коломенского пединститутов. С 1990–1992 гг. трудился переводчиком в Калужском филиале Института кристаллографии Академии наук СССР. С 1993 г. занимал должность профессора в Институте лингвистики и межкультурной коммуникации в МГОУ на кафедре переводоведения и когнитивной лингвистики. С 1963 г. кандидат филологических наук, а с 1994 г. — доктор филологических наук. С 1998 г. академик Международной академии информатизации при ООН.

Из актуальных до настоящего времени его научных работ назовём «Заимствование пользовательской терминологии в области электронной обработки и передачи информации из английского в испанский и русский языки: качественный анализ на начало XXI века» (2013); «Некоторые грамматические категории современного английского языка в философском аспекте: исходные определения» (2017 — в соавторстве с Ю.Н. Марчуком). Теории и практике перевода посвящены такие публикации, как то: «О проблеме

художественного перевода во времени» (2005), «Перевод как источник сравнительных выражений в современном русском языке (на материале переводов с французского)» (2014) и др. (НГУ имени Ярослава Мудрого: эл. ресурс).

Обращаем внимание на трепетно-уважительное отношение обучаемых к личности своего наставника — В.Д. Ившина. Вот один из отзывов о нём с сайта «Профессор рейтинг»: «Он по праву является гордостью и знаменитостью лингвистического факультета (ИЛиМК МГОУ) <…> Такого преподавателя, как Василий Дмитриевич, днём с огнём невозможно найти. Столько полезной информации, сколько он доносит своим слушателям … — настоящий Клондайк! И он (как никто другой) более чем заслуживает такого почтения. Настоящий образец для всех: и преподавателей, и студентов, да и в целом для кого угодно» (Профессор рейтинг: эл. ресурс).

С глубоким волнением в канун 80-летия Победы над фашистской Германией читаем воспоминания самого В.Д. Ившина о 9 мае 1945 года: «С утра поехал на трамвае на Красную площадь. Был в солдатской шинели, в ботинках с обмотками. Вид весьма фронтовой. В трамвае какой-то пожилой мужчина обнял и поцеловал меня. Подхожу к площади и читаю на витрине киоска на первой странице газеты «Известия» заголовок крупными красными буквами: «С ПОБЕДОНОСНЫМ ЗАВЕРШЕНИЕМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ТОВАРИЩИ!». До сих пор эта строка перед глазами, хотя прошло уже почти полвека. Она так запомнилась, ибо этой фразой было сказано всё, что было выстрадано, совершено и завершено. <…> я опять пошёл на Красную площадь. Огромные толпы людей стекались сюда и ожидали салюта, не простого, а победного. Он был грандиозен — из тысячи орудий тридцатью артиллерийскими залпами! В воздухе светились разноцветные огни великого праздничного фейерверка. Люди, море людей на Красной площади ликовали, переживали и ловили величайший миг во многовековой истории великого народа-победителя. Такое не забывается и будет передаваться, как легенда, из поколения в поколение» (Ившин: эл. ресурс).

Заключение

Судьба языков — это судьба их народов. Как известно, языками ООН являются английский, французский, испанский, а также русский, арабский и китайский. Первые три исторически стали языками колонизаторов, работорговцев, агрессоров. В их число как язык агрессора вошёл и немецкий язык. Носители этих языков в лице их

правителей снискали дурную славу убийц и насильников. Волею судеб переводчики с этих языков внесли свой посильный вклад в Победу над этими врагами человечества. В настоящее время носители русского, арабского, китайского и некоторых других языков миролюбивых дружественных народов выполняют новую миссию по развитию взаимопонимания и межкультурной коммуникации с позиций равноправия, взаимоуважения и доверия всех стран-участников диалога и кооперативного сотрудничества. К сожалению, отсчёт времени до начала новой мировой войны уже начался. Очевидно, что военный переводчик опять будет призван выполнить свой патриотический долг на поле брани! Поэтому изучение языков потенциального противника в военно-политическом, военно-дипломатическом и военно-техническом отношениях — насущная задача по подготовке когорты новых военно-переводческих кадров. Долг всего прогрессивного человечества — остановить «часы войны» своевременно и навечно!

21 мая в России отмечается «День военного переводчика» — это дань глубокого уважения всего народа к переводчикам-фронтовикам, которые внесли и вносят свой немаловажный вклад в дело Победы над всеми врагами нашей страны и укрепления военно-технического сотрудничества с дружественными странами.

Список литературы

Березин В.Ф. «Вспомним всех поимённо»: Светлой памяти Рюрика Константиновича Миньяр-Белоручева (17.06.1922–30.01.2000), 2021. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://mpgu.su/novosti/vspomnim-vseh-poimjonno-svetloj-pamjati-rjurika-konstantinovicha-minjar-beloruchev a-17-06-1922-30-01-2000/ (дата обращения: 10.02.2025).

Биографика СПбГУ. *Мещанинов И.И.* (Электронный ресурс). Режим доступа: https://bioslovhist.spbu.ru/person/864-meshchaninov-ivan-ivanovich.html (дата обращения: 15.01.2025).

Бирюкова Е.В. Военный переводчик, учёный, педагог: к 90-летию Изюм-Эрики Салиховны Рахманкуловой // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2015. № 3. С. 124–129. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://cyberleninka.ru /article/n/voennyy-perevodchik-uchyonyy-pedagog-k-90-letiyu-izyum-eriki-salihovny-rahmankulovoy (дата обращения: 17.01.2025).

Быстрова О.В. Проекты М. Горького в истории литературного процесса XX века (к вопросу о сохранении национального достояния) // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 1 (26). 2020. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).19 (дата обращения: 17.01.2025).

Верников С.М. Записки военного переводчика // Военная литература. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/vernikov_sm/index.html (дата обращения: 25.01.2025).

«Всемирная литература»: Каталог книг. М.; Л.: Гиз, 1927. 64 с.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Евстигнеева В. Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны, 2016. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://nsportal.ru /ap/library/drugoe/2016/11/16/issledovatelskaya-rabota-rol-voennyh-perevodchikov-v-gody-velikoy (дата обращения: 21.01.2025).

Ермолович Д.И. Запись беседы с В.Н. Комиссаровым 12 июля 2004 г. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://yermolovich.ru/index/0-51?ysclid=m6te55t3ba648508395 (дата обращения: 23.01.2025).

Ившин В.Д. Воспоминания солдата // Герценка: Вятские записки. Выпуск 8, 2004. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://herzenlib.ru/almanac/ number/detail.php?ELEMENT=gerzenka8_3_3&NUMBER=number8&ysclid=m6qlazcbhq290730506 (дата обращения: 17.01.2025).

Институт языкознания РАН. Александр Давидович Швейцер. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/shveitser (дата обращения: 15.01.2025).

Карпов В.В. Судьба разведчика // Военная литература. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/karpov2/index.html (дата обращения: 25.09.2015).

Коллектив ИЛиМК МГОУ Памяти выдающегося учёного. Нелюбин Лев Львович (31.I.1927–2.XI.2014) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика, 2014. № 5. С. 113–116.

Коломейцева П.А. Роль военных переводчиков в годы Великой Отечественной войны / П.А. Коломейцева, В.В. Володин. Текст: непосредственный // Юный учёный, 2022. № 7 (59). С. 34–36. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://moluch.ru/young/archive/59/3134/ (дата обращения: 12.01.2025).

Комиссаров В.Н. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. 232 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

Левин И.И. Записки военного переводчика. М.: Моск. рабочий, 1981. 208 с.

Левин И.И. Язык и «языки»: записки военного переводчика // Знамя, 1978. № 1. С. 169–170.

Логинов Е. Интервью Е. Логинова с Изюм-Эрих Салиховной Рахманкуловой в декабре 2012 г. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://vkimo.com/node/2245 (дата обращения: 12.01.2025).

МГЛУ Руководство вуза. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/rukovodstvo-uza.php?ysclid=m 70mx1pc9x228863768 (дата обращения: 07.02.2025).

Миньяр-Белоручев Р.К. Война и мир в его жизни. М.: «Стелла», 1999. 110 с.

Мишкуров Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. №. 1. С. 7–31.

Назарова Т. Лингвисты в сапогах. Военные переводчики в годы Великой Отечественной войны. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://vk.com/@csdb_7-lingvisty-v-sapogahvoennye-perevodchiki-v-gody-velikoi-otech?ysclid=m5s8sd1bml719857349 (дата обращения: 15.01.2025).

НГУ имени Ярослава Мудрого Василий Дмитриевич Ившин. Научный полк. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.novsu.ru/university/nauchnyy_ polk/ivshin/ (дата обращения: 10.01.2025).

О военных переводчиках и ВИИЯ. История Военного института иностранных языков устами выпускников / автор-составитель Е.Л. Логинов. М.: «Арктика 4Д», 2015. 208 с.

Профессор рейтинг. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://professorrating.org/ru/professor/118703#gsc.tab=0 (дата обращения: 27.01.2025).

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Дополн. и коммент. Д.И. Ермоловича. Изд. 2-е, стереотип. Серии «Библиотека лингвиста», «Наше наследие». М.: Издательство Р. Валент, 2006. 244 с.

Ржевская Е.М. В логове фашизма: записки военной переводчицы // Наука и жизнь. № 9, 1967. (Электронный ресурс). Режим доступа: livelib.ru:https://www. livelib. ru/author/103581-elena-rzhevskaya?ysclid=m5wg7yekwf731210134. (дата обращения: 18.01.2025).

Руниверсалис энциклопедия. Бархударов Леонид Степанович. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%91%D0%B0% D1%80% D1%85 (дата обращения: 17.01.2025).

Санкт-Петербургский государственный университет. Фёдоров А.В. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://pobeda.spbu.ru/museum/item/610-fedorov-andrej-venediktovich-1906-1997.html (дата обращения: 25.01.2025).

Синклинер А.А. Записки военного переводчика. Ставрополь, 1989. С. 11.

Торсуков Е.Г. Их оружием было слово // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 2. С. 106–117.

Учёные МПГУ. Гак Владимир Григорьевич. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://mpgu.su/scientists/gak-vladimir-grigorevich/ (дата обращения: 28.01.2025).

Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.

Формирование школы военных переводчиков // Военный университет Министерства обороны РФ. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://

www.vumo.su/index.php?option=com_content&view=article&id=62:2010-09-02-11-51-42&catid (дата обращения: 25.01.2025).

Центр синхронного перевода (SINHRONPEREVOD). Михаил Цвиллинг — легенда синхронного перевода. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://sinhronperevod.ru/article/mihail-cvilling-legenda-sinhronnogo-perevoda.html (дата обращения: 11.02.2025).

Цитаты известных личностей. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://ru.citaty.net/tsitaty/639861-uinston-cherchill-diktatory-dolzhny-boiatsia-svoego-perevodchika-i-svoe/#:~:text=%D0%A3% (дата обращения: 19.01.2025).

Чередникова А.Ю. Без толмачей не обходится ни одна война // Военно-исторический журнал, 2008. № 5 (577). С. 25–28.

Jäger G. (1968) Elemente einer Theorie der bilingualen Translation. In: Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Beihefte zur Zeitschr ift "Fremdsprachen". Leipzig. 218 p.

Jakobson R. (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed), On Translation. New York. 234 p.

Mounin G. (1963) Problèmes Théoriques de La Traduction. Éd. Gallimard. 296 p.

References

Berezin V.F. (2021) "Vspomnim vsekh poimyonno": Svetloj pamyati Ryurika Konstantinovicha Min'yar-Belorucheva (17.06.1922–30.01.2000) = "Let's Remember Everyone by Name": In Blessed Memory of Rurik Konstantinovich Minyar-Beloruchev (06/17/1922–01/30/2000), available at: https://mpgu.su/novosti/vspomnim-vseh-poimjonno-svetloj-pamjati-rjurika-konstantinovicha-minjar-belorucheva-17-06-1922-30-01-2000/ (accessed: 10.02.2025) (In Russian).

Biografika SPbGU. Meshchaninov I.I. = Meshchaninov I.I., available at: https://bioslovhist.spbu.ru/person/864-meshchaninov-ivan-ivanovich.html (accessed: 15.01.2025) (In Russian).

Biryukova E.V. (2015) Voennyj perevodchik, uchyonyj, pedagog: k 90-letiyu Izyum-Eriki Salihovny Rahmankulovoj = Military translator, scientist, teacher: on the 90th anniversary of Izyum-Erika Salikhovna Rakhmankulova. *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie"*. No. 3, pp. 124–129, available at: https://cyberleninka.ru/article/n/voennyy-perevodchik-uchyonyy-pedagog-k-90-letiyu-izyum-eriki-salihovny-rahmankulovoy (accessed: 17.01.2025) (In Russian).

Bystrova O.V. (2020) Proekty M. Gor'kogo v istorii literaturnogo processa HH veka (k voprosu o sohranenii nacional'nogo dostoyaniya) = Projects of M. Gorky in the History of the Literary Process of the Twentieth Century (to the Issue of Preserving National Heritage). *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No. 1 (26), available at: https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).19 (accessed: 17.01.2025) (In Russian).

Centr sinhronnogo perevoda (SINHRONPEREVOD). Mihail Cvilling — legenda sinhronnogo perevoda = Mikhail Tsvilling — a legend of simultaneous translation, available at: https://sinhronperevod.ru/article/mihail-cvilling-legenda-sinhronnogo-perevoda.html (accessed: 11.02.2025) (In Russian).

Cherednikova A.Yu. (2008) Bez tolmachej ne obhoditsya ni odna vojna = No war can do without interpreters. *Voenno-istoricheskij zhurnal.* No. 5 (577), pp. 25–28 (In Russian).

Citaty izvestnyh lichnostej = Quotes from famous personalities, available at: https://ru.citaty.net/tsitaty/639861-uinston-cherchill-diktatory-dolzhny-boiatsia-svoego-perevodchika-i-svoe/#:~:text=%D0%A3% (accessed: 19.01.2025) (In Russian).

Evstigneeva V. (2016) Rol' voennyh perevodchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = The Role of Military Translators during the Great Patriotic War, available at: https://nsportal.ru /ap/library/drugoe/2016/11/16/issledovatelskaya-rabota-rol-voennyh-perevodchikov-v-gody-velikoy (accessed: 21.01.2025) (In Russian).

Ermolovich D.I. (2004) Zapis' besedy s V.N. Komissarovym 12 iyulya 2004 g. = Recording of a conversation with V.N. Komissarov on July 12, 2004, available at: https://yermolovich.ru/index/0-51?ysclid=m6te55t3ba648508395 (accessed: 23.01.2025) (In Russian).

Fyodorov A.V. (1953) Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction to the Theory of Translation. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 336 p. (In Russian).

Formirovanie shkoly voennyh perevodchikov = Formation of a school of military translators. Voennyj universitet Ministerstva oborony RF, available at: http://www.vumo.su/index.php?option=com_content&view=article&id=62:2010-09-02-11-51-42&catid (accessed: 25.01.2025) (In Russian).

Gak V.G. (1998) Yazykovye preobrazovaniya = Language transformations. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". 768 p. (In Russian).

Ivshin V.D. (2004) Vospominaniya soldata = Memories of a soldier. Gercenka: Vyatskie zapiski. Vypusk 8, available at: https://herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?ELEMENT=gerzenka8_3_3&NUMBER=number8&ysclid=m6qlazcbhq290730506 (accessed: 17.01.2025) (In Russian).

Institut yazykoznaniya RAN. Aleksandr Davidovich Shvejcer = Alexander Davidovich Shveitser, available at: https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/shveitser (accessed: 15.01.2025) (In Russian).

Jäger G. (1968) Elemente einer Theorie der bilingualen Translation. In: Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Beihefte zur Zeitschrift "Fremdsprachen", Leipzig. 218 p.

Jakobson R. (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed), On Translation. New York. 234 p.

Karpov V.V. Sud'ba razvedchika = The Fate of a Scout. Voennaya literature, available at: http://militera.lib.ru/prose/russian/karpov2/index.html (accessed: 25.09.2015) (In Russian).

Kollektiv ILiMK MGOU (2014) Pamyati vydayushchegosya uchenogo. Nelyubin Lev L'vovich (31.I.1927–2.XI.2014) = In memory of the outstanding scientist. Nelyubin Lev Lvovich (31.0I.1927–2.XI.2014). *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. No. 5, pp. 113–116 (In Russian).

Kolomejceva P.A. (2022) Rol' voennyh perevodchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = The Role of Military Translators during the Great Patriotic War. P.A. Kolomejceva, V.V. Volodin. Tekst: neposredstvennyj. *Yunyj uchenyj.* No. 7 (59), pp. 34–36, available at: https://moluch.ru/young/archive/59/3134/ (accessed: 12.01.2025) (In Russian).

Komissarov V.N. (1978) Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike = Questions of translation theory in foreign linguistics. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 232 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (2007) Lingvistika perevoda = Linguistics of Translation. Moscow: Izdatel'stvo LKI. 176 p. (In Russian).

Levin I.I. (1981) Zapiski voennogo perevodchika = Notes of a military translator. Moscow: Mosk. rabochij. 208 p. (In Russian).

Levin I.I. (1978) Yazyk i «yazyki» : zapiski voennogo perevodchika = Language and "languages": notes of a military translator. *Znamya*. No. 1, pp. 169–170 (In Russian).

Loginov E. (2012) Interv'yu E. Loginova s Izyum-Erih Salihovnoj Rahmankulovoj v dekabre 2012 g. = Interview of E. Loginov with Izyum-Erich Salikhovna Rakhmankulova in December 2012, available at: http://vkimo.com/node/2245 (accessed: 12.01.2025) (In Russian).

MGLU Rukovodstvo vuza = University Administration, available at: https://linguanet.ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/rukovodstvo-uza.php?ysclid=m 70mx1pc9x228863768 (accessed: 07.02.2025) (In Russian).

Min'yar-Beloruchev P.K. (1999) Vojna i mir v ego zhizni = War and Peace in His Life. Moscow: "Stella". 110 p. (In Russian).

Mishkurov E.N. (2024) Byt' ili ne byt' otechestvennomu perevodovedeniyu akademicheskoj naukoj? = To be or not to be domestic translation studies as an academic science? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 7–31 (In Russian).

Mounin G. (1963) Problèmes Théoriques de La Traduction. Éd. Gallimard. 296 p.

Nazarova T. Lingvisty v sapogah. Voennye perevodchiki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = Linguists in Boots. Military Translators during the Great Patriotic War, available at: https://vk.com/@csdb_7-lingvisty-v-sapogah-voennye-perevodchiki-v-gody-velikoi-otech?ysclid=m5s8sd1bml719857349 (accessed: 15.01.2025) (In Russian).

NGU imeni Yaroslava Mudrogo Vasilij Dmitrievich Ivshin. Nauchnyj polk = Vasily Dmitrievich Ivshin. Scientific Regiment, available at: https://www.novsu.ru/university/ nauchnyy_polk/ivshin/ (accessed: 10.01.2025) (In Russian).

O voennyh perevodchikah i VIIYa. (2015) Istoriya Voennogo instituta inostrannyh yazykov ustami vypusknikov = History of the Military Institute of

Foreign Languages through the mouths of graduates, avtor-sostavitel' E.L. Loginov. Moscow: "Arktika 4D". 208 p. (In Russian).

Professor rejting, available at: https://professorrating.org/ru/professor/118703#gsc. tab=0 (accessed: 27.01.2025) (In Russian).

Recker Ya.I. (2006) Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda = Translation Theory and Translation Practice. Essays on Linguistic Theory of Translation. Dopoln. i komment. D.I. Ermolovicha. Izd. 2-e, stereotip. Serii "Biblioteka lingvista", "Nashe nasledie". Moscow: Izdatel'stvo R. Valent, 244 p. (In Russian).

Rzhevskaya E.M. (1967) V logove fashizma: zapiski voennoj perevodchicy = In the Lair of Fascism: Notes of a Military Translator. Nauka i zhizn'. No. 9, available at: livelib.ru:https://www.livelib.ru/author/103581-elena-rzhevskaya?ysclid=m5wg7yekwf 731210134 (accessed: 18.01.2025) (In Russian).

Runiversalis enciklopediya. Barhudarov Leonid Stepanovich = Barkhudarov Leonid Stepanovich, available at: https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%91%D0%B0%D1%80% D1%85 (accessed: 01/17/2025) (In Russian).

Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Fyodorov A.V. = Fedorov A.V., available at: https://pobeda.spbu.ru/museum/item/610-fedorov-andrej-venediktovich-1906-1997.html (accessed: 25.01.2025) (In Russian).

Sinkliner A.A. (1989) Zapiski voennogo perevodchika = Notes of a military translator. Stavropol', pp. 11 (In Russian).

Torsukov E.G. (2020) Ih oruzhiem bylo slovo = Their weapon was the word. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 106–117 (In Russian).

Uchyonye MPGU. Gak Vladimir Grigor'evich = Gak Vladimir Grigorievich, available at: https://mpgu.su/scientists/gak-vladimir-grigorevich/ (accessed: 28.01.2025) (In Russian).

Vernikov S.M. Zapiski voennogo perevodchika = Notes of a military translator, available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/ vernikov_sm/index.html (accessed: 25.01.2025) (In Russian).

"Vsemirnaya literature": Katalog knig = Catalog of Books. Moscow; Leningrad: Giz, 1927. 64 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мишкуров Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Mishkurov — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honored Worker of the Higher Education of the Russian Federation; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University;

Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie gory, 1, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25
DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Евгений Георгиевич Торсуков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: temitina.45@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль военных переводчиков в обеспечении лингвистического сопровождения боевых операций Советской армии в период Великой Отечественной войны. Автор подчёркивает, что специфика военного дела наложила отпечаток на все формы военной коммуникации — от письменных приказов и донесений до устных переговоров. Особое внимание уделяется тому, что эффективное лингвистическое обеспечение требовало от переводчиков не только безупречного владения иностранными языками, но и глубоких специальных знаний. В круг их профессиональных задач входило детальное изучение тактических и стратегических принципов как Красной Армии, так и немецких войск. Они должны были досконально знать организационную структуру различных видов вооружённых сил, основы боевой подготовки личного состава, юридические нормы и материально-техническое обеспечение воинских частей, а также разбираться в технических характеристиках используемого вооружения и военной техники. Острая потребность в квалифицированных кадрах в военное время привела к созданию ускоренной системы подготовки военных переводчиков в специализированных вузах страны. Эти специалисты выполняли широкий круг задач — от работы с трофейными документами и проведения допросов военнопленных до радиоперехвата и оперативного перевода, что напрямую влияло на успешность боевых операций. Автор приходит к выводу, что лингвистическое обеспечение являлось важнейшим элементом военного планирования и управления, а военные переводчики выступали не просто языковыми посредниками, а высококвалифицированными специалистами, чей вклад в общую победу трудно переоценить. Их работа требовала уникального

© Торсуков Е.Г., 2025

сочетания лингвистических навыков, военных знаний и способности оперативно действовать в боевых условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная лингвистика, перевод в армии, переводчики на фронте, работа с пленными, боевые приказы и распоряжения, шифровки и перехваты сообщений, подготовка военных лингвистов, архивные документы и мемуары переводчиков

Для цитирования: *Торсуков Е.Г.* Лингвистическое обеспечение военных действий советских войск в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 82–106. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 24.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

LINGUISTIC SUPPORT OF MILITARY OPERATIONS OF THE SOVIET TROOPS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Yevgeniy G. Torsukov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: temitina.45@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of military translators in providing linguistic support for combat operations of the Soviet Army during the Great Patriotic War. The author emphasizes that the specifics of military affairs have left their mark on all forms of military communication: from written orders and reports to oral negotiations. Special attention is paid to the fact that effective linguistic support required translators not only to have an impeccable command of foreign languages, but also deep specialized knowledge. Their professional competence included understanding the tactics and strategy of both the Soviet troops and the German Wehrmacht, the organization of various branches of the armed forces, the principles of combat training, the legal and economic aspects of the functioning of military units, as well as the technical characteristics of the weapons used. The urgent need for qualified personnel during the war led to the creation of an accelerated system for training military translators in specialized universities in the country. These specialists performed a wide range of tasks: from working with captured documents and interrogating prisoners of war to radio interception and operational transfer, which directly affected the success of combat operations. The author concludes that linguistic support was an essential

© Torsukov Y.G., 2025

element of military planning and management, and military translators acted not just as language intermediaries, but as highly qualified specialists whose contribution to the overall victory cannot be overestimated. Their work required a unique combination of linguistic skills, military knowledge, and the ability to operate quickly in combat conditions.

Keywords: The Great Patriotic War, military linguistics, translation in the army, translators at the front, work with prisoners, combat orders and orders, encryption and interception of messages, training of military linguists, archival documents and memoirs of translators

For citation: *Torsukov Y.G.* (2025) Linguistic support of military operations of the soviet troops during the great patriotic war. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 82–106. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-82-106

The article was received on February 22, 2025;
approved after reviewing received on June 23,2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

В год 80-летия Великой Победы мы с благодарностью вспоминаем не только бойцов на передовой, но и тех, чьим оружием было слово. Военные переводчики внесли неоценимый вклад в общую победу, превратив знание языка врага в мощное стратегическое оружие. Их профессиональное мастерство позволяло добывать ценнейшую информацию из трофейных документов, радиоперехватов и допросов пленных, что часто становилось решающим фактором в планировании боевых операций.

Как справедливо отмечал Герой Советского Союза, писатель и фронтовой разведчик В.В. Карпов: «Без них, людей, не только владеющих языком противника, но и знакомых с его военной машиной, умеющих свободно ориентироваться в трофейной документации, вылавливать из эфира нужные сведения, трудно было провести бой или военную операцию... Да, нам разведчикам, было бы просто бессмысленно идти на опасную охоту за «языком», если бы мы не были уверены, что опытный переводчик получит от него максимум ценных сведений, тех, что помогут нашему командованию принять правильное решение» (Карпов, http: //www.litmir.info/bd/?b=13263).

Работа военных переводчиков представляла собой уникальное сочетание лингвистического мастерства и глубокого понимания военного дела. Они не просто переводили слова — они анализировали, интерпретировали и систематизировали информацию,

превращая её в реальное тактическое преимущество. Их вклад в Победу невозможно переоценить — каждая успешная операция, каждый перехваченный приказ, каждое добытое у врага сведение приближали долгожданный май 1945 года.

В предвоенные годы в СССР была оперативно развёрнута сеть специализированных учебных заведений для подготовки военных переводчиков. Это решение стало ответом на растущую военную угрозу и позволило в кратчайшие сроки создать корпус квалифицированных лингвистов, владеющих языками как стран Оси, так и государств антигитлеровской коалиции. Инициатива по созданию военных факультетов оказалась не только стратегически верной, но и стала знаковым событием в истории отечественного военного образования. Данная реформа заложила основы военно-филологической школы в СССР, объединив лингвистическую подготовку с изучением военного дела. В 1940–1941 годах произошла масштабная реорганизация системы боевой подготовки, где особое место заняло лингвистическое обеспечение войск. Новые учебные программы учитывали опыт первых кампаний Второй мировой войны, делая акцент на практическом применении языковых навыков в разведке, работе с документами и допросах военнопленных. Сформированная в этот период система подготовки военных переводчиков впоследствии полностью оправдала себя в боевых условиях.

Военная коммуникация предъявляет к переводчику особые требования, выходящие далеко за рамки обычного языкового перевода. Специалист в этой области должен обладать комплексом специальных знаний, включающим в себя не только теоретические основы военного дела отечественных и иностранных вооружённых сил, но и практические аспекты их применения. Это требовало от переводчиков детального понимания тактико-специальной подготовки и особенностей ведения боевых действий в разных родах войск — от пехотных подразделений до авиации и флота. Им необходимо было разбираться в организационной структуре воинских формирований, нормативно-правовых аспектах армейской службы, а также в экономике военного дела — вопросах снабжения, транспорта и материально-технического обеспечения. Особое место занимало техническое направление — свободное ориентирование в характеристиках стрелкового оружия, артиллерийских систем, бронетехники и инженерного оборудования. Точность перевода технических руководств, схем, шифровок и донесений часто напрямую влияла на исход операций, что делало такие знания не просто желательными, а жизненно необходимыми.

Военный переводчик должен свободно ориентироваться в терминологии, связанной с устройством и применением различных видов военной техники. Кроме того, в круг его компетенций входит понимание методов воспитательной работы с личным составом, что особенно важно при работе с документами кадрового характера или переговорах. Такой широкий спектр необходимых знаний и навыков делает военного переводчика уникальным специалистом, чья деятельность находится на стыке лингвистики и военного дела. Его работа требует не только безупречного владения языками, но и способности быстро анализировать и интерпретировать военную информацию в конкретном оперативном контексте. Именно это сочетание качеств позволяет эффективно решать задачи лингвистического обеспечения военных операций различного масштаба и сложности.

Речевая практика в военной сфере обладает выраженной спецификой, кардинально отличающей её от повседневного общения. Как отмечает Торсуков (2020: 114), «язык приказов, уставов, инструкций и наставлений характеризуется однозначностью трактовок, ясностью в понимании и высокой степенью побудительности». Эти лингвистические особенности позволяют эффективно регулировать деятельность военнослужащих при выполнении задач по защите государства, формируя особый стиль профессиональной коммуникации. Военная коммуникация как особая лингвистическая система развивается под воздействием трёх детерминант: специфики боевых и оперативных задач, жёстко структурированной системой командования, необходимостью функционирования в условиях повышенного риска и стресса. В этой связи перед учебными заведениями стоит особая задача по подготовке специалистов, владеющих как русской военной терминологией, так и её иностранными аналогами, включая тонкости перевода таких специфических текстов. Особую актуальность эта проблема приобрела в предвоенные годы, когда потребовалась ускоренная подготовка квалифицированных переводческих кадров, способных эффективно работать в условиях боевых действий. Решением стало создание в 1940 году военного факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, который начал подготовку военных переводчиков по четырёхлетней программе. Возглавивший факультет в октябре 1940 года генерал-майор Н.Н. Биязи (Торсуков, 2020: 108) сыграл ключевую роль в становлении этой уникальной образовательной системы, выпускники которой внесли неоценимый вклад в достижение Победы. Создание специализи-

рованного военного факультета стало важным этапом в развитии системы подготовки лингвистических кадров для армии, доказавшим свою эффективность в суровых условиях военного времени.

С первых дней Великой Отечественной войны система высшего образования страны оперативно перестроилась для подготовки военных переводчиков. Эта работа велась на базе филологических и языковых факультетов вузов по всей стране. Характерный пример — Горьковский педагогический институт иностранных языков, где на основании приказа Всесоюзного Комитета по делам высшей школы от 30 июня 1941 года был организован специальный курс подготовки военных лингвистов.

Институт оперативно адаптировал учебный процесс к требованиям военного времени. Уже 1 августа 1941 года начались занятия для студентов старших курсов: 177 человек на втором, 165 — на третьем и 130 — на четвёртом курсах. Первокурсники в количестве 237 человек приступили к занятиям по традиционному графику 1 сентября. Общая численность обучающихся в 1941/42 учебном году превысила 700 человек.

Особого внимания заслуживает патриотический порыв студентов: в начале учебного года 30 человек добровольно отправились на фронт в качестве военных переводчиков, а в марте 1942 года к ним присоединились ещё 20 добровольцев. План набора на 1942/43 учебный год предусматривал 270 мест с распределением по языковым факультетам: 120 — английский, 75 — французский и 75 — немецкий (https://vk.com/wall-18181383_393622).

В условиях военного времени ведущая роль в подготовке военных переводчиков принадлежала Военному факультету при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Согласно директиве заместителя Народного комиссара обороны от 28 августа 1941 года, на факультете была развёрнута многоуровневая система подготовки. Наряду с основным четырёхгодичным обучением организовали постоянные шестимесячные курсы на 400 человек и временные ускоренные программы продолжительностью четыре и полтора месяца для такого же количества слушателей. Эти меры позволили в кратчайшие сроки обеспечить фронт квалифицированными переводческими кадрами.

Факультет выполнял стратегически важную двойную функцию: являлся главным учебным центром по подготовке военных переводчиков и одновременно служил центральным языковым узлом общеармейского значения. Обучение велось по пятнадцати иностранным языкам, что соответствовало потребностям различных

фронтов и направлений. В первые месяцы войны преподавательский состав и слушатели старших курсов работали в авральном режиме — сутками без отдыха обрабатывали трофейные документы для Генерального штаба, демонстрируя образцы профессионального героизма.

Параллельно с учебным процессом факультет развернул активную издательскую деятельность. Были разработаны и выпущены в свет специализированные пособия: русско-немецкий военный разговорник, аналогичные издания по венгерскому, румынскому и итальянскому языкам, дополнения к существующим военным словарям (немецкому, английскому, французскому), а также учебник немецкого языка для рядового и командного состава Красной Армии. Эти материалы оперативно поступали в войска, существенно повышая языковую компетентность военнослужащих.

В октябре 1941 года в связи с приближением фронта к Москве факультет был эвакуирован в Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти). Передислокация прошла образцово организованно — личный состав проявил высочайшую дисциплину и ответственность. Как вспоминала выпускница факультета, впоследствии известный военный переводчик и писательница Елена Ржевская: «Весь личный состав Военфака, воодушевлённый героическими подвигами на фронте и трудовыми достижениями в тылу, сумел в невероятно сжатые сроки восстановить учебный процесс. В условиях острой нехватки преподавателей к педагогической работе привлекли всех адъюнктов, а также наиболее подготовленных слушателей четвёртого и даже третьего курсов» (Ржевская, 1965).

Несмотря на экстремальные условия военного времени, эвакуацию и связанные с ней организационные трудности, факультет не только сохранил, но и значительно усилил свою образовательную и научную деятельность. Его выпускники внесли неоценимый вклад в обеспечение лингвистического сопровождения боевых операций, работу с трофейными документами и допросами военнопленных, что в итоге способствовало достижению победы над врагом.

Выпускники факультета проявляли исключительное мужество на всех фронтах Великой Отечественной войны. Военные переводчики выполняли ответственные задачи на всех уровнях армейской структуры — от полевых штабов до центрального аппарата. Они непосредственно участвовали в боевых действиях, сопровождали разведывательно-диверсионные группы в тылу противника, обеспечивали взаимодействие с партизанскими отрядами. В условиях смертельного риска эти специалисты сочетали филологическую

подготовку с подлинным мужеством, что сделало их труд важной составляющей успеха на фронтах Великой Отечественной войны.

12 апреля 1942 года произошло знаковое событие — приказом Народного комиссара обороны СССР Военный факультет был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Новое учебное заведение, временно дислоцированное в Ставрополе-на-Волге, перешло в непосредственное подчинение Главному управлению Генерального штаба. Возвращение института в Москву состоялось в октябре 1943 года, а 30 августа 1944 года его возглавил генерал-майор Н.Н. Биязи (впоследствии генерал-лейтенант) — выдающийся полиглот, владевший 14 языками, опытный штабист и талантливый организатор учебного процесса.

Особенностью работы института в военный период (1941–1944 гг.) стал непрерывный учебный процесс без традиционного деления на учебные годы. Как отмечает Козлов (1967: 21–22), «никакой передышки, никаких перерывов в учебном процессе! Выпуск слушателей не производился. По указанию Генштаба они командами по необходимости направлялись на фронт». Архивные документы сохранили лаконичные телеграммы того времени: «направить в наше распоряжение четырнадцать переводчиков», «срочно подготовить группу переводчиков, тщательно проверьте здоровье», «доложите о ваших возможностях дать фронту переводчиков...».

За три года войны (до середины 1944 года) институт подготовил и отправил на фронт 2500 военных переводчиков: до 1943 года — 1092, в 1943 году — 774, в 1944 году — 658 (Козлов, 1967: 26–27). Эти цифры красноречиво свидетельствуют о масштабах вклада института в общее дело Победы.

В тяжелейших условиях Великой Отечественной войны военные переводчики стали незаменимыми специалистами, чей вклад в общую Победу трудно переоценить. За годы войны Военный институт иностранных языков подготовил и направил на фронт более 4500 переводчиков, каждый из которых стал важным звеном в системе военного управления. Трагической страницей этой истории стали около 2500 выпускников института, отдавших свои жизни за свободу Родины. Несмотря на расставание со своими воспитанниками, институт продолжал поддерживать с ними связь через активную переписку, следя за их фронтовой судьбой.

Профессия военного переводчика в боевых условиях требовала не только безупречного владения иностранными языками, но и подлинного мужества. Эти специалисты первыми получали доступ к секретной информации противника, что накладывало на

них особую моральную ответственность. От их профессиональных качеств зависели жизни тысяч бойцов — малейшая ошибка в переводе трофейного документа или протокола допроса могла привести к трагическим последствиям. Военным переводчикам приходилось в совершенстве знать не только язык, но и военную организацию, техническую терминологию и тактические особенности армии противника.

Опыт войны показал, что переводчики часто выходили за рамки своих прямых обязанностей, выполняя разнообразные штабные функции. В экстремальных боевых условиях они демонстрировали необычайную оперативную гибкость, становясь полноценными штабными офицерами. В ходе войны сложился уникальный профессиональный профиль военного переводчика — специалиста, сочетающего лингвистическую подготовку с глубоким пониманием военного дела. Этот образ заслужил глубокое уважение в армейской среде.

Постоянный контроль со стороны командования и тесное взаимодействие с коллегами формировали у переводчиков особое отношение к своей работе. Каждое добытое сведение, каждый перехваченный документ могли повлиять на исход боя или целой операции. Это осознание наполняло их труд особым смыслом и ответственностью. Работая часто в тени, не получая громкой славы, военные переводчики своим ежедневным подвигом спасали тысячи жизней и вносили неоценимый вклад в победу над фашизмом. Их профессиональное мастерство и личное мужество стали важной составляющей успехов Красной Армии на полях сражений Великой Отечественной войны.

В ходе наступательных операций войска нередко захватывают значительное количество вражеских боевых документов, содержащих ценнейшую оперативную информацию. В условиях динамично меняющейся боевой обстановки особенно критичным становится фактор времени — чем быстрее будут обработаны и переведены эти материалы, тем большее тактическое преимущество получит командование. В такой ситуации от военного переводчика требуется не просто лингвистическая подготовка, но и способность быстро ориентироваться в массиве документов, мгновенно определяя их оперативную значимость и устанавливая приоритеты перевода.

Первичная сортировка трофейных документов должна проводиться с чётким пониманием текущих задач и намерений собственного командования. Однако существуют универсальные принципы, позволяющие эффективно организовать эту работу даже в

условиях ограниченного времени. В первую очередь необходимо вычленять оперативные документы — боевые приказы, распоряжения, донесения и сводки, которые обычно содержат наиболее актуальную информацию. Особое внимание следует уделять документам элитных и наиболее боеспособных частей противника, а также материалам с наиболее свежими датами.

Как отмечает Стрелковский (1970: 31), стандартизированная структура боевых приказов позволяет быстро выявлять ключевые элементы: замысел операции, основное решение командования, расчёт сил и средств. При работе с такими документами в первую очередь переводится именно эта информация, представляющая наибольшую оперативную ценность. Дополнительную пользу могут принести списки рассылки, которые помогают установить организационную структуру вражеских подразделений и систему их управления.

Даже при выполнении специальных заданий по поиску конкретной информации опытный переводчик может извлечь много полезных сведений из служебных заголовков, подписей ответственных лиц, штампов и печатей, а также перечней получателей. Всё это требует от специалиста не только безупречного владения языком противника, но и глубокого понимания военного дела, способности анализировать информацию в условиях жёсткого временного ограничения и принимать взвешенные решения, от которых может зависеть успех всей операции.

В годы Великой Отечественной войны военные переводчики выполняли исключительно важные и разнообразные задачи, став неотъемлемой частью военного механизма. Их деятельность далеко выходила за рамки простого языкового посредничества, превращаясь в настоящее искусство военной лингвистики.

Особое значение имела психологическая работа переводчиков по деморализации войск противника. Специалисты этого профиля не просто переводили тексты, а создавали эффективные пропагандистские материалы, учитывающие менталитет и психологическое состояние немецких солдат. Они составляли агитационные листовки с призывами к капитуляции, разрабатывали радиопередачи и тексты для звукоусилительных установок на передовой. Эта работа требовала не только идеального знания языка, но и глубокого понимания военной ситуации, настроений в войсках противника, особенностей солдатского быта.

Штабные переводчики представляли собой особую категорию специалистов, чья работа сочеталась с разведывательной деятель-

ностью. В их обязанности входило проведение допросов военнопленных, где от их профессионализма зависела достоверность получаемой информации. Они обрабатывали трофейные документы — от оперативных приказов и штабных карт до личной переписки солдат и офицеров противника. Как отмечают исследователи, именно личные письма часто содержали уникальную информацию о реальном положении на фронте, моральном состоянии войск и даже неофициальных планах командования. Эти специалисты также занимались радиоразведкой, перехватом и расшифровкой вражеских сообщений, что требовало особых навыков работы с кодами и шифрами.

В системе военной цензуры трудились особые переводческие кадры, чья деятельность носила стратегически важный характер. Ежедневные показатели их работы поражают воображение: 6 млн проверенных писем, включая 64 тысячи международных отправлений (33 тыс. исходящих / 31 тыс. входящих), и 350 тыс. телеграмм (1,5 тыс. исходящих / 1 тыс. входящих) — такие цифры наглядно демонстрируют объёмы этого незаметного, но витального для военного времени труда). Они не только защищали военные и государственные тайны, но и выявляли шпионскую деятельность, анализировали настроения в войсках и тылу, отслеживали возможные утечки информации. Их работа требовала особой внимательности, аналитического мышления и умения находить скрытые смыслы в, казалось бы, обычных бытовых письмах.

Как подчёркивает Долгова (https: //cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-perevodchikov-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer: 3), работа всех категорий военных переводчиков требовала исключительной профессиональной подготовки и внимательности, поскольку даже незначительная ошибка могла привести к серьёзным оперативным просчётам и человеческим жертвам.

В своих воспоминаниях Елена Ржевская описывает работу с трофейными документами: *«Я завалена документами. Донесения с мест боёв. Приказы, исходившие с командного пункта бригады Монке, охранявшей имперскую канцелярию. Радиограммы. В комнатах Геббельса в двух чемоданах, кроме его дневников, обнаружено несколько сценариев, присланных ему авторами. Работать в самом подземелье было трудно, и я много часов провела за разбором документов в одном из залов имперской канцелярии. В комнатах Геббельса было ещё найдено в чемодане несколько папок…»* (Ржевская, 1986). Эти строки ярко иллюстрируют масштаб задачи, возло-

женной на специалистов, занимавшихся обработкой захваченных материалов.

Важность оперативного и точного получения разведданных, в том числе через допросы военнопленных, невозможно переоценить. Для подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к событиям весны 1943 года. Немецкое командование, готовя наступление в районе Белгорода, предпринимало меры маскировки: демонстративно отводило части с переднего края, перебрасывало в тыл танковые дивизии СС, изменяло работу радиосетей. Большинство захваченных пленных сообщали о слухах касательно предстоящего удара южнее Белгорода, однако советская разведка не поддалась на дезинформацию. Имеющиеся данные указывали на то, что основной удар последует севернее, в направлении Курска. Тем не менее требовалось дополнительное подтверждение.

Решающие сведения были получены в ночь на 14 июля восточнее Трефиловки, где разведгруппе удалось взять в плен немецкого солдата. На допросе он невольно упомянул, что накануне его подразделению выдали сухой паёк — важный признак скорого наступления. Под давлением переводчика пленный раскрыл ещё более ценную информацию: солдатам зачитали приказ Гитлера о начале атаки утром 5 июля. Эти данные немедленно передали командованию армии и фронта. Показания других пленных, захваченных той же ночью, а также данные наблюдения и радиоперехвата окончательно подтвердили планы противника и позволили уточнить время наступления — 4 часа утра 5 июля (Торсуков, 2020: 113).

Работа с военнопленными предъявляла к переводчикам исключительные требования, выходящие далеко за рамки простого владения иностранным языком. Специалисту необходимо было досконально знать структуру и особенности функционирования вражеской армии — от принципов комплектования частей до принятой системы командования. Особое значение имело точное понимание технической терминологии, связанной с вооружением, средствами связи и другой специализированной техникой противника.

Квалифицированный допрос требовал владения целым арсеналом профессиональных методик. Помимо базовых форм опроса, активно применялись: детализированные анкетные методы сбора информации, техника перекрёстной верификации показаний, стратегия дезорганизованного опроса (преднамеренно хаотичная последовательность вопросов), анализ невербальных реакций допрашиваемого. В таких условиях военный переводчик превращался в ключевого участника разведывательного процесса. Его задача

заключалась не только в точной передаче информации, но и в выявлении скрытых смыслов, распознавании попыток введения в заблуждение, фиксации малейших противоречий в показаниях. Это требовало сочетания лингвистической компетентности, аналитического мышления и психологической проницательности.

Эффективность подобной работы напрямую зависела от способности специалиста оперативно оценивать достоверность информации, анализировать поведенческие паттерны допрашиваемого и адаптировать тактику опроса в зависимости от складывающейся ситуации. Все эти аспекты делали допрос военнопленных особой профессиональной дисциплиной, где языковые навыки органично сочетались с элементами оперативно-разведывательной деятельности.

Яркой иллюстрацией сложности этой работы служит эпизод, описанный военным переводчиком Львом Безыменским. В своих воспоминаниях он приводит детали допроса фельдмаршала Паулюса: «Допрос продолжался недолго. Воронов (представитель Ставки ВГК — *прим. авт.*), который вёл беседу, предложил Паулюсу отдать приказ о капитуляции продолжавшим сопротивление немецким частям, чтобы избежать бессмысленных жертв. Паулюс выслушал, тяжело вздохнул и отказался, сославшись на свой статус военнопленного, лишавший его, по его словам, права отдавать приказы. Воронов повторил предложение, подробно аргументируя его. Нервное напряжение Паулюса усилилось, у него участилось подёргивание левой стороны лица. Однако, когда он заговорил, генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский (командующий Брянским фронтом — *прим. авт.*) и Воронов вновь услышали категорический отказ. Затем Воронов задал неожиданный вопрос — какой режим питания установить пленному, чтобы не навредить его здоровью? Лицо Паулюса выразило крайнее изумление. Он ответил, что не требует для себя особых условий, но попросил позаботиться о раненых и больных немецких солдатах и офицерах. Воронов заметил: — Советская армия гуманно обращается с пленными. Однако наши медики столкнулись с серьёзными трудностями, поскольку немецкий медицинский персонал бросил свои госпитали на произвол судьбы. Паулюс долго молчал, прежде чем с трудом произнёс: — Господин маршал, на войне бывают ситуации, когда приказы не исполняются... На этом допрос был завершён. Паулюс встал, выпрямился, отдал честь советским генералам и, развернувшись, вышел из помещения» (https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobaya-papkabarbarossa/7. 115). Этот

эпизод демонстрирует не только технические аспекты допроса, но и его психологическую составляющую, где важную роль играли как профессиональные навыки переводчика, так и умение командиров вести сложные переговоры с высокопоставленными пленными.

Эффективность работы военного переводчика во многом определялась его способностью ориентироваться в специфике военного дискурса. Под военным дискурсом понимается система речевых практик, формирующихся в условиях военной коммуникации и регулируемых особыми нормами, традициями и профессиональным опытом, что находит выражение в использовании специализированных языковых средств (Дуброва, 2012: 4).

В рамках военного дискурса выделяют несколько ключевых жанров:

- научные военные тексты;
- техническая военная документация;
- оперативно-информационные материалы;
- военно-публицистические произведения;
- нормативные документы (уставы, наставления);
- служебная военная переписка.

П.Н. Денисов предлагает следующую классификацию военной речи:

1) профессиональный язык военных специалистов, включающий термины военной науки («живая сила», «глубоко эшелонированная оборона», «узел сопротивления»);
2) язык военно-политической пропаганды (лексика политических работников, военных СМИ);
3) разговорная речь военнослужащих и их командиров, включая солдатский фольклор («катюши» — реактивные системы залпового огня);
4) язык военной художественной литературы и мемуаров, вобравший элементы всех перечисленных стилей (Денисов, 1985: 361–362).

Особое место занимают военно-энциклопедические тексты, отличающиеся точностью терминологии и относящиеся к научному стилю. Для военных текстов характерна лаконичность изложения. В немецких военных документах, например, преобладают неполные предложения, часто опускаются сказуемые или подлежащие: “Erkundungskommando für Marschstraße durch PzPiKp 70” (70-й сапёрной роте выслать рекогносцировочную группу). Переводчик вынужден восстанавливать опущенные элементы при переводе (Стрелковский, 1970: 35).

Специфической чертой военных документов является их строгая структурированность, где важна последовательность пунктов. Переводчик должен не только знать военную терминологию, но и уметь находить точные эквиваленты при переводе. Особые сложности представляет лексика боевых документов, которая отличается ограниченным, но высокоспециализированным словарным запасом, ориентированным на управление войсками и описание боевых действий (Там же: 34).

Рассмотрим эту лексику по тематическим группам:

- общие понятия, связанные с военной темой: Krieg — война, Front — фронт, Soldaten — солдаты;
- боевые действия, управление боем: Gefecht— сражение, Gefechtszone — зона боевых действий, Befehl — приказ, Angriff — наступление, angreifen — наступать, vorstoßen — продвигаться, abschneiden — отрезать, vonderFlankefassen — охватить с фланга, zurückgehen — отступать;
- подразделения и командиры, воинские звания: Zug — взвод, Zugführer — командир взвода, Kompanie — рота, Kompanieführer — командир роты, Feldwebel — фельтфебель, Unteroffizier — унтер-офицер, Leutnant — лейтенант;
- вооружение пехоты: Gewehr — винтовка, Maschinengewehr — пулемёт, MG — сокр. пулемёт, Revolver — револьвер, Handgranate — ручная граната, Leuchtrakete — осветительная ракета, Leuchtkugel — трассирующая пуля;
- боеприпасы и средства поражения: Munition — боеприпасы, Sprengstücke — взрывчатые вещества, Granatfetzen — осколки гранат;
- выстрел, производство выстрела, звук выстрела, звук встречи пули или снаряда с целью: Schuss, Abschuss, Ladehemmung, Einschlag, Volltreffer;
- артиллерия, артиллерийские снаряды: Artilleriefeuer — огонь артиллерии, Gasgranate — химический снаряд, Mündungsfeuer — дульное пламя;
- обмундирование и оснащение пехотинца: Zeltbahn — плащ-палатка, Stiefel — сапоги, Kochgeschirr — котелок, Mantel — шинель, Koppel — поясной ремень с портупеей, Helm (Stahlhelm) — шлем, Uniform — форма одежды;
- естественные и искусственные укрытия на поле боя, инженерное оборудование местности: Trichter — воронка, Trichternest — пулемётное гнездо, Grabenstück — участок окопа, Laufgraben — ход сообщения, Böschung — эскарп, Unter-

stand — блиндаж, Brustwehr — бруствер, Stellung — позиция, Schützengraben — стрелковый окоп;
- ранения, оказание медицинской помощи раненым на поле боя, медицинские учреждения в ближайшем тылу: Sanitäter — санитар, Lazarett — лазарет, Schuss in den Arm bekommen — ранение в руку, Bauchverletzte — раненый в живот, verbinden — бинтовать, Krankheit — болезнь, Tabletten einnehmen — принимать таблетки;
- фронтовой отпуск: Urlaub (Бойко, 2016: 4–5);
- единицы военного жаргона: Knarre — винтовка, Kohldampf — голод, Gulaschkanone — полевая кухня, Lausekrieg — ротный фельтфебель, Feldgraue — солдаты, Kommißmantel (Kommißknüppel) — винтовка;
- разговорная лексика и инвективы разговорной речи солдат: Scheiße — дерьмо, Verflucht! Verdammt! — проклятый, Haltdie Schnauze! — заткнись, eine saftige Schweinerei erzählen — рассказывать похабный анекдот, das schläg tein wie eine Bombe — как гром с ясного неба, Schnauzenaufreißen — разинуть пасть (Там же).

Для военного переводчика особое значение имеет точное знание организационной терминологии, включающей наименования воинских формирований (отделения, взводы, роты), обозначения частей и соединений, названия командных структур и должностные наименования. В боевой документации эта терминология преимущественно представлена в сокращенной форме, принятой в западногерманских уставах. Как отмечает Стрелковский (1970: 35), в документах вермахта использовались сокращения с пробелами и точками: Inf. Rgt. (пехотный полк), Pz. Div. (танковая дивизия).

Особенности военной терминологии проявляются в её динамике. В профессиональной военной среде термины сохраняют строгую семантическую определённость, однако вне военного контекста происходит возврат заимствованных терминов к их исходным значениям (Feuer — огонь/огонь; Nest — гнездо/позиция), детерминологизация специализированных понятий (Лейчик, 2014: 29) и переход военных терминов в общеупотребительную лексику (Angriff — атака/нападение; Gewehr — винтовка/ружье). Этот процесс особенно заметен на примере немецких терминов: Graben (окоп/ров), Böschung (откос/склон), Trichter (воронка/кратер), Schuss (выстрел/пуск), Front (фронт/передняя часть), Revolver (револьвер/барабан).

Современная практика военного перевода требует от специалиста чёткого разграничения профессионального и общеупотребительного значения терминов, учёта контекста их использования, понимания процессов терминологической трансформации, владения историческими формами военных сокращений и способности адекватно передавать организационную структуру при переводе. Как подчёркивают исследователи, точность перевода военных документов во многом зависит от правильного понимания этих лингвистических особенностей и способности переводчика ориентироваться в динамике терминологических значений.

Термины Kompanieführer «командир роты», Trichter «воронка (образовавшаяся от разрыва снаряда, мины или авиационной бомбы)», Munition «боеприпасы» в тексте могут быть использованы так:

“Der Kompanieführer kriecht in unsern Trichter. “Habt ihr alles?” fragt er durch den Lärm. “ZuwenigMunition”, “schreit Bethke” (Ремарк, 1993, 17).

Ротный лезет в нашу воронку. — Всем обеспечены? — старается он перекричать шум. — Патронов маловато! — кричит в ответ Бетке (Ремарк, 1993: 13–14).

Основная функция боевых документов, и в особенности приказов, заключается в управлении войсками, что непосредственно отражается на их языковых особенностях. Главная задача такой документации — инициировать и координировать боевые действия подразделений.

Лексический состав этих документов формируется исходя из основных видов боевой деятельности, к которым относятся:

1. Наступательные операции.
2. Оборонительные действия.
3. Охранные мероприятия.
4. Разведывательная деятельность.

Каждый из этих видов военной активности требует использования специфической терминологии и чётких формулировок, обеспечивающих однозначное понимание поставленных задач. В боевых приказах преобладают глаголы повелительного наклонения и краткие, информационно насыщенные конструкции, что позволяет оперативно доводить решения командования до исполнителей.

В боевом приказе можно встретить словосочетания: es kommt darauf an — задача... (состоит в том, чтобы): hierzu werden eingesetzt — для этого вводятся в бой. Этими словосочетаниями обыч-

но начинается изложение основных задач подчинённым войскам. Иногда задачи подразделений (частей) излагаются в боевых приказах при помощи конструкций с местоимением es, например: Esverteidigensich — занять оборону (Стрелковский, 1970: 40).

Так, термины Angriff «наступление», «атака», Handgranate «ручная граната», Ladehemmung «задержка ведения огня из-за перекоса ленты», Trichternest «огневая точка в воронке», Flanke «фланг», MG (Maschinengewehr) «пулемёт», Böschung «пологий откос воронки (от разорвавшегося снаряда)» в тексте могут быть употреблены следующим образом:

"Der Angriff liegt links vor uns. Ein Trichternest vor uns wird umkämpft. Das MG bellt. Die Blitze der Handgranaten zucken. Plötzlich schweigt das MG — Ladehemmung. Sofort wird das Nest von der Flanke gefasst. Ein paar Minuten noch, und es ist abgeschlossen. Heel sieht es. „'Verflucht', er setzt über die Böschung, 'Vorwärts!'" (Ремарк, 1993: 18–19).

Атака — влево от нас. Борьба разгорается вокруг одной нашей огневой точки в воронке. Лает пулемёт. Вспыхивают молнии рвущихся гранат. Вдруг пулемёт замолкает: заело. Огневую точку сразу же атакуют с фланга. Ещё несколько минут — и она будет отрезана. Хеель это видит.

— Чёрт! — он прыгает через насыпь. — Вперёд! (Ремарк, 1993: 14–15).

В военных документах активно используется терминология, связанная с вооружением и снаряжением, при этом наиболее распространены обобщающие понятия, охватывающие целые классы военной техники. К таким родовым терминам относятся, например, Handfeuerwaffe (стрелковое оружие) и Artillerie (артиллерия), которые, как правило, употребляются в полной форме без сокращений (Стрелковский, 1970: 36). Однако для конкретных образцов вооружения, особенно стрелкового, характерно использование сокращённых обозначений — так, пулемёт обозначается как MG (от полного наименования Maschinengewehr). Эта система терминологии позволяет сочетать точность формулировок с необходимой лаконичностью боевых документов, обеспечивая при этом однозначное понимание всеми участниками боевых действий. Особенностью военной терминологии является её строгая стандартизация и функциональная направленность, что особенно важно при управлении войсками в боевых условиях. Следует отметить, что в отличие от родовых понятий, которые сохраняют полную форму, конкретные образцы вооружения часто имеют устоявшиеся сокращения, что

требует от военных переводчиков особого внимания к деталям и знания соответствующих терминологических стандартов.

В тексте это отражено так:

“Kein MG mehr, kein Abschuss, kein Einschlag; kein Granatpfeifen, nichts, gar nichts mehr, kein Schuss, kein Schrei. Es ist ein Fachstill, vollkommenstill” (Ремарк, 1993, 16).

Ни пулемётов, ни пальбы, ни разрывов, ни посвиста снарядов, — ничего, как есть ничего, ни одного выстрела, ни одного крика. Тихо, просто тихо (Перевод И. Горкиной, с. 13).

Ни пулемётов, ни пуль, ни разрывов, ни свиста гранат — вообще ничего, ни выстрелов, ни крика. Просто тишина. Полная (Ремарк, 1993: 13).

В немецкой военной лексике аббревиатура MG представляет собой устоявшийся профессиональный термин. При переводе подобных специализированных сокращений на русский язык принято избегать буквального копирования, заменяя их соответствующими русскоязычными аналогами из военной терминологии. Этот же принцип распространяется и на другие немецкие военные термины, которые переводятся как профессиональные понятия: Abschuss передаётся как «производство выстрела», Schuss — как «выстрел», а Einschlag — как «точка попадания» (имея в виду место встречи снаряда или пули с целью). Такой подход к переводу обеспечивает несколько важных преимуществ: во-первых, сохраняется точность военной терминологии, во-вторых, достигается понятность для русскоязычного военного специалиста, в-третьих, исключается неоправданное использование иностранных аббревиатур, и наконец, поддерживается необходимое единообразие военной документации. Суть данной переводческой практики заключается в приоритете точной передачи профессионального содержания терминов над буквальным воспроизведением их формы, что особенно критично в военной сфере, где малейшая неточность в формулировках может иметь серьёзные последствия. Этот принцип отражает общий подход к переводу военной документации, который требует от переводчика не только прекрасного знания языка, но и глубокого понимания военной специфики и терминологии.

Предметы снаряжения. Helm (Stahlhelm) ‘шлем’ (стальной шлем), совр. «каска» в тексте:

“Heel springt zu uns herein, kalkweiß vor Wut unter dem Helm beim Aufflackern der Explosionen. ‘Brandt’, keucht er, ‘Volltreffer, alles weg’” (Ремарк, 1993: 18).

Хеель прыгает к нам. При вспышках разрывов видно из-под шлема его побелевшее от ярости лицо.

— Брандт... — задыхается он. — Прямое попадание. В клочки! (Ремарк, 1993: 14).

Выражения военного жаргона. Например, Knarre «винтовка» в тексте:

“Ein Schuß knallt. Kosole setzt die Knarre ab und späht eifrig zum Himmel. Er hat mitten in den Keil hineingehalten” (Ремарк, 1993: 12).

Щёлкает затвор. Козоле опускает винтовку и напряженно всматривается в небо. Он целится в самую середину летящего клина (Там же: 10).

Ещё один пример солдатского сленга: Kohldampf ‘ощущение голода’.

“Kosole mustert ihn noch einmal forschend. Da Jupp jedoch ruhig bleibt, wender er sich ab und brummt: ‘Dir zischt der Kohldampf im Bauch, das sind deine Granaten. Solltest lieber ein Augevoll Schlaf nehmen’” (Там же: 7).

Козоле снова критически оглядывает его, но так как на Юппа это не действует, он отворачивается и брюзжит:

— В брюхе у тебя урчит от голода — вот твои снаряды. Всхрапнул бы, больше б толку было (Там же).

Немецкое слово ‘Kohldampf’ представляет собой характерный пример военного жаргона, который немецкие лексикографические источники однозначно относят к армейской лексике. Изначально заимствованное из воровского арго, это экспрессивное выражение передаёт сильное чувство голода, сохраняя при этом свою стилистическую окраску. Для адекватного перевода таких специфических терминов переводчику необходимо не только прекрасно владеть грамматикой и синтаксисом немецкого языка, но и глубоко понимать особенности военного словоупотребления. Яркой грамматической особенностью немецких боевых документов является использование формы Präsens в приказной части для обозначения будущих действий. Такое употребление объясняется несколькими факторами: во-первых, Präsens обеспечивает краткость и лаконичность формулировок; во-вторых, в контексте военного приказа эта временная форма всегда понимается однозначно; в-третьих, она позволяет упростить языковую конструкцию, сохраняя при этом необходимую смысловую точность. Эти лингвистические особенности отражают общий принцип построения военных документов, где языковая форма всегда подчинена функциональному назначению текста и требованиям оперативной ясности. Переводчик должен учитывать как лексические особенности военного жаргона, так и специфические грамматические конструкции, характерные

для немецкой военной документации, чтобы обеспечить точную и адекватную передачу содержания.

Например: 4. Kp richtet sich in den Stützpunkten 20, 21, 22 und 23 vor allem gegen einen aus Richtung Waldstück dicht ostwärts UNT.-LAPPACH und VOGELHERD angreifenden Feind zur Verteidigung ein., 4-й роте оборонять опорные пункты 20, 21, 22 и 23 с задачей отразить наступление противника прежде всего с направлений: лес восточнее Унт. Лаппах (Нижний Лаппах) и Фогельхерд (Стрелковский, 1970: 47).

В ходе боевых действий происходило постоянное совершенствование профессионального мастерства военных переводчиков, формировалась узкая специализация внутри профессии. К заключительному этапу войны были сформированы централизованные подразделения радиоперехвата, оснащённые мобильной аппаратурой на автомобильных шасси. В состав этих подразделений входили специально обученные переводчики — «слухачи», квалифицированные дешифровальщики и опытные операторы коротковолновой связи. Эти специализированные группы, действовавшие при разведотделах фронтов и армий, успешно работали на различных направлениях (Торсуков, 2020: 114).

Работа военных переводчиков отличалась исключительным разнообразием задач и постоянным риском для жизни. Ярким примером героизма стали события Будапештской операции, где несколько групп переводчиков-парламентёров погибли при исполнении служебных обязанностей. 26 декабря 1944 года войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение крупной немецко-венгерской группировки в Будапеште. Советское командование, стремясь избежать тяжёлых уличных боев и сохранить культурное наследие города, приняло решение направить к противнику парламентёров с ультиматумом о капитуляции. Первая группа парламентёров от 2-го Украинского фронта включала капитана Н.С. Штейнмеца (политработник), лейтенанта А.К. Кузнецова (военный переводчик) и старшего сержанта Ф.П. Филимоненко (водитель). 29 декабря 1944 года в 10:55 группа выдвинулась к немецким позициям под белым флагом, но была обстреляна на подходе и погибла. Вторая группа от 3-го Украинского фронта состояла из капитана И.А. Остапенко, старшего лейтенанта Н.Ф. Орлова и старшины Е.Т. Горбатюка. Несмотря на знание о судьбе первой группы, они выполнили задание по передаче ультиматума, после чего также были обстреляны при возвращении. Выжил только старший лейтенант Орлов. После войны в Будапеште были уста-

новлены памятники капитанам Штейнмецу и Остапенко как символу мужества военных переводчиков (Торсуков, 2020: 114). Эти события демонстрируют, что работа военных переводчиков часто выходила за рамки чисто профессиональных задач, требуя личного мужества и готовности к самопожертвованию.

Одним из наиболее ярких примеров героизма военных переводчиков стал подвиг капитана Владимира Галла, который в своих воспоминаниях «Огненный перевод» (Галл, 2006) описывает драматические события 1 мая 1945 года: «Первого мая 1945-го мы с майором Гришиным шагнули в ад Шпандау — осаждённую крепость, где в каменных мешках томились сотни заложников. Каждый наш шаг под прицельными взглядами эсэсовцев мог стать последним...» (с. 108–109). Этот эпизод наглядно показывает, что выдающаяся квалификация военных переводчиков — безупречное владение немецким, выдержка и умение вести переговоры — позволила не только сохранить им жизнь, но и добиться сдачи вражеского гарнизона, избежав жертв среди мирных жителей. В военной истории особую страницу занимают переводчики высшего командного состава. Среди них выделялись: Лев Безыменский, обеспечивавший коммуникацию для маршалов Жукова и Рокоссовского, Валентин Бережков, сопровождавший наркома Молотова на важнейших международных переговорах, Владимир Павлов, ставший «голосом» Сталина в диалогах с иностранными представителями.

Эти специалисты выполняли не просто техническую работу, а выступали ключевыми участниками исторических событий, чьё мастерство напрямую влияло на исход важнейших переговоров и принятие стратегических решений. Их деятельность требовала не только языкового совершенства, но и исключительной психологической устойчивости, умения мгновенно адаптироваться к изменяющейся обстановке и точно передавать смысловые нюансы на высшем политическом уровне.

Примечательно, что среди военных переводчиков оказалось множество выдающихся представителей советской интеллигенции — поэт Самуил Маршак, писатель Эммануил Казакевич, актёр Владимир Этуш, учёный-лингвист Александр Швейцер и многие другие.

Неоценимый вклад в победу внесли и женщины-переводчицы, такие как Галина Дубеева, Елена Ржевская, Тамара Кораблёва и десятки других, которые наравне с мужчинами переносили все тяготы фронтовой жизни. Особое направление работы военных переводчиков составляла психологическая война и спецпропаган-

да. Согласно архивным данным (ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 570. Л. 499), за годы войны было издано 20 газет на иностранных языках, распространено 3 миллиарда листовок, проведено 200 тысяч радиопередач. Как отмечал исследователь Николай Берников: «Успех определялся точным расчётом национальной психологии и морального духа противника» («Слово на линии огня». 1971: 8). Американский эксперт Пол Лайнбарджер в своей работе “Psychological Warfare” (1962) признавал: «Их методы сочетали новаторство с глубинным анализом» (Лайнбарджер, 1962: 211).

После войны ветераны-переводчики — Николай Берников, Николай Голованов, Фёдор Парпаров и другие — передавали свой бесценный опыт новым поколениям, преподавая на военной кафедре МГУ. Их профессиональный подвиг, заключавшийся не только в блестящем владении языком, но и в личном мужестве, стал важнейшей составляющей Великой Победы, что было по праву отмечено участием многих военных переводчиков в легендарном Параде Победы 1945 года.

Список литературы

Берников Н.Н. «Оружием правды», М.: Воениздат, 1971. С. 8.

Бойко Б.Л. Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М. Ремарка «Возвращение»). Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2016. № 2.

Галл В.С. Записки парламентёра, М., 2006, 223 с.

Денисов П.Н. Русская военная лексика в период Великой Отечественной войны // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1985. Т. 44. № 4. С. 358–365.

Дуброва Ю.Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов в военном дискурсе. Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2012. № 638. С. 137–144.

Карпов В.В. Судьба разведчика. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.litmir.info/bd/?b=13263

Козлов Б.И. 25 лет Военному институту иностранных языков. М.: ВИИЯ, 1967. С. 21–22, 26–27.

Лейнбарджер Поль. Психологическая война. Перевод с английского. М., 1962. 138 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 264 с.

Ремарк Э.М. Возвращение / Пер. с нем. И. Горкиной // Ремарк Э.М. Возвращение. Время жить и время умирать. М.: LEXICA, 1993. С. 5–233.

Ремарк Э.М. На обратном пути / Пер. с нем. Е. Шукшиной. М.: АСТ, 2015. 320 с.

Ржевская Е.М. «От дома до фронта». Новый мир. М., 1965. № 11.

Ржевская Е.М. Берлин, май 1945. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=23774&p=1

Ржевская Е.М. Берлин, май 1945: записки военного переводчика. М.: Московский рабочий, 1986. 55 с.

Стрелковский Г.М. «Перевод боевых документов Бундесвера». М.: Воениздат, 1970. 224 с.

Торсуков Е.Г. Их оружием было слово. Вестник МГУ. Серия 22 Теория перевода. № 2, 2010. С. 112–113. https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayapapka-barbarossa/7

Интернет-ресурсы

https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-perevodchikov-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer

https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-leksika-v-rechevom-obschenii

https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobaya-papkabarbarossa/7. 115

https://vk.com/wall-18181383_393622 (ГПИИЯ)

https://www.libfox.ru/640190-aleksandr-smykalin-perlyustratsiya-korrespondentsii-i-pochtovaya-voennaya-tsenzura-v-rossii-i-sssr.html

References

Bernikov N.N. (1971) Oruzhiem pravdy = Weapons of truth. Moscow: Voenizdat. P. 8 (In Russian).

Bojko B.L. (2016) Voennaya leksika v originale i perevode (na materiale romana E.M. Remarka Vozvrashchenie) = Translating Military Terms: A Case Study of the Russian Translation of The Road Back by Erich M. Remarque. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* No. 2. (In Russian).

Gall V.S. (2006) Zapiski parlamentyora = Notes of a Parliamentarian. Moscow, 223 p. (In Russian).

Denisov P.N. (1985) Russkaya voennaya leksika v period Velikoj Otechestvennoj vojny = Russian military vocabulary during the Great Patriotic War. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 44. No. 4, pp. 358–365 (In Russian).

Dubrova Yu.Y. (2012) Strukturno-soderzhatel'naya specifika mnogokomponentnyh terminov v voennom diskurse = Structural and substantive specificity of multicomponent terms in military discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 638, pp. 137–144 (In Russian).

Karpov V.V. Sud'ba razvedchika = The fate of a scout. (Electronic resource). Access mode: http://www.litmir.info/bd/?b=13263

Kozlov B.I. (1967) 25 let Voennomu institutu inostrannyh yazykov = 25 years of the Military Institute of Foreign Languages. Moscow: VIIA, pp. 21–22, 26–27 (In Russian).

Leinbarger Paul. (1962) Psihologicheskaya vojna = Psychological warfare. Perevod s anglijskogo. Moscow, 138 p. (In Russian).

Leychik V.M. (2014) Terminovedenie: Predmet, metody, struktura = Terminology: Subject, methods, structure. Izd. Stereotip. Moscow: LIBROCOM, 264 p. (In Russian).

Remarque E.M. (1993) Vozvrashchenie = Vozvrashchenie. Per. s nem. I. Gorkinoj. Vremya zhit' i vremya umirat '. Moscow: LEXICA, pp. 5–233 (In Russian).

Remarque E.M. (2015) Na obratnom puti = On the way back. Per. s nem. E. Shukshinoj. Moscow: AST, 320 p. (In Russian).

Rzhevskaya E.M. (1965) Ot doma do fronta = From home to the front. *Novy Mir*. Moscow. No. 11 (In Russian).

Rzhevskaya E.M. Berlin, maj 1945 = Berlin, May 1945. (Electronic resource). Access mode: https://www.litmir.me/br/?b=23774&p=1

Rzhevskaya E.M. (1986) Berlin, maj 1945: zapiski voennogo perevodchika = Berlin, May 1945: notes of a military translator. Moscow: Moskovskij rabochij, 55 p. (In Russian).

Strelkovsky G.M. (1970) Perevod boevyh dokumentov Bundesvera = Translation of military documents of the Bundeswehr. Moscow: Voenizdat, 224 p. (In Russian).

Torsukov E.G. (2010) Their weapon was the word. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* No. 2, pp. 112–113. https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bezimenskij-lev-aleksandrovich/ocobayapapka-barbarossa/7 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Торсуков Евгений Георгиевич — кандидат филологических наук, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; temitina.45@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Yevgeny G. Torsukov — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie gory, 1, Moscow 119991, Russia; temitina.45@yandex.ru.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

ДЕФИНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ

Ирина Вячеславовна Убоженко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», МГИМО (университет) МИД РФ, г. Москва, Россия

Для контактов: iubojenko@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению базовых понятийных характеристик термина «творческое переводческое решение» (ТПР) и анализу содержательного тезауруса указанного понятия в целях упрощения и повышения продуктивности его использования в теории, дидактике и критике перевода для объяснения качественных процессуальных и результирующих свойств выполненного перевода. Материалом исследования послужил критический анализ актуального переводоведческого дискурса, опубликованного в формате научных статей и монографий ведущих отечественных учёных, а также эмпирическая апробация предложенной автором итоговой дефиниции в виде экспертного интервью с опытными специалистами в области перевода. В результате исследования качественными категориальными критериями изучаемого научного концепта выступают дефинитивные параметры уникальности, окказиональности и контекстуальности. В статье предложена оригинальная ментальная схема понятия творческого решения в переводе (ТПР) и впервые эмпирическим путём выводится его развёрнутое научное определение.

© Убоженко И.В., 2025

Ключевые слова: творческое переводческое решение (ТПР), дефиниции переводоведческого дискурса, категориальные признаки творческого переводческого решения (ТПР)

Для цитирования: *Убоженко И.В.* Дефинитивные признаки творческого переводческого решения в современном профессиональном дискурсе: понятийно-категориальные критерии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 107–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

Статья поступила в редакцию 27.01.2025;
одобрена после рецензирования 26.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

DEFINITION OF CREATIVE TRANSLATION SOLUTION IN MODERN PROFESSIONAL DISCOURSE: CONCEPTUAL SIGNS AND CATEGORIAL CRITERIA

Irina V. Ubozhenko

National Research University Higher School of Economics (HSE University), MGIMO University, Moscow, Russia

For contacts: iubojenko@hse.ru

Abstract. The paper is related to identifying basic characteristics of the term “creative translation solution” (CTS) and analyzing the meaningful thesaurus of the concept under study with the objective to simplify and increase the efficiency of its use in theory, didactics and criticism of translation as well as to explain the qualitative procedural and resultant properties of any final translation performed. The research material is a critical analysis of relevant translatology discourse, published as research articles and monographs by leading Russian scholars. The described study has also tested the definition proposed by the author through the empirical support in the form of an expert interview with experienced translation specialists. As a result of the research, the qualitative categorial criteria of the studied scientific concept are the definitive parameters of uniqueness, contingency and contextuality. The author offers an original mental scheme of the concept of creative decision in translation (CTS) and for the first time empirically deduces its detailed scientific definition.

Keywords: creative translation solution (CTS), translatology discourse definitions, categorial features of a creative translation solution (CTS)

© Ubozhenko I.V., 2025

For citation: *Ubozhenko I.V.* Definition of creative translation solution in modern professional discourse: conceptual signs and categorial criteria. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 107–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

The article was submitted on January 27, 2025;
approved after reviewing on June 26, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

Методология переводческого поиска определяется стремлением проникнуть во всё, что стоит за текстом, за словом, во всём найти знак.
Н.К. Гарбовский

Введение и актуальность

При подготовке обзора накопленного опыта в области изучения нестандартных подходов при выборе переводческого решения в рамках задачи снятия многозначности и поиска несловарного варианта мы намеренно стремились изучить труды авторитетных отечественных исследователей, принадлежащих к представителям ведущих современных российских транслатологических школ, поскольку зарубежное переводоведение всё более сосредоточено в последнее десятилетие на изучении социальной и междисциплинарной функции перевода как инструмента межкультурной коммуникации (Пим, 2018), менее акцентируя внимание на семантических подходах к профессиональному объяснению и поиску переводческих решений, в том числе и в эмпирическом поле весьма популярного на данный момент аудиовизуального перевода (Бармина, 2023; Елькин, 2021).

Примечательно, что исследования параметризации креативности дискурсов разного типа сегодня довольно интенсивно заполняют научное пространство отечественного языкознания и лингвистики (Заботкина, 2018; Зыкова, 2023; Киосе, 2020; Харченко, 2019), в то время как переводоведческий анализ собственно терминологической сути творческого решения в переводе либо обнаруживается менее плотно, либо не представлен вовсе, несмотря на то, что исследования нередко заявлены как сосредоточенные на изучении переводческой креативности (Герасимова, 2016; Рафикова, 2020). Результативная скудность исследовательского поля в области

переводческого творчества как, в первую очередь, процессуальной цепочки принятия часто нестандартных решений подкрепляет **актуальность** изложенных в данной статье результатов (Убоженко, 2024).

Контекстуальный выбор и создание окказионального переводческого варианта были и остаются краеугольными камнями теории перевода с точки зрения её объяснительного и дидактического потенциала с самого начала её истории в России (ранее в СССР) как переводоведческой науки (Рецкер, 1950). Однако со стремительным прорывом в индустрию современного нейросетевого машинного перевода данная проблематика столь же быстро стала обрастать мифами о дальнейшей бесперспективности ставшей уже классической интерпретативной теории перевода, где контексту по-прежнему отводится главенствующая роль снятия полисемантичности при передаче исходного смысла, в том числе в ходе принятия творческих решений (Велла, 2013; Убоженко, 2016; Гоппен, 2023). Преемником интерпретативной и когнитивной парадигм претендует стать нейросетевой машинный подход, активно разрабатывающий приёмы предредактирования текста для обеспечения ручного нивелирования лексической неоднозначности (Коканова, 2024). Одновременно учёные активно ищут возможности повысить нейросетевые умения машины для адекватной интерпретации исходных единиц перевода с помощью создания вспомогательных словарей и продолжения накопления параллельных корпусных словарных данных. Тем не менее, экокогнитивная оптимизация поиска переводческих вариантов и моделирование профессиональной среды посредством выполнения различных творческих задач продолжают волновать исследователей (Чистова, 2024), оставляя незаполненной лакуну изучения человеческих возможностей и навыков для создания нестандартных лингвистических решений вообще и в переводе в частности.

Литературный обзор

Одним из заметных исследований последних двух десятилетий стала выполненная в 2009 году в Тюменском государственном университете в рамках пермской школы профессора Л.В. Кушниной кандидатская диссертация, в которой была предпринята развёрнутая попытка описания понятия гармоничного переводческого решения (Енбаева, 2009; Кушнина, 2007, 2014): исследователь определила его как «осуществляемый переводчиком выбор из средств переводящего языка, оптимальный и согласовывающийся со всеми

принимаемыми решениями, опосредованный комплексным воздействием полей переводческого пространства, сбалансированно участвующий в создании не противоречащей оригиналу системы образов и продиктованный целью создания гармоничного текста перевода» (Енбаева, 2009). Предложенный в работе набор операций переводческого решения включал алгоритмизированную последовательность из трёх стадий принятия переводческого решения: анализа оригинала, поиска альтернатив и принятия решения о выборе одной из альтернатив, с указанием на возможность использования эвристических операций. Для устранения речевой многозначности в качестве ментальной схемы процесса перевода в диссертации была заимствована синергетическая модель творческого процесса «порядок — хаос — новый порядок».

Следует дополнить, что о синергетических возможностях соотнесения т.н. «креативного ландшафта» и переводческого пространства, аккумулирующего весь мицелий мыслительных форм при восприятии оригинала и поиске переводческих альтернатив, в отечественной теории перевода упоминалось и ранее (Убоженко, 2006). В этой связи нельзя не отметить московскую научную школу профессора Задорновой В.Я., где в начале 90-х годов теперь уже прошлого века перевод рассматривался, с одной стороны, как словесно-художественное творчество, а с другой, как результат детального научно-филологического анализа. Постулат о том, что перевод может быть как «основанным на вдохновении», так и являться серьёзным научным творчеством, уже тогда фактически впервые обозначил границы интуитивного озарения и рационально-логического решения в переводе (Борисова 1989). Позже под руководством В.Я. Задорновой в 2006 году в МГУ им. М.В. Ломоносова была успешно защищена кандидатская диссертация о творческом использовании языка и его пределах в переводе (Натитник, 2006).

Спустя десятилетие серьёзное диссертационное исследование взаимоотношения стереотипности и креативности на материале юридических терминологических коллокаций было выполнено вновь в рамках научной школы перевода профессора Л.В. Кушниной на базе Удмуртского государственного университета (Криворучко, 2017). Автор акцентировала внимание на типах языковой и речевой сочетаемости, выполнив квантитативно-квалитативный анализ соответствующих коллокационных рядов, представленных индивидуально-авторскими (окказиональными), рекуррентными и фиксированными юридическими терминологическими коллокаци-

ями. В работе был описан когнитивный механизм взаимодействия стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций и предложена типология сочетательной ценности стереотипности и креативности. Исследователь пришла к выводу, что в переводящем дискурсе градуированно формируется своеобразный комбинаторный баланс стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций, в результате чего, через взаимодействие лингвокультурных и правовых систем, генерируется гармоничный дискурс. Важно подчеркнуть, что в своих выводах автор, по сути, даёт определение неадекватному переводческому решению, отмечая, что «при негативном векторе формируется несбалансированная комбинаторность стереотипности и креативности коллокаций, порождается дисгармоничный дискурс, что приводит к отклонению от лингвокультурных и правовых норм и непониманию коммуникантов» (Криворучко, 2018). Любопытна также предложенная в диссертации оценочная шкала эвристичности в корреляции с семантической новизной переводческого решения.

Методология и материал исследования

Преследуя **цель** дать в настоящей статье концептуальную дескрипцию творческого переводческого решения через попытку формализации его отличительных критериев, требуется изучить относительно конвенциональные закономерности принятия творческих переводческих решений.

В современном отечественном переводоведении ведущим учёным, неоднократно подчёркивающим в своих трудах значимость междисциплинарного подхода к изучению перевода как когнитивного явления и неотъемлемость художественных признаков переводческой деятельности, более двух десятилетий остаётся профессор Н.К. Гарбовский (Гарбовский, 2010). Помимо научной школы теории и практики перевода МГУ им. Ломоносова, известность набирают и исследования учёных из Москвы и Санкт-Петербурга (Колмогорова, Чистова, 2020, 2023). В научных рамках школы профессора В.Н. Комиссарова (МГЛУ) нами был также ранее предложен алгоритм принятия творческого переводческого решения в зависимости от стимулов: творческое решение с учётом определённых ограничений подразумевает в нём выполнение любого преобразования, обусловленного выявленными стимулами (Убоженко, 2014). Алгоритм не предлагает конкретных стратегий, следование которым можно считать оптимальным при сочетании выявленных

определённых условий, и продуктивен в использовании при выполнении ретроспективного анализа перевода в процессе обучения и при необходимости обоснования переводческих решений. Усовершенствованная **гипотеза,** тестируемая в настоящем исследовании, заключается в том, что не исключается также возможность применения такого алгоритма переводчиком и при выборе варианта перевода: следуя приведённой последовательности действий, переводчик анализирует потенциальные ограничения и исключает недопустимые варианты.

Следовательно, **актуальность** выявления чётких критериев творческого решения и устранение размытости его дефиниции заключается в том, чтобы интегрировать это понятие в существующий алгоритм и применять его уже не для ретроспективного анализа выбранного варианта перевода, а для, собственно, самого его выбора. Такая попытка изначально была реализована в бакалаврском исследовании, выполненном под руководством автора данной статьи и успешно защищённом в прошлом году на базе НИУ «Высшая школа экономики» (Дунюшкин, 2024; Петухова, 2024). Отобранный эмпирический **кейс** был связан с творческими переводческими решениями ономастической природы, не поддающимися стандартизации и унификации, когда не представляется возможным соотнести исходную и переведённую единицы по словарю (в том числе по двуязычному ономастическому словарю). Изначально аксиоматичным было принято считать, что двух базовых ранее доказанных критериев нестандартного решения в переводе (Ubozhenko 2020; Убоженко 2023) — соответствия цели коммуникации и несоответствия словарному эквиваленту — недостаточно для использования понятия творческого решения в рамках предложенного авторского дидактического алгоритма.

В выводах выпускной квалификационной работы подчёркивается, что реализованная вспомогательная задача по предварительному распределению анализируемых фрагментов исходных и переводящих дискурсивных сегментов по типам эквивалентности позволила заключить, что все творческие решения отличаются низким уровнем эквивалентности при сопоставлении с оригиналом. Данная закономерность объясняется тем, что нестандартный перевод отдельной единицы зачастую требует переосмысления синтаксической структуры высказывания и влечёт за собой значительные преобразования лексического состава. Факт отсутствия в исследовании примеров, относящихся к пятому типу эквивалентности (пословный перевод или полное калькирование), в очередной раз

подтвердил гипотезу о том, что *словарный перевод не может рассматриваться как безоговорочно творческое переводческое решение*, поскольку одной из особенностей пятого типа эквивалентности является сопоставимость лексических единиц. Иными словами, если возможно обнаружить вариант перевода лексической единицы в двуязычных словарях и сопоставить значение исходной единицы со значением переводящего варианта по толковым словарям, то такой перевод не может быть определён как нестандартный или творческий и не влечёт за собой снижение уровня переводческой эквивалентности.

В этой связи в статье излагается оригинальное видение содержательного наполнения понятия творческого переводческого решения, с учётом его ядерных и периферийных отличительных признаков. Ментальная схема, иллюстрирующая **новизну** нашего подхода, демонстрируется ниже в виде категориальной триады.

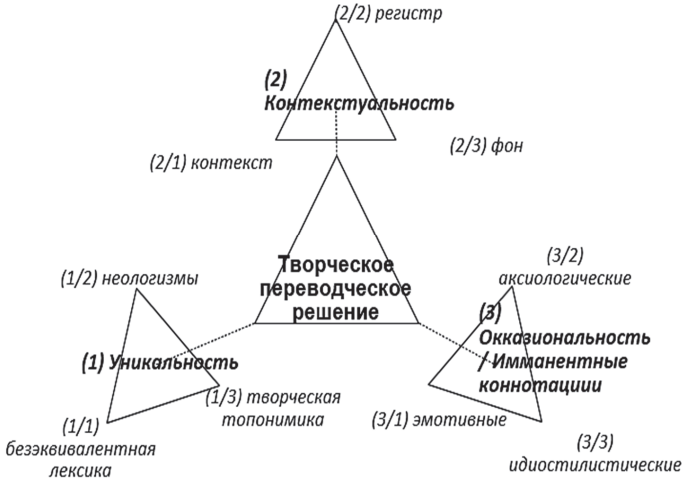

Схема 1. Дефинитивные признаки творческого переводческого решения

В ходе первичной апробации в указанной выше бакалаврской работе Дунюшкина и Петуховой среди критериев творческого переводческого решения в первую очередь были в очередной раз подтверждены три фундаментальных: 1) мотивированность — творческое переводческое решение должно быть обусловлено по крайней мере одним из трёх доминантных стимулов (стиль, контекст и фон); 2) соответствие цели коммуникации; 3) низкий уровень эквивалентности — лексический состав и синтаксическая структура

творческого переводческого решения не могут соответствовать оригиналу, т.е. относиться к пятому (дословному) уровню эквивалентности. Несоответствие переводческого решения первому критерию сигнализирует о том, что его применение необоснованно, и акт коммуникации будет успешен и без творческого подхода к его реализации. Поиск нестандартных путей при таком сценарии в лучшем случае будет отнимать дополнительное время и способствовать неэффективности процесса перевода, а в худшем — негативно скажется на соблюдении цели коммуникации. Второй критерий является универсальным для любого переводческого решения, включая творческое. Нарушение цели коммуникации исходного текста недопустимо при выполнении перевода: перевод, не удовлетворяющий этому требованию, не может быть признан адекватным оригиналу. Несмотря на то, что второй критерий косвенно включен в третий (помимо других факторов, низкий уровень эквивалентности также подразумевает соблюдение цели коммуникации), его следует выделить отдельно во избежание некорректного толкования и смешения понятий адекватности и эквивалентности перевода. Третий критерий является следствием первого: само наличие стимулов к принятию творческого решения определяет невозможность полной сопоставимости состава и структуры оригинала и перевода. В отдельных случаях решение, относящееся к четвертому или третьему типам эквивалентности, может быть определено как творческое, однако доминирующими типами эквивалентности для таких решений будут являться второй и первый (Комиссаров, 2004).

Верификация выявленных критериев творческого переводческого решения и результатов ретроспективного анализа с целью проверки полученных выводов авторами описываемого бакалаврского исследования была проведена в ходе серии интервью с экспертами в области перевода и переводоведения (Дунюшкин, Петухова, 2024).

Приводим ниже полные формулировки заданных респондентам вопросов.

1. Мозг переводчика нередко сравнивают с «чёрным ящиком», подразумевая, что отследить и описать процессы, происходящие в нём, практически невозможно. Исследователи используют два основных метода решения этой проблемы: интроспективный анализ (озвучивание мыслительного процесса во время перевода) и ретроспективный анализ (рефлексия, осмысление принятых решений по завершении перевода). Какой из них, на Ваш взгляд, лучше подхо-

дит для выявления алгоритмов принятия переводческих решений, и почему?

2. Если первый, то можем ли мы пренебречь качеством перевода (и, следовательно, качеством анализируемых переводческих решений), которое неизбежно падает при параллельном выполнении второй сложной когнитивной задачи — озвучивании своих мыслей? Можно ли считать это погрешностью? Если второй, то можем ли мы быть уверены в том, что переводчику удастся корректно воспроизвести свои мысли постфактум? Или доскональное воспроизведение своих мыслей становится не столь принципиальным, так как на этапе рефлексии у переводчика появляется возможность осмыслить свои решения, принятые подсознательно (интуитивно)?

3. Стоит ли переводчику снабжать перевод художественных текстов рефлексивным комментарием, который включает в себя объяснение принятых решений?

4. Чем может являться такой комментарий — маркером качества перевода, методом работы над постредактированием перевода или и тем, и другим?

5. Как бы Вы определили нестандартное (творческое) переводческое решение?

6. По каким критериям Вы бы предложили относить переводческие решения к творческим или нетворческим?

7. Возможно ли определить степень нестандартности переводческого решения, т.е. утверждать, что одно решение является более творческим, а другое — менее творческим?

8. Ниже приведены примеры переводческих решений, принятых нами при переводе рассказа Э. Троллопа «Лотта Шмидт». Оцените по шкале от 1 до 5, насколько, на Ваш взгляд, каждое из этих решений является нестандартным, где 1 — совершенно стандартное (нетворческое) решение, 5 — крайне нестандартное (творческое) решение. Если на предыдущий вопрос вы ответили, что оценка степени творчества неприменима к переводческим решениям, то не используйте оценки 2, 3 и 4.

a. *side hairs — жидкая солома, растущая на висках*

Контекст: *I should not mind his being bald so much, if he did not try to cover his old head with the side hairs.*

b. *to have fancies and fantasies — быть принципиальным*

Контекст: *And Herr Crippel was a man who had his fancies and his fantasies, and would not always yield to entreaty.*

c. *phalanx of dowagers — рыцари Мальтийского ордена*

Контекст: *Girls dance and men smoke, and there is eating and drinking, and everybody is as well behaved as though there was a protecting phalanx of dowagers sitting round the walls of the saloon.*

d. *How you change! — У тебя семь пятниц на неделе!*

Контекст: *How you change! It was only yesterday you scolded me because I did not wish to be the wife of your dear friend Crippel.*

e. *like a gander on one leg — как часовой*

Контекст: *He is standing there waiting for you, like a gander on one leg.*

9. Ниже приведены ещё несколько примеров переводческих решений, принятых нами при переводе того же рассказа. Предположите, какими стимулами могло быть обусловлено принятие именно таких решений:

a. *greedily — судорожно*

Контекст: *While the notes are living, while the music is still in the air, the ear comes to covet greedily every atom of tone which the instrument will produce, so that the slightest extraneous sound becomes an offence.*

Перевод: *Ноты соскальзывают с её струн россыпью жемчужин, и ухо судорожно пытается уловить каждую из них — оттого тончайшая гармония цитры может быть разрушена любым случайным шорохом.*

b. *Leopoldstadt — Леопольдштадт, северо-восточный район Вены*

Контекст: *Now Sperl's is a great establishment for dancing in the Leopoldstadt, which is always open of a Sunday evening, and which Lotta Schmidt was in the habit of attending with much regularity.*

Перевод: *Танцевальный холл «Цум Шперль» находился в Леопольдштадте, северо-восточном районе Вены, и пользовался большой популярностью у жителей города. Каждый воскресный вечер там проходили балы, и Лотта почти никогда их не пропускала.*

c. *to know a man — водить дружбу с мужчиной; surely — разве?*

Контекст: *I don't know what you mean by that. I like Herr Crippel very much, and he plays beautifully. Surely a girl may know a man old enough to be her father without having him thrown in her teeth as her lover.*

Перевод: *Не знаю, о чем ты. Мне нравится герр Криппель. К тому же он замечательно играет. Разве девушка не может водить дружбу с мужчиной, который годится ей в отцы, не заводя с ним роман?*

Перевод был выполнен дипломантами Евгением Дунюшкиным и Анной Петуховой. В интервью приняли участие пять экспертов, представителей переводческой индустрии, являющихся преподавателями перевода и учёными (4 кандидата и 1 доктор филологи-

ческих наук), в качестве шестого респондента выступила доктор химических наук: участие фокус-эксперта из другой области знаний позволило определить, варьируется ли интерпретация понятия переводческого творчества в зависимости от степени профессионального погружения в теоретические аспекты перевода.

Результаты исследования

Интервью было проведено в текстовом формате с использованием технологии Google Forms, приведенные ниже ответы являются обезличенными. Первый вопрос был нацелен на верификацию основного исследовательского метода, использованного для определения критериев творческого переводческого решения, предложенного в алгоритме. Респондентам был предложен выбор между интроспективным и ретроспективным методами анализа для выявления алгоритмов принятия творческих переводческих решений. Абсолютное большинство опрашиваемых выделяют ретроспективный анализ как наиболее подходящий для оценки качества перевода, в том числе для выявления алгоритмических паттернов, выстраивания логических связей между ИТ и ПТ, а также для осознания экстралингвистических факторов, напрямую повлиявших на результат работы.

Второй вопрос являлся смысловым продолжением первого, необходимым для верификации причины использования основного исследовательского метода. Вопрос должен был натолкнуть опрашиваемых на сомнение, связывая интроспективный анализ со сложностью совмещения двух когнитивных задач (произведение мыслительного процесса и его озвучивание), а ретроспективный — с проблемой точного воспроизведения мыслительных цепочек постфактум. Большинство респондентов не изменяют своего мнения, изложенного в предыдущем вопросе, однако один из них допускает возможность внесения корректировок в готовый перевод, так как в результате переосмысления принятого решения оно может показаться менее удачным, чем в момент его применения.

Третий и четвёртый вопросы предлагали оценить необходимость в составлении рефлексивного комментария при переводе, чтобы определить, с какой целью и в каких случаях может потребоваться его написание с точки зрения экспертов. Двое респондентов выделяют необходимость в обязательном снабжении перевода художественных текстов рефлексивным комментарием, уточняя, что он может быть полезен не только переводчику, но и реципиенту перевода, так как в нём присутствует экспликация аллюзий

(исторических, библейских, бытовых и др.). Остальные реципиенты склоняются к мнению, что рефлексивный комментарий может нести практическую ценность лишь в контексте обучения, так как формализация мыслительного процесса облегчит студентам понимание теории перевода и на конкретных примерах обоснует важность адаптации иноязычных текстов.

В пятом вопросе эксперты предложили свои варианты определений для творческого переводческого решения. Некоторые респонденты отметили неоднозначность понятия творчества, поэтому в ответах встречаются и потенциально неформализуемые понятия, такие как «атмосфера текста», «художественный талант», «передача настроения» и «золотая середина». Тем не менее, среди ответов можно выделить наиболее часто встречающийся тезис, определяющий понятие — сохранение типа текста с оправданным применением неочевидных переводческих трансформаций и с максимальной передачей языковых особенностей оригинала.

Шестой вопрос предполагал выбор наиболее значимых критериев, по которому переводческое решение будет допустимо охарактеризовать как творческое. Критерии, предлагаемые экспертами, зачастую основываются на конкретных понятиях из теории перевода (сохранение образных средств ИЯ, сохранение коммуникативной задачи ИТ, прагматическая адаптация ПТ, вовлечение большего количества слабых ассоциативных связей), однако в некоторых ответах присутствует и неопределённый элемент — «отход от конвенциональных, канонических и общепринятых переводческих решений». Тем не менее, результаты интервью совпадают с двумя из трёх выявленных критериев для определения нестандартного переводческого решения, а именно — соответствие перевода цели коммуникации и низкий уровень эквивалентности. Мотивированность не была выделена респондентами как необходимый критерий для описываемого понятия, однако при ответе на предыдущий вопрос в определении творческого переводческого решения двое респондентов выделили необходимую оправданность творческих переводческих решений, что является синонимичным понятием. Следовательно, данный критерий также возможно расценивать как подтверждённый.

В седьмом вопросе респондентам был предложен вопрос о возможности определения степени креативности принятого переводческого решения. Все эксперты ответили утвердительно, подтвердив гипотезу о том, что иерархия уровней творчества применима к оценке переводческих решений.

Восьмой вопрос состоял из пяти пунктов, в каждом из которых приводятся примеры нестандартных решений, описанных в работе, подкреплённые фрагментами из оригинального текста. Опрашиваемым было предложено определить степень творчества в примерах по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно стандартное (нетворческое) решение, а 5 — крайне нестандартное (творческое) решение, таким образом, высокая оценка степени творчества соотносится с низкими уровнями эквивалентностями (по шкале В.Н. Комиссарова) (Комиссаров, 2004). Самым нестандартным переводом среди предложенных, по мнению большинства экспертов, является перевод фразы *"How you change"* в ИТ на *"У тебя семь пятниц на неделе"* в ПТ. Менее креативным, но всё ещё ближе к таковому, респонденты оценили перевод единицы *"like a gander on one leg" в ПТ на «как часовой»* в ИТ.

Обработка материалов интервью подтвердила таким образом результаты бакалаврского исследования выраженной экспертной оценкой: поскольку первый пример относится к первому уровню эквивалентности, а второй — ко второму, и они оба оценены экспертами как творческие, можно говорить об обратной зависимости между степенью творчества и уровнем эквивалентности. В последнем вопросе интервью экспертам было предложено определить стимулы, которыми было обусловлено принятие творческих переводческих решений. В частности, им были представлены решения *"greedily" — «судорожно»* (стимул — стиль), *«Leopoldstadt — Леопольдштадт, северо-восточный район Вены»* (стимул — фон) и *«to know a man — водить дружбу с мужчиной»* (стимул — контекст). Данный вопрос был нацелен на подтверждение гипотезы о том, что в основе творческого переводческого решения должен лежать по крайней мере один стимул, и на проверку корректности определения данных стимулов при написании рефлексивного комментария (Убоженко, 2023). Все три решения были определены экспертами как мотивированные, что косвенно подтверждает положение о том, что творческое решение не может быть необоснованным. При определении стимула к первому примеру один из экспертов оценил переводческое решение как неудачное; другой эксперт определил введённую при переводе метафору как удачную, но само введение метафоры счёл недостаточно обоснованным; остальные эксперты (трое из пяти) отметили стилистические особенности оригинального фрагмента как вынуждающие прибегать к значительным лексико-синтаксическим преобразованиям при переводе (соответствует стимулу «стиль»).

При определении стимула ко второму примеру все эксперты отметили необходимость в выполнении прагматической адаптации текста для русскоязычного реципиента (соответствует стимулу «фон»). При определении стимула к третьему примеру трое из пяти респондентов определили выполненную конкретизацию как уместную в данном контексте (соответствует стимулу «контекст»); двое респондентов также отметили удачное воспроизведение модальности высказывания путём преобразования исходной фразы, содержащей приведённую единицу, в риторический вопрос *(«Surely a girl may know a man — Разве девушка не может водить дружбу с мужчиной?»).* Важно отметить, что отличие ответов эксперта из другой области знаний от ответов других респондентов было недостаточно значительным, чтобы выявить наличие зависимости между экспертизой в области переводоведения и индивидуальной интерпретацией творческого переводческого решения.

Выводы и дискуссионные аспекты

Интерпретируя полученные в качестве апробации экспериментальные данные, приходим к заключению, что ментальная карта понятия «творческое переводческое решение» (ТПР) в письменном дискурсе имеет определённые типологические характеристики (или категориальные критерии) и содержательные элементы.

К ядерным категориальным критериям относятся:

1) уникальность (несловарное ТПР);

2) контекстуальность (мотивированное ТПР);

3) полная окказиональность (коннотативно-имманентное ТПР).

В содержательном плане *уникальность*, подтверждаемая отсутствием фиксации в словаре, преимущественно иллюстрируется переводом безэквивалентной лексики, неологизмов, топонимики и иных потенциально креативных единиц перевода. Переводческие решения, обусловленные влиянием на их окончательный мотивированный выбор разных видов *контекста*, включают в себя многообразие фоновых/экстралингвистических стимулов их предпочтения: культурологические доминанты выбора; энциклопедические стимулы (переводческая эрудиция и профильные знания); лингвоспецифичные мотиваторы выбора (Ubozhenko, 2016; Убоженко, 2023). Наконец, творческие *окказионализмы* в переводе могут быть оправданы необходимостью передачи разноплановых семантических коннотаций: в том числе эмотивных, аксиологических, идиостилистических и/или иных регистровых маркеров.

Одновременно творческое переводческое решение (ТПР) обладает и периферийными свойствами: среди них можно выделить выходящую за целевые рамки данной статьи категорию ассертивности (ТПР содержит пресуппозицию ответственности переводчика или группы переводчиков за принятие решения); высокую прагматическую и сверхпрагматическую вариативность (ТПР вмещает потенциал целевого воздействия); технологическую несостоятельность (ТПР сложно выводится с помощью инструментов AI и не поддаётся качественной интерпретации при автоматизации перевода) (Гоппен, 2023; Кузнецова, 2023).

Таким образом, **творческое переводческое решение** (ТПР) можно определить как *уникальный контекстуально-мотивированный вариант перевода, окказиональность которого репрезентуется в его коннотативно-имманентных категориях, обладающих когнитивным потенциалом ментального конструирования различных комбинаторно-семиотических комплексов*: коллокационно-идиоматичного, аксиологического, эмотивного и иного рода образных сочетаний. Предложенная дефиниция не претендует на статус исчерпывающей, но предлагает комплексный взгляд на описание термина «творческое переводческое решение» и способствует его экспериментальной, дидактической и переводоведческой воспроизводимости.

Заключение

Способность не только интуитивно, но и осознанно сравнивать и выбирать — это главная творческая способность людей, и именно результат выбора человека на основе критических размышлений отличает его от машины. Понятие креативности прежде всего связано с творческим потенциалом личности, способностью создавать новое. В этой логике всестороннее изучение терминологического концепта «творческое переводческое решение» и его полноценное описание может быть полезным не только для теоретиков перевода и специалистов по переводческой дидактике, но и для специалистов высшей квалификации, в обязанности которых входит критический анализ различных дискурсов профессиональной коммуникации и оценивание качества реализуемого с их помощью межкультурного взаимодействия.

Список литературы

Бармина Е.А. Творческая адаптация каламбура при аудиовизуальном переводе (на материале ситуационной комедии “The Big Bang Theory”).

Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2023. Т. 38, № 3. С. 74–79. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-74-79. EDN PZTHRX.

Борисова Е.Б. Перевод как словесно-художественное творчество и как результат научно-филологического анализа текста: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Е.Б. Борисова; научный руководитель В.Я. Задорнова; (Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 1989. 23 с.

Велла Т.М. Переводческие константы интерпретативной теории перевода // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2013. № 2 (261). С. 204–206.

Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода, 2010. № 3. С. 4–16. EDN MWDQHJ.

Герасимова Н.И. Художественный перевод как вид творчества // Новая наука: Проблемы и перспективы, 2016. № 3–1 (67). С. 15–17. EDN VPSIJN.

Гоппен А.С., Убоженко И.В. Заменит ли нейросеть переводчика? Изучение творческих решений в машинном переводе // Didactica Translatorica, 2023. № 2. С. 23–39.

Дунюшкин Е.И. Москва, НИУ ВШЭ, 2024. Рефлексивный комментарий как когнитивная экспликация творческого переводческого решения: реалии и ономастика в художественной прозе. Выпускные квалификационные работы студентов НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Дунюшкин Е.И., Петухова А. Методология перевода «имён-прецедентов» (Текст): сборник статей по результатам IX научной межвузовской конференции молодых учёных. М.: ШИЯ НИУ ВШЭ, 2024. С. 110–119.

Елькин В.В. Транскреация как творческий перевод и результат межъязыкового и межкультурного взаимодействия // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования, 2021. № 2–1. С. 92–100. EDN OPZZCD.

Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.20; научный руководитель Л.В. Кушнина; Пермский государственный технический университет; (Место защиты: Тюменский государственный университет). Тюмень, 2009. 24 с.

Заботкина В.И. Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Том 2. М.: «КДУ», Университетская книга, 2018. С. 22–25. EDN USETMQ.

Зыкова И.В. Лингвокреативное моделирование дискурсов разной модальности // Вопросы когнитивной лингвистики, 2023. № 3. С. 16–30. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-16-30. EDN RKTBEY.

Киосе М.И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива, 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.26170/ufv20-02-03. EDN JMWKXB.

Коканова Е.С., Пак Н.С. «Рабочие» приёмы предредактирования текста английской медицинской инструкции для машинного перевода на русский и белорусский языки // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. Тезисы докладов Международной научной конференции. Минск, 2024. С. 69–70.

Колмогорова А.В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности / А.В. Колмогорова, Е.В. Чистова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2020. Т. 19. № 3. С. 59–71. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.6. EDN SZEEUY.

Колмогорова А.В., Чистова Е.В. Эвристический потенциал метода экокогнитивного моделирования в теории перевода // Didactica translatorica, 2023. № 1. С. 4–8.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2004. 424 с.

Криворучко А.И. Стилистические параметры текста как отражение стереотипного и творческого в деятельности переводчика // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2017. Т. 27. № 3. С. 479–483. EDN ZFHUHF.

Криворучко А.И. Динамика стереотипности и креативности при переводе юридически ориентированных текстов // Русистика без границ, 2018. Т. 2. № 2. С. 67–72. EDN XSCGEH.

Кузнецова Е.Д. Искусство перевода: реальна ли автоматизация творчества в XXI веке? // Вестник культуры и искусств, 2023. № 4 (76). С. 63–70.

Кушнина Л.В. Переводческий хронотоп: творчество versus стереотип // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Федеральное агентство по образованию Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный университет»; под редакцией М.Н. Котюровой. Том 11. Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2007. С. 77–88. EDN TDALVP.

Кушнина Л.В. Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2014. Вып. 18. С. 65–76.

Натитник А.В. Творческое использование языка и его границы в переводе: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2006. 208 с. EDN NNXNJD.

Петухова А. Москва, НИУ ВШЭ, 2024. Рефлексивный комментарий как когнитивная экспликация творческого переводческого решения: реалии и ономастика в художественной прозе. Выпускные квалификационные работы студентов НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 256 с. ISBN 978-5-288-05916-2. EDN OHLYHF.

Рафикова А.С. Роль креативности в переводческой деятельности // Тенденции развития науки и образования, 2020. № 66-4. С. 180–182. DOI: 10.18411/lj-10-2020-190. EDN SIWJKT.

Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. С. 156–183.

Убоженко И.В. Интуиция в научном творчестве (к вопросу об истоках переводческого интуитивизма) // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2006. № 505. С. 122–136. EDN BVOEZP.

Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник СПбГУ. Сер. 9, 2016. Вып. IV. С. 122–142.

Убоженко И.В. Творчество как интеллектуальный ресурс новаторского мышления (на примере переводческой деятельности в дидактическом аспекте). Человеческий капитал, 2023. № 2 (170). С. 174–181. DOI: 10.25629/HC.2023.02.21. EDN WJORZM.

Убоженко И.В. К вопросу о множественности терминологических соответствий: переводческое решение в креативной парадигме когнитивного переводоведения. Когнитивные исследования языка, 2024. № 4 (60). С. 425–431. EDN KGRIPC.

Харченко В.К., Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. М.: Ленанд, 2019. 312 с. Филологos, 2019. № 2 (41). С. 98–100. EDN EMVVHB.

Чистова Е.В. Переводческий дизайн как профессиональная когнитивно-коммуникативная деятельность, метод исследования и дидактическая практика (на материале аудиовизуальных произведений). Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2024. № 2 (58). С. 106–122. DOI: 10.31249/chel/2024.02.06. EDN ERWXMW.

Ubozhenko I.V. (2016) On Creative Occasionalisms in Teaching Translation. Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов 11-й Международной научно-методической интернет-конференции, Москва, 04–08 апреля 2016 года, под редакцией Н.Н. Гавриленко. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), pp. 279–287. EDN XUZGFN.

Ubozhenko I.V. (2020) Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Vol. 13, No. 3, pp. 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566. EDN IYNRTG.

References

Barmina E.A. (2023) Tvorcheskaya adaptaciya kalambura pri audiovizual'nom perevode (na materiale situacionnoj komedii "The Big Bang Theory") = Creative adaptation of pun in audiovisual translation (based on the sitcom "The Big Bang Theory"). Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. Vol. 38. No. 3, pp. 74–79. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-74-79. EDN PZTHRX (In Russian).

Borisova E.B. (1989) Perevod kak slovesno-hudozhestvennoe tvorchestvo i kak rezul'tat nauchno-filologicheskogo analiza teksta = Translation as a literary and artistic creation and as a result of scientific and philological analysis of a text. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk: 10.02.04, nauchnyj rukovoditel' V.Ya. Zadornova; (Mesto zashchity: MGU imeni M.V. Lomonosova). Moscow, 23 p. (In Russian).

Chistova E.V. (2024) Perevodcheskij dizajn kak professional'naya kognitivno-kommunikativnaya deyatel'nost', metod issledovaniya i didakticheskaya praktika (na materiale audiovizual'nyh proizvedenij) = Translation design as a professional cognitive and communicative activity, a research method, and a didactic practice (based on audiovisual works). *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*. No. 2 (58), pp. 106–122. DOI: 10.31249/chel/2024.02.06. EDN ERWXMW (In Russian).

Dunyushkin E.I. (2024) Moscow, NIU VSHE. Refleksivnyj kommentarij kak kognitivnaya eksplikaciya tvorcheskogo perevodcheskogo resheniya: realii i onomastika v hudozhestvennoj proze = Reflective commentary as a cognitive explication of a creative translation solution: realities and onomastics in fiction. Vypusknye kvalifikacionnye raboty studentov NIU VSHE. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).

Dunyushkin E.I., Petuhova A. (2024) Metodologiya perevoda "imen-precedentov" (Tekst) = Methodology for translating "case names". Sbornik statej po rezul'tatam IX nauchnoj mezhvuzovskoj konferencii molodyh uchenyh. Moscow: SHIYA NIU VSHE, pp. 110–119 (In Russian).

El'kin V.V. (2021) Transkreaciya kak tvorcheskij perevod i rezul'tat mezh"yazykovogo i mezhkul'turnogo vzaimodejstviya = Transcreation as a creative translation and the result of interlingual and intercultural interaction. *Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya.* No. 2–1, pp. 92–100. EDN OPZZCD (In Russian).

Enbaeva L.V. (2009) Perevodcheskoe reshenie rechevoj mnogoznachnosti (na materiale literatury nonsensa) = Translation solution of speech polysemy (based on nonsense literature). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk: 10.02.20; nauchnyj rukovoditel'

L.V. Kushnina; Permskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet; (Mesto zashchity: Tyumenskij gosudarstvennyj universitet). Tyumen'. 24 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2010) Perevod kak hudozhestvennoe tvorchestvo = Translation as an artistic creation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22: Teorija perevoda*. No. 3, pp. 4–16. EDN MWDQHJ.

Gerasimova N.I. (2016) Hudozhestvennyj perevod kak vid tvorchestva = Literary translation as a type of creativity. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*. No. 3–1 (67), pp. 15–17. EDN VPSIJN. (In Russian).

Goppen A.S., Ubozhenko I.V. (2023) Zamenit li nejroset' perevodchika? Izuchenie tvorcheskih reshenij v mashinnom perevode = Will AI replace human translators? Examining creative solutions in machine translation. *Didactica Translatorica*. No. 2, pp. 23–39 (In Russian).

Harchenko V.K., Nagornaya A.V. (2019) Grani i granicy lingvokreativnosti: yazykovye eksperimenty Stivena Kinga = The facets and frontiers of linguistic creativity: Stephen King's language experiments. Moscow — Leningrad, 312 p. *Filologos*. No. 2 (41), pp. 98–100. EDN EMVVHB. (In Russian).

Kiose M.I. (2020) Kognitivno-semioticheskie osnovaniya lingvokreativnosti diskursa: metodika analiza = Cognitive and semiotic foundations of linguistic creativity in discourse: methodology for analysis. Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. No. 2, pp. 37–47. DOI: 10.26170/ufv20-02-03. EDN JMWKXB. (In Russian).

Kokanova E.S., Pak N.S. (2024) "Rabochie" priemy predredaktirovaniya teksta anglijskoj medicinskoj instrukcii dlya mashinnogo perevoda na russkij i belorusskij yazyki = "Working" techniques for pre-editing the text of an English medical instruction for machine translation into Russian and Belarusian. Anglistika v tret'em tysyacheletii: novye podhody i puti razvitiya. tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Minsk, pp. 69–70 (In Russian).

Kolmogorova A.V. (2020) Kognitivnyj mekhanizm porozhdeniya kreativnyh reshenij v perevodcheskoj deyatel'nosti = The cognitive mechanism of generating creative solutions in translation activities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie.* Vol. 19, No. 3, pp. 59–71. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.6. EDN SZEEUY. (In Russian).

Kolmogorova A.V., Chistova E.V. (2023) Evristicheskij potencial metoda ekokognitivnogo modelirovaniya v teorii perevoda = The heuristic potential of the ecocognitive modeling method in translation theory. Didactica translatorica. No. 1, pp. 4–8 (In Russian).

Komissarov V.N. (2004) Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie = Modern translation studies. Textbook for students. Moscow: ETS, 424 p. (In Russian).

Krivoruchko A.I. (2017) Stilisticheskie parametry teksta kak otrazhenie stereotipnogo i tvorcheskogo v deyatel'nosti perevodchika = Stylistic parameters of the text as a reflection of the stereotypical and creative in the translator's activity. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya.* Vol. 27. No. 3, pp. 479–483. EDN ZFHUHF. (In Russian).

Krivoruchko A.I. (2018) Dinamika stereotipnosti i kreativnosti pri perevode yuridicheski orientirovannyh tekstov = Dynamics of stereotyping and creativity in the translation of legal texts. *Rusistika bez granic*. Vol. 2. No. 2, pp. 67–72. EDN XSCGEH. (In Russian).

Kuznecova E.D. (2023) Iskusstvo perevoda: real'na li avtomatizaciya tvorchestva v XXI veke? = The art of translation: is creative automation possible in the 21st century? *Vestnik kul'tury i iskusstv*. No. 4 (76), pp. 63–70 (In Russian).

Kushnina L.V. (2007) Perevodcheskij hronotop: tvorchestvo versus stereotip = Translation chronotope: creativity versus stereotype. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu Gosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Permskij gosudarstvennyj universitet»; Pod redakciej M.N. Kotyurovoj. Vol. 11. Perm': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet", pp. 77–88. EDN TDALVP. (In Russian).

Kushnina L.V. (2014) Principy garmonichnogo perevoda: metaperevodcheskij aspekt = Principles of harmonious translation: the meta-translation aspect. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. Perm'. Ussie 18, pp. 65–76 (In Russian).

Natitnik A.V. (2006) Tvorcheskoe ispol'zovanie yazyka i ego granicy v perevode = Creative use of language and its boundaries in translation. Special'nost' 10.02.20 "Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk. Moscow. 208 p. EDN NNXNJD. (In Russian).

Petuhova A. (2014) Moscow, NIU VSHE. Refleksivnyj kommentarij kak kognitivnaya eksplikaciya tvorcheskogo perevodcheskogo resheniya: realii i onomastika v hudozhestvennoj proze = Reflective commentary as a cognitive explication of a creative translation solution: realities and onomastics in fiction. Vypusknye kvalifikacionnye raboty studentov NIU VSHE — Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).

Pim E. (2018) Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet = Theoretical Paradigms in Translation Studies. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 256 p. ISBN 978-5-288-05916-2. EDN OHLYHF. (In Russian).

Rafikova A.S. (2020) Rol' kreativnosti v perevodcheskoj deyatel'nosti = The role of creativity in translation. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. No. 66–4, pp. 180–182. DOI: 10.18411/lj-10-2020-190. EDN SIWJKT. (In Russian).

Recker Ya.I. (1950) O zakonomernyh sootvetstviyah pri perevode na rodnoj yazyk = About regular correspondences when translating into your native language. Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda: sbornik statej.

Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskih nauk RSFSR, pp. 156–183 (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2006) Intuiciya v nauchnom tvorchestve (k voprosu ob istokah perevodcheskogo intuitivizma) = Intuition in scientific creativity (on the origins of translation intuitionism). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 505, P. 122–136. EDN BVOEZP. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2016) O kognitivnom modelirovanii intuicii i tvorchestva v perevode: interpretativno-semioticheskij podhod = On cognitive modeling of intuition and creativity in translation: interpretive and semiotic approaches. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Issue IV,* pp. 122–142 (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2023) Tvorchestvo kak intellektual'nyj resurs novatorskogo myshleniya (na primere perevodcheskoj deyatel'nosti v didakticheskom aspekte) = Creativity as an intellectual resource of innovative thinking (the translation case, in terms of didactics). *Chelovecheskij kapital.* No. 2 (170), pp. 174–181. DOI: 10.25629/HC.2023.02.21. EDN WJORZM. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2024) K voprosu o mnozhestvennosti terminologicheskih sootvetstvij: perevodcheskoe reshenie v kreativnoj paradigme kognitivnogo perevodovedeniya = On the multiplicity of terminology: translation solution in the creative paradigm of cognitive translation studies. *Cognitive issledovaniya yazyka*. No. 4 (60), pp. 425–431. EDN KGRIPC. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2016) On Creative Occasionalisms in Teaching Translation. Professional'no orientirovannyj perevod: real'nost' i perspektivy: Sbornik nauchnyh trudov 11-j Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj internet-konferencii, Moscow, 04–08 April 2016 goda. Pod redakciej N.N. Gavrilenko. Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), pp. 279–287. EDN XUZGFN. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2020) Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* Vol. 13, No. 3, pp. 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566. EDN IYNRTG.

Vella T.M. (2013) Perevodcheskie konstanty interpretativnoj teorii perevoda = Translation constants of the interpretive theory of translation. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (261), pp. 204–206 (In Russian).

Zabotkina V.I. (2018) Kreativnost' v leksikone: vzaimodejstvie kognicii i kommunikacii. Yazyk. Kul'tura. Perevod = Creativity in the lexicon: the interaction of cognition and communication. Kommunikaciya: sbornik nauchnyh trudov. Vol. 2. Moscow: "KDU", Universitetskaya kniga, pp. 22–25. EDN USETMQ. (In Russian).

Zykova I.V. (2023) Lingvokreativnoe modelirovanie diskursov raznoj modal'nosti = Linguocreative modeling of discourses of different modalities. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. No. 3, pp. 16–30. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-16-30. EDN RKTBEY. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Убоженко Ирина Вячеславовна — доцент, кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия. 101000 Москва, Мясницкая, 20; доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО (университет) МИД РФ, 119454 Москва, пр. Вернадского, 76; iubojenko@hse.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Irina V. Ubozhenko — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Associate professor of School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya, 20, Moscow, Russia, 101000; Associate professor of English Department 6 of School for Governance and Politics, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations), Vernadskogo Prospect, 76, Moscow, Russia, 119454; iubojenko@hse.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community. The author states that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-131-147

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В КИТАЕ: ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ К ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Цзи Чуньпин,
Анна Михайловна Фомина

Институт иностранных языков Фуданя, г. Шанхай, Китай

Для контактов: fominaanna@rambler.ru; jichunping@fudan.edu.cn

Аннотация. В начале 1980-х годов китайский учёный Цянь Сюэсэнь инициировал создание науки о мышлении, что положило начало исследованиям переводческого мышления в Китае. За прошедшие сорок лет эти исследования прошли четыре ключевых этапа, включая период генезиса в 1980-х годах, период развития в 1990-х годах, период кульминации в начале XXI века и период углубления — с 2010 года по настоящее время. Эти исследования сфокусировались на процессе перевода и привели к важным открытиям: от сосредоточения внимания на понимании и выражении до сосредоточения внимания на преобразовании между ними, от дедуктивных исследований применения мышления до индуктивных, от однобоких исследований преобразования мышления до диалектических. По своей сути, в этом процессе исследования переводческого мышления в Китае завершили переход от междисциплинарности к трансдисциплинарности.

Ключевые слова: переводческое мышление, наука о мышлении, междисциплинарность, трансдисциплинарность

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта проекта Национального фонда общественных наук «Исследование истории развития китайских теорий перевода».

© Цзи Чуньпин, Фомина А.М., 2025

Для цитирования: *Цзи Чуньпин, Фомина А.М.* Переводческое мышление в Китае: от междисциплинарности к трансдисциплинарности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 131–147. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-131-147

Статья поступила в редакцию 24.11.2024;
одобрена после рецензирования 29.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

TRANSLATION THINKING IN CHINA: FROM INTERDISCIPLINARITY TO TRANSDISCIPLINARITY

Ji Chunping,
Anna M. Fomina

Institute of Foreign Languages, Fudan, Shanghai, China

For contacts: fominaanna@rambler.ru; jichunping@fudan.edu.cn

Abstract. In the early 1980s, Chinese scientist Qian Xuesen initiated the creation of the science of thinking, which marked the beginning of research on translation thinking in China. Over the past forty years, these studies have gone through four key stages, including the period of genesis in the 1980s, the period of development in the 1990s, the period of culmination at the beginning of the 21st century and the period of deepening: from 2010 to the present day. These studies have focused on the translation process and led to important breakthroughs, from focusing on understanding and expression to focusing on the transformation between them, from deductive research on the application of thinking to inductive research on the application of thinking, from one-sided research on the transformation of thinking to dialectical research on the transformation of thinking. In fact, in this process, research on translation thinking in China has completed the transition from interdisciplinarity to transdisciplinarity.

Keywords: translation thinking, the science of thinking, interdisciplinarity, transdisciplinarity

Acknowledgement: The article was prepared with the support of a grant from a project of the National Foundation for Social Sciences "Research on the history of the development of Chinese translation theories".

© Ji Chunping, Fomina A.M., 2025

For citation: *Ji Chunping, Fomina A.M.* (2025) Translation thinking in China: from interdisciplinarity to transdisciplinarity. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 131–147. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-131-147

The article was received on November 24, 2025;
approved after reviewing received on June 29, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

Введение

Сложность переводческой деятельности и недостаточное теоретическое обеспечение в переводоведении делают междисциплинарный подход актуальным выбором для переводческих исследований. В начале 1980-х годов в Китае было разработано учение о мышлении, что открыло новые перспективы для переводческих исследований. За 40 лет эти исследования завершили переход от междисциплинарности к трансдисциплинарности, однако систематического обзора наработок по этой теме до сих пор практически не проводилось.

1. Междисциплинарные исследования переводческого мышления в Китае

В начале 1980-х годов китайский учёный Цянь Сюэсэнь предложил своё видение учения о мышлении, основным структурным компонентом которого, по его мнению, является фундаментальная составляющая. Предмет исследования фундаментальной составляющей — сознательное (аналитическое и синтетическое) мышление человека и бессознательное (интуитивное) мышление. Наиболее детально разработанным является, безусловно, сознательное мышление (Цянь Сюэсэнь, 1986: 15–16). На этом фоне интуитивное мышление, с некоторыми оговорками названное Цянем Сюэсэнем «вдохновенным мышлением», начало привлекать внимание, появились новые теоретические результаты, такие как «теория аналогий», созданная Чжаном Гуанцзяном (Чжан Гуанцзян и др., 2000) и «теория возникновения вдохновения», предложенная Лю Куйлинем (Лю Куйлинь, 1986). Создание Цянем Сюэсэнем учения о мышлении и его теоретические достижения предоставили новую возможность для междисциплинарных исследований перевода. Учёные пытались использовать теорию учения о мышлении для

объяснения и решения проблем перевода, что привело к зарождению исследований переводческого мышления в Китае в 1980-х годах и их дальнейшему развитию в 1990-х годах.

1.1. Период генезиса

Процесс перевода является ключевым и сложным аспектом переводческих исследований. На первый взгляд, это языковая деятельность, но, в сущности, процесс мышления. С самого начала исследования переводческого мышления в Китае были сосредоточены на междисциплинарном подходе, где основной фокус — теоретическое понимание перевода. Затрагиваются такие вопросы, как понимание и выражение, применение мышления и его преобразование. Анализ перевода строится на отдельных аспектах, каждый из которых исследуется отдельно. Разные дисциплины (лингвистика, культурология, психология, социология) взаимодействуют, обмениваются знаниями, но сохраняют свои методы и рамки. Перевод рассматривается как объект, на который каждая дисциплина смотрит со своей точки зрения.

Лю Мицин отмечает, что переводческое мышление относится к абстрактному мышлению. Переводчик, используя поверхностную языковую информационную систему исходного языка, проникает в систему глубинных понятий, а затем переносит эту систему в поверхностную языковую информационную систему переводящего языка, что называется «пониманием и выражением». Этап понимания, в отличие от обычного процесса абстрактного мышления, можно назвать «обратным движением», а анализ и синтез в этом «обратном движении» являются важнейшим механизмом процесса переводческого мышления (Лю Мицин, 1985: 9–11). В отличие от Лю Мицина, Цзан Чжунлунь уделяет внимание и образному мышлению. Он считает, что процесс перевода — это процесс «восстановления» и «воссоздания». «Восстановление» — это преобразование исходного текста в информацию, «с точки зрения абстрактной структуры языка, это восстановление внешней речи до внутренней, восстановление поверхностной структуры речи до глубинных пропозиций; с точки зрения изображающей структуры языка — это восстановление внешней речи до образов через ассоциации и воображение». «Воссоздание» — это преобразование информации в перевод (Цзан Чжунлунь, 1988: 44). Дун Шилян, опираясь на «теорию аналогий», исследует механизм мышления понимания и выражения: перевод — это процесс комплексной обработки информации, передаваемой языковыми знаками, «в котором в мозге

происходит заимствование и трансплантация через аналогии». Исходный текст активирует в мозге переводчика «сходные блоки», т.е. единицы знаний, хранящиеся в мозге, и переводчик посредством сопоставления, анализа, сравнения и синтеза понимает исходный текст и создаёт перевод (Дун Шилян, 1988: 3–5).

Чэнь Дяньсин изучает применение мышления в процессе перевода. Он предлагает следующую концепцию: в переводе научных произведений преимущественно используется абстрактное мышление, изредка задействуется образное мышление; в переводе художественных произведений основное внимание уделяется образному мышлению, но абстрактное мышление также необходимо; в переводе любых произведений важно применение «вдохновенного мышления». Как «вдохновенное», так и образное мышление должны быть подвергнуты проверке и обоснованию с помощью абстрактного мышления (Чэнь Дяньсин, 1987: 37–42).

Сунь Вэйэр излагает причины различий в способах мышления англоговорящих и китайцев, их влияние на язык и необходимость преобразования мышления в процессе перевода. Он утверждает, что использование линейного языка для описания четырёхмерной реальности неизбежно затрагивает вопросы выбора точки зрения и порядка описания, которые могут различаться у англоговорящих и китайцев. Эти различия приводят к различиям в способах мышления, которые, в свою очередь, отражаются в грамматической структуре и стиле письма, способствуя их укреплению и закреплению. Различия в точке зрения отражения реальности англоговорящих и китайцев проявляются в языке как различия между пассивностью и активностью, вещностью и личностью, статичностью и динамичностью; а различия в порядке отражения реальности англоговорящих и китайцев проявляются в языке как различия в порядке определения и обстоятельства, различия между древовидной структурой и спиральной структурой в синтаксической структуре и различия между гипотаксисом и паратаксисом в стиле письма. Только поняв различия в способах мышления англоговорящих и китайцев сквозь языковые явления, переводчик может всесторонне охватить текст, перестроить его и избежать «переводческой кальки» (Сунь Вэйэр, 1987: 77–81). На данном этапе исследователи объединяли знания, методы и теории из нескольких дисциплин с целью решения общей задачи, при этом каждая дисциплина сохраняла свою идентичность и методы. Взаимодействие происходило на уровне обмена информацией и совместного использования инструментов исследования.

1.2. Период развития

В 1990-х годах исследования переводческого мышления в Китае продолжали развиваться в следующих направлениях: во-первых, всё большее внимание уделялось комплексному механизму мышления и исследованию взаимосвязей различных типов мышления в процессе перевода; во-вторых, исследования понимания и выражения стали дифференцироваться, что способствовало углублению изучения; в-третьих, исследования применения мышления в переводе постепенно перешли к изучению механизма и особенностей переводческого мышления.

Лю Цзупэй выдвигает концепцию комплексного мышления в переводе, суть которой заключается в том, что переводчик, опираясь на языковые, контекстуальные и фоновые знания, с помощью набора научных методов проводит многогранный и многоплановый анализ исходного текста. Характерными чертами этого мышления являются пространственность, материальность и диалектичность (Лю Цзупэй, 1991: 26–29). С появлением в китайской науке этой концепции наблюдается переход от фрагментарного анализа к целостному пониманию, что свидетельствует о появлении трансдисциплинарного подхода в теории перевода.

Исследование Лю Цзупэя сосредоточено на понимании, а исследование Яня Дэшэна сконцентрировано на выражении. С конца 1980-х годов Янь Дэшэн начал публиковать серию статей и монографий, пытаясь создать новую систему логических исследований перевода, преодолев формалистский подход, доминировавший в исследованиях перевода с 1950-х годов. В 1999 году он опубликовал статью, в которой предложил концепцию логического переводоведения. Основываясь на ленинской идее о том, что «любая наука — это применение логики» (Ленин, 1993: 216), Янь Дэшэн утверждает, что «перевод как наука — это применение логики». Он стремится с логической точки зрения рассмотреть теоретические основы перевода и с точки зрения грамматики и стилистики изучить методы и приёмы перевода (Янь Дэшэн, 1999: 42–43). Исследование Яня Дэшэна сформировало самостоятельную систему, способствовавшую развитию исследований выражения.

Ли Юньсин специально исследует образное мышление переводчика, указывая на его механизм и особенности. По его мнению, структура образов оригинального текста вызывает у переводчика в голове схожие образы, которые переводчик анализирует, редактирует, пополняет или синтезирует в соответствии с данной

структурой. В результате формируются образы, идентичные или практически идентичные образам оригинала. Образное мышление переводчика опирается не на объективные предметы, а на языковые знаки оригинального текста, и оно не пронизывает весь процесс перевода, а лишь является промежуточным этапом. Оно инициируется абстрактным мышлением и через абстрактное мышление превращается в текст (Ли Юньсин, 1992: 46). Перевод начинает рассматриваться как комплексный, динамический процесс, в котором все аспекты взаимосвязаны и влияют друг на друга. Исследования направлены на понимание процесса в целом, а не на раздельный анализ.

2. Трансдисциплинарные исследования переводческого мышления в Китае

При создании учения о мышлении Цянь Сюэсэнь провозглашает: «Наука о мышлении изучает только законы и методы мышления, не затрагивая его содержания, поскольку содержание относится к другим областям науки и техники (Цянь Сюэсэнь, 1986: 16). Начиная с конца 1980-х годов, внимание Цянь Сюэсэня сместилось от фундаментальной составляющей учения о мышлении в сторону технологической (Лю Сяоли, 2020: 193), после чего в фундаментальной части не было значительных достижений, и почти не появлялись новые теории, которые могли бы быть использованы в исследованиях переводческого мышления. Таким образом, с начала XXI века исследования переводческого мышления в Китае интегрировали многодисциплинарные перспективы для изучения особенностей переводческого мышления и превратили междисциплинарные исследования в трансдисциплинарные, которые получили глубокое развитие после 2010 года.

2.1. Бум исследований переводческого мышления

В начале XXI века исследования переводческого мышления в Китае продолжали развивать традиционные темы, однако благодаря возвращению к переводоведческой автономии и использованию трансдисциплинарных инструментов появились определённые результаты. Были выдвинуты идеи о природе двуязычного мышления и взаимонаправленности анализа и синтеза в процессе преобразования, обновлены взгляды на процессы понимания и выражения; исследованы теоретические основы и механизм применения мышления; подчёркнуты диалектичность различий в мышлении и его преобразовании. Кроме того, на основе достижений предыдущих

двадцати лет некоторые учёные полагали, что время для создания науки о переводческом мышлении уже назрело, и предпринимались попытки построения теоретической модели, объединяющей лингвистику и психологию, создавая новые методы исследования перевода как когнитивного процесса.

Фу Цзиньмин считает, что понимание представляет собой мыслительный процесс на исходном языке, основанный преимущественно на анализе с элементами синтеза, выражение — мыслительный процесс на языке перевода, где преобладает синтез с элементами анализа, а преобразование между ними — сложный процесс обмена способами мышления между двумя языками, сочетающий анализ и синтез (Фу Цзиньмин, 2000: 8). Юань Чжигуан предлагает концепцию «двухрельсового мышления» в процессе перевода, утверждая, что понимание и выражение происходят практически синхронно: «мышление переводчика подобно двум колёсам поезда, которые постоянно движутся по двум рельсам языков и культур», «процесс декодирования и кодирования осуществляется по спиральному принципу» (Юань Чжигуан, 2000: 34). Ван Цзюнь, основываясь на теории макроструктуры дискурса van Dijk (ван Дейк, 1983) и концепции логосемы Rádo (1979), предлагает модель мышления деконструкции и реконструкции текста в процессе перевода. Он утверждает, что в ходе перевода в сознании переводчика постепенно формируется макроструктура оригинала, при этом выявляются как языковые и внеязыковые характеристики оригинала, так и требования к переводу, называемые логосемами. Затем, под руководством макроструктуры, переводчик, используя логосемы в качестве единиц мышления, преобразует исходный текст в перевод (Ван Цзюнь, 2001: 57).

Мао Жуньгуй и Фан Уцю исследуют механизм «вдохновенного мышления» и его применение в переводе с точки зрения гештальтпсихологии: «вдохновенное мышление представляет собой способ мышления, который превосходит интуитивное, логическое и образное мышление, и присутствует на протяжении всего процесса мышления в человеческом мозге, играя определяющую роль в развитии и углублении мышления». В процессе перевода «вдохновенное мышление» основывается на энциклопедических знаниях, глубоком знании китайского языка и образном мышлении (Мао Жуньгуй, Фан Уцю, 2004: 38, 34).

Фу Цзиньмин утверждает, что различия между китайским и западным мышлениями заключаются в том, что западное мышление характеризуется логикой, анализом и линейностью, подчёркивает

гипотаксис и рациональность, ориентируется на индивидуальность, тогда как китайское мышление акцентирует внимание на паратаксисе и догадке, часто подчёркивая интуитивную целостность и гармоничную диалектичность. Чжан Лэй и др. считают, что перевод не обязательно требует изменения способов мышления: переводческая калька может отражать языковые формы и мыслительные модели других народов и в определённой степени обогащать способы выражения родного языка и расширять способы мышления (Чжан Лэй и др., 2004: 90).

В 2001 году Чжан Гуанмин выпустил монографию «Введение в мышление англо-китайского перевода», в которой предложил концепцию науки о переводческом мышлении. Он систематизирует существующие исследования применения и преобразования мышления, определяет переводческое мышление как «применение основных принципов и методов науки о мышлении для многогранного и многопланового объяснения и решения различных проблем, возникающих в процессе межъязыкового преобразования, чтобы перевод максимально приближался к оригиналу по содержанию, стилю и эффекту». Он также отмечает, что переводческое мышление включает в себя два вида мышления — мышление на исходном языке и мышление на языке перевода (Чжан Гуанмин, 2001: 27, 29–30). В 2005 году Гун Гуанмин выпустил монографию «Наука о переводческом мышлении», в которой предложил подход к изучению перевода и построению теоретической системы переводоведения через призму мышления и субъекта перевода, объединяя исследование мышления и языка, процесса и текста. Его работа пытается «построить теоретическую систему науки о переводческом мышлении, используя учение о мышлении как меридиан, теорию перевода как параллель, и стилистку как основу» (Гун Гуанмин, 2005: 483–484). Таким образом, теория перевода становится самостоятельной областью с собственными концепциями, объединяющими разные аспекты (язык, культуру, технологии...) в единую систему в рамках трансдисциплинарного подхода.

2.2. Современное состояние (период углубления с 2010 года по настоящее время)

После 2010 года интерес к изучению переводческого мышления в Китае несколько снизился, однако началось глубокое развитие данной области. Ранее учёные сосредоточили свои усилия на вопросах понимания, преобразования и выражения, а с 2010 года многие исследователи единодушно обратили внимание на пре-

образование, назвав его характеристикой и сутью переводческого мышления. Кроме того, в последние годы исследования применения мышления углубились, постепенно переходя от дедуктивного подхода к индуктивному. Многие учёные начали предпринимать попытки построить систему переводческого мышления, что позволило продемонстрировать комплексность, системность и высший порядок этого мышления.

Мяо Цзюй и Чжу Линь исследуют уникальность переводческого мышления с когнитивной точки зрения: с точки зрения процесса перевода, самой важной характеристикой переводческого мышления является двуязычное интерактивное мышление; с точки зрения типов мышления, «уникальность переводческого мышления заключается в том, что оно является мышлением преобразования, и различные формы мышления всегда вращаются вокруг центральной проблемы преобразования» (Мяо Цзюй, Чжу Линь, 2010: 100). Хуан Чжунлянь, основываясь на своей теории разделения перевода на полный перевод и вариационный перевод, разъясняет основные характеристики и сущность переводческого мышления: «переводческое мышление основывается на одноязычном мышлении, но отличается от него. Основная его характеристика — это двуязычное мышление, которое представляет собой трансформационное или адаптивное мышление. Оно включает как мыслительный процесс понимания на исходном языке, так и мыслительный процесс выражения на языке перевода, при этом его яркой особенностью является взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимное преобразование и изменение между мышлением на исходном языке и мышлением на языке перевода. В конечном счёте, это мышление перемен» (Хуан Чжунлянь, 2013: 199). Юй Дун, ссылаясь на точку зрения Ю. Найды, согласно которой «в реальном переводе мышление переводчика постоянно возвращается между процессом анализа и процессом построения перевода, мгновенно переключаясь на разные этапы, чтобы добиться преобразования» (Ю. Найда, 1969:104), стремясь к соответствию, а соответствие — это отображение. Конкретно, «переводческое мышление — это способность переводчика к мышлению и его ментальная установка». Его особенностями являются профессионализм, аналогичность и метафоричность. «Переводчик воспринимает двуязычный текст, используя билингвальные и энциклопедические знания, а также абстрактное мышление и другие мыслительные стратегии для выполнения семантической и стилистической трансформации двуязычных текстов» (Юй Дун, 2013: 78–79; 82).

Ту Гоюань и Юань Юань обобщают различные виды мышления, которые переводчик использует в процессе художественного перевода, под общим понятием «художественное мышление». Они отмечают, что оно предполагает системное мышление, в основе которого лежит абстрактное мышление, где доминируют образное и эмоциональное мышление, вспомогательную роль играет творческое мышление, а средством является нечёткое мышление (Ту Гоюань, Юань Юань, 2015: 89, 92). Хэ Ин указывает, что «неструктурированность переводческих проблем» и «осознанность их решения» делают мышление высшего порядка ключевым элементом механизма решения переводческих задач. Мышление высшего порядка включает в себя стратегическое мышление, творческое мышление и критическое мышление, которые взаимодействуют друг с другом и образуют механизм переводческой деятельности, управляемый мышлением высшего порядка (Хэ Ин, 2016: 88, 90). Чжан Фалянь и Ху Сяофань пытаются создать систему мышления для перевода законодательных текстов, отметив, что она включает интеграцию методов правового мышления. Эта система мышления состоит из трёх элементов: «понимание исходного юридического текста — преобразование системы юридических понятий — выражение на юридическом языке перевода» (Чжан Фалянь, Ху Сяофань, 2023: 22). На современном этапе китайскими учёными в рамках трансдисциплинарного подхода разрабатываются проекты по интеграции переводческой практики и теории с использованием искусственного интеллекта.

Заключение

За последние сорок лет исследования переводческого мышления в Китае достигли результатов, которые позволили приблизиться к сущности переводческого мышления и создать базу онтологических переводческих исследований. Однако консенсус по поводу структуры дисциплины не достигнут до сих пор. Даже само понятие «переводческое мышление» остаётся предметом различных интерпретаций, которые дополняют и обогащают друг друга, развиваясь параллельно. Сведения, накопленные междисциплинарными исследованиями, по мнению современных китайских учёных, должны быть интегрированы через разработку новых теоретических моделей перевода, основанных на взаимодействии человеческого мышления и искусственного интеллекта, где знания из лингвистики, компьютерных наук и теории перевода объединяются в единую систему.

Таким образом, исследования переводческого мышления в Китае развивались от междисциплинарности к трансдисциплинарности для продвижения теоретических и практических инноваций и создания современной системы дисциплинарного дискурса.

Список литературы

Ван Цзюнь. О модели мышления деконструкции и реконструкции текста в переводе // Иностранные языки. Вестник Шанхайского университета иностранных языков, 2001. № 6. С. 57–64.

Гун Гуанмин. Наука о переводческом мышлении [М]. Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2005.

Дун Шилян. Проблемы мышления в переводе // Журнал переводчиков Китая, 1988. № 3. С. 2–6.

Ленин В.И. Философские тетради [М]. Пекин: Издательство Народное, 1993.

Ли Юньсин. Об образном мышлении переводчика // Вестник Тяньцзиньского педагогического университета (социальные науки), 1992. № 3. С. 45–48.

Лю Куйлинь. Теория возникновения вдохновения [А]. Цянь Сюансэнь. О науке о мышлении [С]. Шанхай: Издательство Шанхайское народное, 1986. С. 342–374.

Лю Мицин. О переводческом мышлении // Иностранные языки (Вестник Шанхайского университета иностранных языков). 1985. № 2. С. 9–14.

Лю Сяоли. Обзор и развитие научных идей Цянь Сюансэня о мышлении // Лю Сяоли и др. Интервью об исследованиях идей Цянь Сюансэне и теории аналогий [М]. Пекин: Издательство Народное, 2020. С. 181–202.

Лю Цзупэй. О комплексном мышлении в переводе // Шанхайский журнал переводчиков науки и технологий, 1991. № 2. С. 26–31.

Мао Жуньгуй, Фань Уцю. Выражение вдохновенного мышления в переводческой деятельности // Иностранные языки и обучение иностранным языкам, 2004. № 2. С. 34–38.

Мяо Цзю, Чжу Линь. Исследование переводческого мышления и преподавания перевода с когнитивной точки зрения // Обучение иностранным языкам, 2010. № 1. С. 98–103.

Сунь Вэйэр. О различиях в способах мышления англоговорящих и китайцев и их руководящей роли в переводе // Исследования иностранных языков. 1987. № 4. С. 77–81, 85.

Ту Гоуюань, Юань Юань. О художественном мышлении переводчика в литературном переводе // Обучение иностранным языкам, 2015. № 2. С. 88–92.

Фу Цзиньминь. Перспектива исследования перевода через призму мышления // Шанхайский журнал переводчиков науки и технологий, 2000. № 1. С. 5–9.

Хуан Чжунлян. Прогресс и перспективы исследований переводческого мышления // Журнал иностранных языков, 2012. № 6. С. 103–107.

Хуан Чжунлян, Фан Мэнчжи, Ли Яшу и др. Прикладное переводоведение [М]. Пекин: Издательство оборонной промышленности, 2013.

Хэ Ин. Исследование механизма решения проблем перевода с точки зрения мышления высшего порядка // Обучение иностранным языкам, 2016. № 5. С. 86–90.

Цзан Чжунлун. Лекция по русско-китайскому переводу. Лекция 2. Процесс перевода и переводческое мышление // Русский язык в Китае, 1988. № 5. С. 41–47.

Цянь Сюансэнь. О науке о мышлении [А]. Цянь Сюансэнь. О науке о мышлении [С]. Шанхай: Издательство Шанхайское народное, 1986. С. 13–27.

Чжан Гуанмин. Введение в мышление англо-китайского перевода [М]. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2001.

Чжан Лэй, Ху Вэйпин. Модель мышления и переводческая калька // Журнал иностранных языков, 2004. № 4. С. 90–93.

Чжан Фалянь, Ху Сяофан. Исследование системы мышления для перевода законодательных текстов — на примере перевода раздела о праве личности Гражданского кодекса на английский язык // Шанхайский журнал переводчиков, 2023. № 2. С. 20–25.

Чэнь Дяньсин. О проблемах мышления в письменном переводе // Русский язык в Китае, 1987. № 3. С. 37–42.

Юань Чжигуан. О сущности перевода и механизме двухрельсового мышления в процессе перевода // Язык и перевод, 2000. № 3. С. 32–35.

Юй Дун. О переводческом мышлении // Исследования иностранных языков, 2013. № 2. С. 78–83, 112.

Янь Дэшэн. Концепция логического переводоведения // Обучение иностранным языкам, 1999. № 2. С. 42–48.

Nida E. & Taber C. The Theory and Practice of Translation [M]. Leiden: E.J. Brill, 1969.

Rádo, György. Outline of a Systematic Translatology [J]. Babel, 1979.

van Dijk T.A & Kintsch. Walter. Strategies of Discourse Comprehension [M]. New York: Academic press INC, New York, 1983.

References

陈殿兴. 试论笔译中的思维问题 [J]. 中国俄语教学, 1987(03): 37–42.

Chen Dianxing. (1987) O problemah myshleniya v pis'mennom perevode = On the problems of thinking in written translation. *Russkij yazyk v Kitae*. No. 3, pp. 3–42 (In Chinese).

董史良. 翻译的思维问题 [J]. 中国翻译, 1988(03): 2–6.

Dong Shiliang. (1988) Problemy myshleniya v perevode = Problems of thinking in translation. *Zhurnal perevodchikov Kitaya*. No. 3, pp. 2–6 (In Chinese).

傅敬民. 翻译研究的思维视角 [J]. 上海科技翻译, 2000(01): 5–9.

Fu Jinmin. (2000) Perspektiva issledovaniya perevoda cherez prizmu myshleniya = The perspective of translation research through the prism of thinking. *Shanhajskij zhurnal perevodchikov nauki i tekhnologij*. No. 1, pp. 5–9 (In Chinese).

龚光明. 翻译思维学 [M]. 上海: 上海社会科学院出版社, 2005.

Gong Guangming. (2005) Nauka o perevodcheskom myshlenii = The science of translation thinking [M]. Shanhaj: Izdatel'stvo Shanhajskoj akademii obshchestvennyh nauk (In Chinese).

贺莺. 高阶思维取向的翻译问题解决机制研究 [J]. 外语教学, 2016 (05): 86–90.

He Ying. (2016) Issledovanie mekhanizma resheniya problem perevoda s tochki zreniya myshleniya vysshego poryadka = The study of the mechanism of solving translation problems from the point of view of higher-order thinking. *Obuchenie inostrannym yazykam*. No. 5. pp. 86–90 (In Chinese).

黄忠廉. 翻译思维研究进展与前瞻 [J]. 外语学刊, 2012 (06): 103–107.

Huang Zhonglian. (2012) Progress i perspektivy issledovanij perevodcheskogo myshleniya = Progress and prospects of research in translation thinking. *Zhurnal inostrannyh yazykov*. No. 6, pp. 103–107 (In Chinese).

李运兴. 论译者的形象思维 [J]. 天津师大学报 (社会科学版), 1992(03): 45–48.

Li Yunxing. (1992) Ob obraznom myshlenii perevodchika = About the imaginative thinking of the translator. *Vestnik Tyan'czin'skogo pedagogicheskogo universiteta (social'nye nauki)*. No. 3, pp. 45–48 (In Chinese).

列宁, 中共中央马克思、恩格斯、列宁、斯大林编译局. 哲学笔记 [M]. 北京：人民出版社, 1993.

Lie Ning. (1993) Filosofskie tetradi = Philosophical notes [M]. Pekin: Izdatel'stvo Narodnoe (In Chinese).

刘奎林. 灵感发生论 [A]. 钱学森. 关于思维科学 [C]. 上海：上海人民出版社, 1986: 342–374.

Liu Kuilin. (1986) Teoriya vozniknoveniya vdohnoveniya [A]. Cyan' Syuansen'. O nauke o myshlenii [C] = The theory of the origin of inspiration [A]. Qian Xuansen. About the science of thinking [C]. Shanhaj: Izdatel'stvo Shanhajskoe narodnoe, pp. 342–374 (In Chinese).

刘宓庆. 论翻译思维 [J]. 外国语 (上海外国语学院学报), 1985(02): 9–14.

Liu Miqing. (1985) O perevodcheskom myshlenii = About translation thinking. *Inostrannye yazyki. Vestnik Shanhajskogo universiteta inostrannyh yazykov*. No. 2, pp. 9–14 (In Chinese).

刘晓丽. 钱学森思维科学思想回顾与建设 [A]. 刘晓丽等. 钱学森与相似论研究访谈 [M]. 北京：人民出版社, 2020: 181–202.

Liu Xiaoli. (2020) Obzor i razvitie nauchnyh idej Cyan' Syuansenya o myshlenii = Review and development of Qian Xuansen's scientific ideas on thinking. [M]. Pekin: Izdatel'stvo Narodnoe, pp. 181–202 (In Chinese).

刘祖培. 翻译综合思维论 [J]. 上海科技翻译, 1991(02): 26–31.

Liu Zupei. (1991) O kompleksnom myshlenii v perevode = On complex thinking in translation. *Shanhajskij zhurnal perevodchikov nauki i tekhnologij*. No. 2, pp. 26–31 (In Chinese).

毛荣贵，范武邱. 灵感思维在翻译活动中的表现 [J]. 外语与外语教学, 2004(02): 34–38.

Mao Rongui, Fan Wuqiu. (2004) Vyrazhenie vdohnovennogo myshleniya v perevodcheskoj deyatel'nosti = Expression of inspired thinking in translation activities. *Inostrannye yazyki i obuchenie inostrannym yazykam.* No. 2, pp. 34–38 (In Chinese).

苗菊, 朱琳. 认知视角下的翻译思维与翻译教学研究 [J]. 外语教学, 2010(01): 98–103.

Miao Jiu, Zhu Lin. (2010) Issledovanie perevodcheskogo myshleniya i prepodavaniya perevoda s kognitivnoj tochki zreniya = The study of translation thinking and teaching translation from a cognitive point of view. *Obuchenii inostrannym yazykam.* No. 1, pp. 98–103 (In Chinese).

Nida E. & Taber C. (1969) The Theory and Practice of Translation [M]. Leiden: E.J. Brill.

钱学森. 关于思维科学 [A]. 钱学森. 关于思维科学 [C]. 上海：上海人民出版社, 1986: 13–27.

Qian Xuansen. (1986) O nauke o myshlenii [A]. Cyan' Syuansen'. O nauke o myshlenii [C] = About the science of thinking [A]. Qian Xuansen. About the science of thinking [C]. *Shanhaj: Izdatel'stvo Shanhajskoe narodnoe,* pp. 13–27 (In Chinese).

Rádo György. (1979) Outline of a Systematic Translatology [J]. Babel.

孙威尔. 试论英汉民族思维方式的差异及其在翻译中的指导作用 [J]. 外语研究, 1987 (4): 77–81+85.

Sun Weier. (1987) O razlichiyah v sposobah myshleniya anglogovoryashchih i kitajcev i ih rukovodyashchej roli v perevode = On the differences in the ways of thinking of English speakers and Chinese and their leading role in translation. *Issledovaniya inostrannyh yazykov.* No. 4, pp. 77–81, 85 (In Chinese).

屠国元, 袁圆. 论文学翻译中译者的艺术思维 [J]. 外语教学, 2015 (02): 88–92.

Tu Gouyan, Yuan Yuan. (2015) O hudozhestvennom myshlenii perevodchika v literaturnom perevode = On the artistic thinking of a translator in literary translation. *Obuchenie inostrannym yazykam.* No. 2, pp. 88–92 (In Chinese).

Van Dijk, T.A & Kintsch Walter. (1983) Strategies of Discourse Comprehension [M]. New York: Academic press INC, New York.

臧仲伦. 俄汉翻译讲座第二讲 翻译过程和翻译思维 [J]. 中国俄语教学, 1988(05): 41–47.

Zang Zhonglun. (1988) Lekciya po russko-kitajskomu perevodu. Lekciya 2. Process perevoda i perevodcheskoe myshlenie = Lecture on Russian-Chinese translation. Lecture 2. The translation process and translation thinking. *Russkij yazyk v Kitae.* No. 5, pp. 41–47 (In Chinese).

张光明. 英汉互译思维概论 [M]. 北京：外语教学与研究出版社, 2001.

Zhang Guangming. (2001) Vvedenie v myshlenie anglo-kitajskogo perevoda = Introduction to Thinking in English-Chinese Translation. [M]. Pekin: (In Chinese).

张法连, 胡晓凡. 立法文本翻译思维体系构建初探——以《民法典》人格权编英译为例 [J].上海翻译, 2023(02): 20–25.

Zhang Falian, Hu Xiaofang. (2023) Issledovanie sistemy myshleniya dlya perevoda zakonodatel'nyh tekstov — na primere perevoda razdela o prave lichnosti Grazhdanskogo kodeksa na anglijskij yazyk = A study of the thinking system for translating legislative texts — by the example of translating the section on the right of the individual of the Civil Code into English. *Shanhajskij zhurnal perevodchikov.* No. 2, pp. 20–25 (In Chinese).

章磊, 胡卫平. 思维模式与翻译体 [J]. 外语学刊, 2004(04): 90–93.

Zhang Lei, Hu Weiping. (2004) Model' myshleniya i perevodcheskaya kal'ka = Model of thinking and translation tracing paper. *Zhurnal inostrannyh yazykov*. No. 4, pp. 90–93 (In Chinese).

阎德胜. 逻辑翻译学构想 [J]. 外语教学, 1999(02): 42–48.

Yan Desheng. (1999) Koncepciya logicheskogo perevodovedeniya = The concept of logical translation studies. *Obuchenie inostrannym yazykam.* No. 2, pp. 42–48 (In Chinese).

余东. 论翻译思维 [J]. 外语研究, 2013(02): 78–83+112.

Yu Dong. (2013) O perevodcheskom myshlenii = About translation thinking. *Issledovaniya inostrannyh yazykov.* No. 2, pp. 78–83, 112 (In Chinese).

袁志广. 论翻译的本质和翻译过程的“双轨思维制” [J]. 语言与翻译, 2000(03): 32–35.

Yuan Zhiguang. (2000) O sushchnosti perevoda i mekhanizme dvuhrel'sovogo myshleniya v processe perevoda = About the essence of translation and the mechanism of two-rail thinking in the translation process.*Yazyk i perevod.* No. 3, pp. 32–35 (In Chinese).

王军. 论翻译中语篇解构与重构的思维模式 [J]. 外国语 (上海外国语大学学报), 2001(06): 57–64.

Wang Jun. (2001) O modeli myshleniya dekonstrukcii i rekonstrukcii teksta v perevode = On the thinking model of deconstruction and reconstruction of text in translation. *Inostrannye yazyki. (Vestnik Shanhajskogo universiteta inostrannyh yazykov).* No. 6, pp. 57–64 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Цзи Чуньпин — кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка института иностранных языков Фуданьского университета, Китай. 220 улица Ханьдань, Шанхай, 200433, Китай; jichunping@fudan.edu.cn

Фомина Анна Михайловна — кандидат педагогических наук, эксперт факультета русского языка института иностранных языков Фуданьского университета, Китай. 220 улица Ханьдань, Шанхай, 200433, Китай; fominaanna@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Ji Chunping — Doctor of Linguistics, Associate Professor at the Department of the Russian Language of the College of Foreign Languages and Literature, Fudan University, China. 220 Handan Road, Shanghai, 200433, China; jichunping@fudan.edu.cn

Anna M. Fomina — Dr. Sc. (Pedagogy), Lecturer at the Faculty of Russian and Foreign Languages at Fudan University, China. 220 Handan Road, Shanghai, 200433, China; fominaanna@rambler.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 82-95

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-148-164

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Васид Абдухаликович Шарипов

Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Таджикистан

Для контактов: sharipovvosid@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных проблем современной теории перевода, к числу которых относится разобщённый подход к переводу лингвистами и литературоведами. Цель её в стремлении ещё раз проследить в истории теории перевода дискуссионный вопрос о лингвистической и литературоведческой сущности перевода с конечным выходом к междисциплинарности его природы. На основе аналитического рассмотрения трудов ряда ведущих специалистов в области теории перевода автор приходит к мысли о плюрализме мнений, о том, что на протяжении долгих десятилетий в истории теории перевода имел место лингво-литературоведческий дуализм, когда одна сторона стремилась обосновать приоритетность в подходе к переводу лингвистики, другая — литературоведения. В статье также подчёркивается мысль о вреде разобщённого подхода к переводу в деле подготовке специалистов-переводчиков, в оценке качества перевода, поскольку не одним поколением исследователей было указано на междисциплинарную природу перевода. Отмечается, что были и теоретики, стремившиеся примирить стороны и утвердить необходимость комплексного филологического подхода к переводу. Следовательно, они пытались обосновать общефилологические корни перевода и соответствующего подхода к нему. Исследователи последних десятилетий обосновывают мысль об узости для перевода рамок лингвистики и сравнительного литературоведения и видят прямую связь теории и практики перевода с логикой, антропологией, культурологией, этнографией, теорией коммуникации, философией, историей, семиотикой, герменевтикой, этнопсихолингвистикой (Н.К. Гарбовский, Э.Н. Мишкуров) и т.п. Параллельно с основной проблемой автор статьи затрагивает

© Шарипов В.А., 2025

вопрос о трансформации, адекватности и эквивалентности, излагает свою точку зрения по каждому из рассматриваемых проблем. Высказанные теоретические положения подтверждаются цитатами из научного наследия авторитетных теоретиков перевода.

Ключевые слова: перевод, переводчик, теория перевода, актуальные проблемы, лингво-литературоведческий дуализм, междисциплинарность, оценка качества перевода, трансформация, эквивалентный перевод

Для цитирования: *Шарипов В.А.* К вопросу об актуальных проблемах теории художественного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 148–164. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-148-164

Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.06.2025
принята к публикации 03.07.2025.

ON THE QUESTION OF CURRENT PROBLEMS THEORIES OF LITERARY TRANSLATION

Vasid A. Sharipov

Khujand State University named after academician B. Gafurov, Khujand, Tajikistan

For contacts: sharipovvosid@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of current issues in contemporary translation studies, which include the disjointed approach to translation by linguists and literary scholars. The purpose of this article is to once again trace in the history of translation theory the debatable issue of the linguistic and literary essence of translation with ultimate access to the interdisciplinarity of its nature. Based on an analytical consideration of the works by a number of leading experts in the field of translation theory, the author comes to the idea of pluralism of opinionsin the history of translation theory; for many decades in the history of translation theory, there has been a linguo-literary dualism, where one side sought to justify the priority of the linguistic approach to translation, while the other advocated for the primacy of the literary studies perspective. The article also emphasizes the harm of a disjointed approach to translation in the training of translators and in assessing the quality of translation, since more than one generation of researchers has pointed out the interdisciplinary nature of translation. It is noted that there were also theorists who sought to reconcile the parties and affirm the need for an integrated philological approach to translation. Consequently, they tried to substantiate the general philological

© Sharipov V.A., 2025

roots of translation and the corresponding approach to it. Researchers of recent decades have substantiated the idea of the narrowness of the framework of linguistics and comparative literature for translation and see a direct connection between the theory and practice of translation with logic, anthropology, cultural studies, ethnography, communication theory, philosophy, history, semiotics, hermeneutics, ethnopsycholinguistics (N.K. Garbovsky, E.N. Mishkurov), etc. In parallel with the main problem, the author of the article touches on the issue of transformation, adequacy and equivalence, expresses his point of view on each of the issues under consideration. The stated theoretical positions are confirmed by quotations from the scientific heritage of authoritative translation theorists.

Keywords: translation, translator, translation theory, current problems, linguistic-literary dualism, interdisciplinarity, assessment of translation quality, transformation, equivalent translation

For citation: *Sharipov V.A.* (2025) On the issue of current problems in the theory of literary translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 148–164. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-148-164

The article was submitted on October 10, 2024;
approved after reviewing on June 29, 2025;
accepted for publication on July 03, 2025.

Введение

Известно, что перевод и некоторые проблемы, связанные с ним, имеют древнейшую историю. Однако усиленная, местами весьма плодотворная разработка общей теории перевода, художественного перевода в СССР и в постсоветское время в республиках СНГ (особенно в России) и за рубежом проходила и проходит с 20-х годов XX века по настоящее время. Тем не менее, не все вопросы в теории и практике перевода уже разрешены.

Учёные-исследователи и переводчики едины во мнении, что художественная литература наиболее трудно поддаётся переводу, некоторые же из них, беря во внимание её специфику, отмечают невозможность перевода поэтических произведений указанного стиля.

Прошло более пятидесяти лет с момента написания Е.М. Егоровой статьи «Наши ошибки, их корни и средства преодоления», где исследователь отмечает, что «современная теория перевода стоит на позициях материалистической диалектики. Это означает, что предела нашему познанию нет: то, что сегодня нам ещё недоступно для перевода, завтра может стать доступным. Это означает также, что

переводы одного и того же произведения способны устаревать…» (Егорова, 1971: 183). Придерживаясь диалектического представления автора статьи о теории перевода, мы можем спросить сегодня, полвека спустя, как решались имеющиеся проблемы и что нового ввели мыслители конца XX и начала XXI века в теорию перевода?

Исследование вопроса об актуальных проблемах теории художественного перевода следует начать с изучения общей теории перевода, это вполне естественно, ибо путь к художественному переводу лежит через общую теорию, в которой нашли научно-теоретическую разработку многие положения, без которых нельзя развивать теорию художественного перевода. Составными же частями художественного перевода являются прозаический и поэтический переводы. Так как предлагаемая вниманию уважаемых читателей статья представляет собой часть исследуемой нами глобальной проблемы, посвящённой творческой истории и художественному своеобразию русских переводов «Шахнаме» Фирдоуси (а бессмертная поэма гениального персидско-таджикского поэта относится к поэтическому переводу), мы остановили свой выбор на некоторых актуальных проблемах художественного перевода. Следовательно, и предлагаемую концепцию мы рассматриваем в свете актуальных проблем художественного перевода, правда, неоднократно обращаясь при этом и к проблемам общей теории перевода.

К числу актуальных проблем современной теории перевода относится вопрос о лингво-литературоведческом дуализме. Научная значимость статьи не в попытке примирить сторонников лингвистической и литературоведческой теории перевода, а в трезвом взгляде на трансдисциплинарную его природу и в попытке обосновать данный факт на базе исследований последних десятилетий.

Аналитическая часть. О лингво-литературоведческом дуализме в переводе

Хотя неоднократно было сказано о междисциплинарной природе перевода, но на протяжении долгих десятилетий отдельные исследователи ведут линию лингвистического аспекта исследования проблемы, другие — литературоведческую, третьи пытаются примирить одних с другими.

То, что перевод и лингвистика тесно взаимосвязаны, — факт бесспорный, однако ограничивать перевод лишь рамками лингвистики недопустимо, ибо, чем дальше идёт разработка теории перевода, тем больше проявляется его трансдисциплинарная природа, о чем было сказано неоднократно (А.Б. Фёдоров, А.А. Реформатский,

Н.К. Гарбовский, Э.Н. Мишкуров, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Ю. Найда и др.).

Известно, что в учебниках по «Введению в литературоведение» и по «Теории литературы» есть самостоятельные разделы, посвящённые специфике языка художественного произведения, многие положения которых соприкасаются и со стилистикой. Разумеется, содержание этих глав ориентируют на изучение языка в аспекте литературоведческого анализа, т.е. выявления роли языковых, стилистических средств в деле достижения образности художественного текста. Да и составной частью литературоведческого анализа художественного произведения является необходимость выявления особенностей его языка.

От природы, в зависимости от своих интересов, наклонностей или в силу каких-то иных причин одни люди имеют тяготение к гуманитарным наукам, другие — к точным. И среди филологов идёт внутреннее деление на лиц, имеющих тяготение к лингвистике, и к литературоведению, скажем, идёт узкая специализация. И кафедры в филологических вузах или факультетах имеют тенденцию к такой разобщённости. Более того, даже открываются лингвистические университеты. И подобное деление вредит делу подготовки переводчика художественных произведений и организации работы по оценке качества художественного перевода, когда на перспективность и плодотворность взаимосвязей языка и литературы было указано ещё В.В. Виноградовым: «Тенденция к объединению лингвистических и литературоведческих концепций формы и содержания словесно-художественного произведения на основе углублённого синтеза их, на основе изучения смысла, идеи, замысла, как словесно-структурного элемента художественного целого, плодотворна и перспективна» (Виноградов, 1959: 11). Однако мало кто из исследователей руководствуется данным тезисом В.В. Виноградова.

К месту будет вспомнить сетования по поводу разобщённого изучения языка и литературы Г.О. Винокура: «...внутренняя связь между отдельными науками, относимыми к числу филологических, …с течением времени становится всё более слабой. Она стала совсем слабой даже между науками о языке и литературе» (Винокур, 1991: 69). Аналогичные мысли были высказаны и Л.В. Щербой (Зиндер, Маслов, 1982: 86).

Разумеется, ни В.В. Виноградов, ни Г.О. Винокур не имели в виду проблемы перевода, но факт остаётся фактом, их мысли о необходимости взаимосвязанного изучения языка и литературы с высокой степенью уверенности следует отнести и к теории перевода.

Однако с сожалением приходится констатировать, что наблюдающийся в теории и практике перевода «лингво-литературоведческий дуализм» (термин М.Ю. Максимова) продолжает вредить делу подготовки высококвалифицированного специалиста-переводчика, способного в синтезе решать стоящие перед ним задачи: адекватно, эквивалентно истолковать духовную культуру человека через языковой, стилистический, литературоведческий и т.п. анализ письменных текстов.

Думается, одной из важнейших причин разобщённого подхода к переводу и оценке качества продукта переводческой деятельности является нежелание лингвистов проникнуть в область литературоведения, а литературоведов — в область лингвистики и сопоставительной стилистики.

В начале 60-х годов писал об этом Б.А. Ларин. Отмечая, что теория перевода в настоящее время проходит стадию становления, формирования, что «лучшее доказательство этого — спор о том, в какое «ведомство» отнести теорию перевода — в лингвистическое или литературоведческое» (Ларин, 1962: 3). «Как филология или стилистика, так и теория перевода немыслима без органического соединения лингвистических и литературоведческих методов», — далее развивает свою мысль исследователь (Там же, 3).

Лингвистическое обоснование своей теории Б.А. Ларин даёт с точки зрения функционального билингвизма, ибо творческие успехи переводчика допустимы лишь в этом случае.

Отмечая полезность и плодотворность для теории и практики художественного перевода опубликованных на страницах печати примеров сравнительного анализа различных переводов одного и того же произведения, сделанного с литературоведческих позиций (мы бы назвали разные переводы «Шахнаме» А. Фирдоуси на русский язык), с некоторой долей сомнения и Я.И. Рецкер подчёркивал: «По-видимому, объективная оценка перевода возможна лишь на двойной основе — и литературоведческой, и лингвистической (Рецкер, 1962: 42). При этом исследователю важно, «в какой мере передан в переводе идейно-художественный замысел автора» (Там же).

О двух точках зрения А.Д. Швейцера на этот вопрос пишет Н.К. Гарбовский: «Если ещё в 70-е гг. Швейцер был склонен рассматривать теорию перевода как прикладную отрасль науки о языке, то уже в конце 90-х он утверждал, что теория перевода является, безусловно, наукой **междисциплинарной,** что она смогла преодолеть лингвистический и литературоведческий «изоляционизм»,

что в ней развиваются тенденции к выработке интегрированного и многомерного подхода к анализу перевода» (Гарбовский, 2007: 203). Правда, Н.К. Гарбовский отмечает, что Швейцер видит причину трансдисциплинарной теории перевода в расширении границ самой лингвистики.

Выдвигая понятие системности, о необходимости преодоления существующего разногласия «между литературоведческим и лингвистическим путями изучения художественного перевода» писал ещё А.В. Фёдоров (Фёдоров, 2002: 130).

Как и А.В. Фёдоров, Н.К. Гарбовский — сторонник системного подхода к переводу: «Системный подход к переводу способен дать более полную и подробную теоретическую картину этого объекта по сравнению с отдельно взятым лингвистическим, литературоведческим, деятельностным или иным подходом» (Гарбовский, 2007: 221).

К числу новейших исследований, одним аспектом затрагивающих данную проблему, относится статья Э.Н. Мишкурова «Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой?», в которой также отмечается трансдисциплинарность переводоведения (Мишуров, 2024: 7).

По данным статьи В. Коптилова «Этапы работы переводчика», к началу 70-х годов XX века теория художественного перевода, не в пример общей теории перевода, ещё не получила научно обоснованной основы, не сформировалась. Исследователь подчёркивает, что до сих пор идут споры по ведущим её проблем, к числу которых он относит и предмет нашей статьи (Коптилов, 1971: 144). За истекшие 50 лет появились иные фундаментальные исследования, принадлежащие другому ряду замечательные учёных и переводчиков конца XX и первой четверти XXI века, внёсших значительный вклад в дело дальнейшего развития и совершенствования теории перевода, в частности, художественной его разновидности. Это Н.К. Гарбовский, В.В. Сдобников, Э.Н. Мишкуров, М.П. Алексеев, Вл. Россельс, Л. Дейч, И.А. Кашкин, С.Я. Маршак, М.А. Лозинский, П.М. Топер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, И.Н. Артемьева, Н.И. Герасимова, А.В. Попович и мн. др.

Причину задержки формирования указанной научной теории В. Коптилов видит в малоплодотворных дебатах между лингвистами и литературоведами «…о том, кто должен возводить очередной этаж» этого величественного здания науки» (Там же).

О лингво-литературоведческом дуализме писали и другие исследователи. Так, А.Х. Наврузов, говоря о пользе и вреде дословного

и вольного перевода, по сути, говорит о лингвистическом и литературоведческом подходах к художественному переводу» (Наврузов, 2021).

В своей статье «Особенности и критерии перевода художественного текста» М.В. Алимова отмечает: «Художественный перевод в большинстве случаев может быть либо дословно точным, но художественно неполноценным, либо художественно полноценным, но далёким от оригинала (свободный перевод)» (Алимова, 2012: 49). Исследователь говорит: «…в большинстве случаев». Во-первых, значит ли это, что есть редкие случаи, когда переводчиками добивается гармония между дословной точностью и художественной полноценностью? Или такая возможность исключается вовсе? Во-вторых, понимает ли исследователь под дословностью буквализм? Мы убеждены в том, что каждый переводчик должен стремиться к достижению гармонии, когда перевод и эквивалентно точный, и художественно полноценный. Под дословностью М.В. Алимова, возможно, имеет в виду лексическую эквивалентность, когда она приближает перевод к подлиннику, а не буквальность в негативном смысле, когда она отдаляет перевод от оригинала. Разумеется, без переводческих трансформаций обойтись сложно, но стремиться к одновременной эквивалентной точности и полноценности художественного перевода необходимо.

Далее она затрагивает рассматриваемую нами злободневную проблему: «Отсюда — перевод может определяться с лингвистической либо с литературоведческой позиции» (Там же). Какие цели преследуют исследователи, рассматривающие художественный текст с лингвистических позиций, если не цель определить роль языковых средств в деле достижения художественности?

Несомненно, что в процессе перевода художественного произведения, оценки его качества мы обращаемся ко многим лингвистическим категориям: к фонетике (в частности, к эвфонии, к звуковой организации стиха или прозы; к гласным и согласным, к их комбинациям; в процессе достижения эквилинеарности и эквиритмии, определения стихотворного размера — к ударным и безударным слогам), к лексике (например, исследуем роль отдельно взятых лексических средств в деле создания художественного образа, передачи стиля подлинника или автора, повторы лексических средств — в деле достижения благозвучия), к грамматике и стилистике (скажем, к синтаксису, синтаксическим стилистическим средствам; к стилистически маркированной лексике; выявляем эстетическую функцию однородных членов предложений), но ко

всему этому и ко многому другому мы обращаемся с целью передать специфику языка и стиля подлинника, его автора, преследуя цели литературоведческие, а не лингвистические, ибо речь идёт о художественном произведении. Всё перечисленное может насторожить сторонников лингвистического аспекта перевода, готовых подчеркнуть, что это и есть подтверждение того, что перевод — это категория лингвистическая, им и его оценкой должны заниматься лингвисты. Не следует забывать, что речь идёт о художественном произведении, об образном отражении действительности. Слово есть лингвистическая категория, а словесно-художественный образ, образ, созданный с помощью художественного слова, — это литературоведческая категория. Допустимо ли отделить слово от образа или образ от слова? Такая возможность исключается, ибо форму от содержания и содержание от формы отделить нельзя. Об этом мыслителями прошлого было сказано неоднократно. В частности, В.Г. Белинский отмечал: «Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так тесно, что отделить её от содержания значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы значит уничтожить форму…» (Белинский, 1955: 535).

Лингвистический подход к переводу художественного произведения — это лишь часть комплексного, филологического подхода к переводу и анализу качества перевода. Это, несомненно, тот случай, когда мы должны обратиться в основном к трём единствам: *лингвистике, стилистике, литературоведению,* не говоря уже об огромной сумме фактов, сведений из смежных или иных отраслей наук. В зависимости от специфики оригинала, в переводчике более или менее должен говорить то один, то другой, то третий, конечная же цель — одна: добиться максимальной близости к подлиннику. При этом весьма важно в процессе исследования языковой формы не впасть в структурализм и формализм. Известно, что произведения словесного искусства изучались структуралистами преимущественно в аспекте их формы, которая представлялась им специфической упорядоченностью, присущей именно данному произведению, являющейся связующим звеном всех его частей и самого целого (Карцева, 2012: 347).

Ссылаясь на В.Н. Комиссарова, М.В. Алимова также отмечает, что «лингвистический принцип перевода прежде всего предполагает воссоздание формальной структуры подлинника» (Алимова, 2012: 49). В этом вопросе А.В. Фёдоров (см. ниже), В.Н. Комиссаров и многие другие едины во мнении с указанными выше учёными.

Пути и методы постижения идеи

Далее М.В. Алимова пишет: «Ряд исследователей (например, Г. Гачечиладзе) считают, что художественный перевод необходимо рассматривать как разновидность словотворческого искусства, т.е. не с лингвистической, а с литературоведческой точки зрения» (Там же).

Как нам представляется, прежде всего следует определиться, что следует понимать под лингвистической и литературоведческой точками зрений. Думается, здесь всё зависит от целей, какие преследуют лингвисты и литературоведы. Когда исследователь изучает язык продукта переводческой деятельности с целью определения степени соответствия языковой формы перевода оригиналу безотносительно к степени достижения образности, художественности, не преследуя цели конечного выхода к идее, то это сугубо лингвистический аспект изучения художественного перевода и оценки его качества. Когда же художественный перевод подвергается исследованию в аспекте выявления роли языковой формы в деле достижения образности и в русле соответствия (эквивалентности) подлиннику, следовательно, достижения той образности, степени выразительности, эмоциональности, чем характеризуется оригинал, с дальнейшим выходом к идее — этот путь есть путь литературоведческой концепции перевода и его изучения. Проблема, на наш взгляд, в том, что лингвисты никак не хотят через изучение языковой формы дойти до понимания идейно-художественного содержания. Свои поиски они ограничивают рамками языкознания. Признаться, это и не входит в обязанности лингвиста. Словеснику же важно исследовать содержание и форму художественного текста, как и перевода, используя метод сравнительного анализа, ибо конечная цель исследования художественного текста и художественного перевода литературоведом — это определение идеи. Когда же речь идёт об оценке качества перевода, естественно, — смог ли переводчик в продукте своего труда-творчества добиться соответствия содержания и формы, идейно-эстетической эквивалентности.

Мы разделяем мнение К.И. Чуковского, Э.Г. Эткинда, Г. Гачечиладзе и других исследователей, считающих, что художественный перевод следует рассматривать с литературоведческой точки зрения, но согласны также и с мыслью А.В. Фёдорова, утверждающего, что «…изучение перевода даже и в литературоведческой плоскости постоянно сталкивается с необходимостью рассматривать языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства, которыми пользовались переводчики» (Фёдоров, 2002: 21).

То же самое сказано и о стиле: «чтобы проникнуть в сущность индивидуального стиля, пишет Я.И. Рецкер, — переводчик должен обладать не только литературоведческими, но и лингвистическими знаниями» (Рецкер, 1962: 45).

Следовательно, все наши усилия в процессе перевода должны быть направлены на репрезентацию языковых средств подлинника, ориентированных на создание художественного образа, насколько это возможно сделать средствами переводящего языка, с дальнейшим выходом к постижению идеи. Эта мысль была высказана многими исследователями и неоднократно. Так, тот же Я.И. Рецкер отмечал: «Основное требование перевода — воссоздание идейной направленности подлинника — в целом достаточно строго соблюдается советскими переводчиками» (Рецкер, 1962: 43).

С нашей точки зрения, художественный перевод, как продукт переводческой деятельности, — это дитя, порождённое в результате союза языка и литературы. Ни в коем случае нельзя оградиться при этом от стилистики и огромного ряда сведений из смежных и иных наук, ибо перевод носит междисциплинарный характер.

Весь звуковой, лексический, грамматический строй произведения, скажем, форма, изучается с целью достижения в итоге выхода к основному принципиальному смыслу произведения. Ведь конечная цель каждого писателя-художника — это проведение в жизнь той или иной идеи, что и составляет рациональное зерно его творения. В процессе же перевода — переводчик, а в процессе оценки качества перевода — исследователи или заказчики, словом, заинтересованная сторона, скажем, критик перевода, должны дать объективную оценку степени адекватности и эквивалентности художественного перевода, соответствия требованиям конвенциональной нормы (В.Н. Комиссарова), не забывая при этом о главном — об идее, ещё шире — гармонии содержания и формы.

В процессе перевода переводчик не имеет права вводить в текст то, чего нет в подлиннике. Одну и ту же идею можно передать разными синтаксическими структурами с разной лексической наполненностью предложений, при этом трансформации допустимы, но нарушение, искажение авторской мысли — нет.

Каковы пути доведения читателя перевода до понимания идеи? Один из них — это путь поиска эквивалентных языковых средств. Мы не вправе забывать о «первоэлементе» (М. Горький) литературы. Если допустить мысль, что художественный текст — это здание, состоящее из железобетонных конструкций, кирпичей и прочего строительного материала, то таковым в художественном

тексте является язык, слово. Автор и строит свой художественный текст, используя «первоэлемент». С его помощью создаются образы, имеющие силу воздействия на читателя, вызывая в нём те или иные эстетические чувства.

Мы солидарны в решении этого вопроса с мнением Б.А. Ларина, подчёркивающего союз лингвистики и литературоведения: «Всякий перевод должен начинаться с филологического анализа текста, сделанного во всеоружии лингвистической подготовки, и завершаться литературным творчеством» (Ларин, 1962: 5).

Трансформации. Эквивалентный перевод. Буквализм

Не во всех случаях переводчик в состоянии найти в переводящем языке эквивалентные лексические средства. Отсюда и необходимость обращения к переводческим трансформациям. Признавая позитивную роль переводческих трансформаций, следует отметить, что в процессе перевода бывают случаи, когда в силу разных причин в переводе наблюдаются неоправданные замены одной лексемы другой, далеко не эквивалентной слову из подлинника. Так, если в подлиннике использованы слова *озеро, гора, пещера, сосна,* переводчик же заменяет их лексемами *море, сопка, ущелье, тополь,* то подобного рода замены не сближают перевод с подлинником, а отдаляют их. Такого рода трансформации, замена одних лексем другими, пусть не очень далёкими по семантике, не приветствуются. Что будет с подлинником, если в течение определённого промежутка времени одни переводчики будет заменять одну часть его лексем другой, неэквивалентной, другие — другую часть. Подлинник со временем перестанет быть таковым.

Другое дело, когда в том же русском переводе «Шахнаме», выполненном Ц.Б. Бану-Лахути. Переводчик, в силу необходимости, заменила словосочетание «гави номдор» — «славный бык» (имеется в виду отважный Рустам) эквивалентным «славный боец», то от этого художественный перевод лишь выигрывает. Если в персидско-таджикском культурном контексте метафора «гави номдор» вполне приемлема, более того, почётна, то дословный её перевод словосочетанием «славный бык», скрытое сравнение человека с быком, пусть даже и славным, русским культурно-нравственным, этико-эстетическим сознанием позитивно не воспринимается. И права Ц.Б. Бану-Лахути, употребившая в русском переводе словосочетание «славный боец».

Так, если мы говорим о такой лингвистической категории, как обстоятельство образа действия, то его мы связываем с действия-

ми героя, скажем, Рустама в поединке с Белым дивом, как, каким образом герой бился со своим свирепым противником: «Упорно и яростно бился с врагом» (Фирдоуси, 1957: 281). И в процессе репрезентации этой строки, как и всей поэмы, Ц.Б. Бану-Лахути должна была найти самые подходящие, то есть эквивалентные слова, чтобы довести до читателя суть строки Фирдоуси, довести до читателя накаленность обстановки боя, его динамику и то, чем завершился поединок.

Таким образом, эквивалентный художественный перевод — это перевод иноязычного текста средствами переводящего языка во всём единстве содержания и формы, во всей реальной предметно-эмоциональной, экспрессивной и идейной целостности.

Вернёмся к рассуждениям М.В. Алимовой по поводу концепции Г. Гачечиладзе. «Согласно этой теории, — продолжает она, — главной движущей силой переводчика должна являться идея, выраженная в оригинале произведения, которая заставляет переводчика искать эквивалентные языковые средства для выражения мысли…» (Алимова, 2012: 49).

Окинув широким аналитическим взглядом материалы, изданные в русских и европейских журналах и сборниках статей по вопросам теории и практики художественного перевода («Мастерство перевода», «Вопросы теории художественного перевода», «Актуальные проблемы теории художественного перевода», журнал “Babel” («Вавилон») Международной федерации переводчиков и т.п.), фундаментальные исследования ведущих теоретиков и практиков перевода (К.И. Чуковский, А.В. Фёдоров, Е.Г. Эткинд, Н.К. Гарбовский, Г. Гачечиладзе, В.В. Сдобников, М.П. Алексеев, Вл. Россельс, Л. Дейч, С.П. Ковганюк, И.А. Кашкин, Я.И. Рецкер, С.Я. Маршак, М. Лозинский, П.М. Топер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, М. Ледерер, Ж. Мунен, И.Н. Артемьева, В.С. Виноградов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Э.Н. Мишкуров, Н.И. Герасимова, А.В. Попович, М.М. Михайлов, Е.А. Огнева, В. Левик, А.А. Иванов, А. Самадов, З.А. Муллоджанова и мн.др.) вообще и художественного перевода в частности, можно заметить, как шёл сложный, продолжительный, охваченный острыми дебатами постепенный процесс заложения научных основ теории художественного перевода.

Заключение

Таким образом, изучение одной из актуальных проблем современной теории перевода — проблемы о лингвистической и литера-

туроведческой её природе — ещё раз убедило нас в подходе к ней наличия лингво-литературоведческого дуализма. Следовательно, данная проблема по-прежнему остаётся злободневной, хотя в исследованиях последних десятилетий убедительно доказана необходимость трансдисциплинарного, комплексного подхода к ней. Н.К. Гарбовский считает: «Теория перевода далеко выходит за рамки лингвистики, так как специфика изучаемого аспекта требует привлечения данных методов других научных дисциплин, а именно логики культурологи, антропологии, этнографии, психологии, социологии и др.» (Гарбовский, 2007: 205). На необходимость межпредметного подхода к переводу указывали А.Б. Фёдоров, А.А. Реформатский, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Ю. Найда, Э.Н. Мишкуров и др.

Хотелось бы, чтобы возврата к вопросу о лингвистической или литературоведческой природе перевода не было, ибо на повестке дня стоит другая актуальная проблема: необходимость разработки теории оценки качества перевода, критики перевода.

Список литературы

Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. Изд. седьмое, испр. и доп. М.: Просвещение, 1979. 352 с.

Алимова М.В. Особенности и основные требования перевода художественного текста // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки, и методика их преподавания, 2012. № 2. С. 47–52.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР, Институт рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. 804 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 655 с.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 445 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. 544 с.

Егорова Е.М. Наши ошибки, их корни и средства преодоления. В сб. Вопросы теории художественного перевода. М.: Изд-во «Художественная литература», 1971. 183 с.

Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1982. 104 с.

Карцева Г.А. Содержание и форма в философии Х1Х–ХХ вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология, выпуск 12 (116), 2012. С. 344–349.

Коптилов В. Этапы работы переводчика // Вопросы теории художественного перевода. Изд-во «Художественная литература», М. 1971. 253 с.

Ларин Б.А. Наши задачи // Теория и практика перевода. Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. Издательство Ленинградского университета, 1962. С. 3–7.

Лозинский М. Мастерство поэтического перевода. Под ред. П. Антокольского, Е. Винокурова, М. Зенкевича, В. Огнева, Б. Слуцкого и Е. Солоновича. Выпуск 17. Изд-во «Прогресс». М., 1974. 220 с.

Мишкуров Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. Изд-во Моск. ун-та, 2024. № 1. С. 7–31.

Наврузов А.Х. Проблема адекватности перевода и сохранения авторского стиля в переводах художественного текста с русского языка на таджикский (на материале перевода романа М. Шолохова «Тихий Дон» на таджикский язык, выполненного Э. Муллокандовым): Автореф. дисс. канд. филол. наук. / А.Х. Наврузов. Душанбе, 2021. 24 с. https://www.dissercat.com/content/problema-adekvatnosti-perevoda-i-sokhraneniya-avtorskogo-stilya-v-perevodakh-khudozhestvenno (Дата обращения: 01.06.2024).

Рецкер Я.И. Задачи сопоставительного анализа переводов. В сб. Теория и критика перевода. Отв. редактор проф. Б.А. Ларин. Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 168 с.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

Фирдоуси А. Шахнаме. Том 1. От начала поэмы до сказания о Сохрабе (перевод Ц.Б. Бану-Лахути, А. Лахути и А.А. Стариков). Серия Литературные памятники. М.: Издательство АН СССР, 1957. 646 с. https://coollib.cc/b/359698-hakim-abulkasim-firdousi-shahname-tom-1/read

References

Abramovich G.L. (1979) Vvedenie v literaturovedenie = Introduction to literary criticism. Izd. sed`moe, ispr. i dop. Moscow: Education, 352 p. (In Russian).

Alimova M.V. (2012) Osobennosti i osnovny`e trebovaniya perevoda xudozhestvennogo teksta = Features and basic requirements of translating a literary text. *Vestnik RUDN. Seriya Russkij i inostranny`e yazy`ki, i metodika ix prepodavaniya*. No. 2, pp. 47–52 (In Russian).

Belinskiy V.G. (1955) Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 Vol. AN SSSR, Institut rus. lit. (Pushkin. dom); redkol.: N.F. Bel'chikov (gl. red.) i dr. = Complete works: In 13 volumes. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian. lit. (Pushkin house); editorial board: N.F. Belchikov (chief editor) and others. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 9, 804 p. (In Russian).

Feydorov A.V. (2002) Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskiye problemy): Dlya institutov i fakul'tetov inostr. yazykov = Fundamentals of the

general theory of translation (linguistic problems): For institutes and faculties of foreign. languages. Textbook allowance. 5th ed. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; Moscow: LLC Publishing House "PHILOLOGY THREE". 416 p. (In Russian).

Firdousi A. (1957) Shakhname = Shahnameh. Vol. 1. From the beginning of the poem to the legend of Sohrab [translation by Ts.B. Banu-Lahuti, A. Lahuti and A.A. Starikov]. Series Literary monuments. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 646 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) Teoriya perevoda: Uchebnik. = Translation theory: Textbook. Moscow: Moscow University Publishing House, 544 p. (In Russian).

Kartseva G.A. (2012) Soderzhaniye i forma v filosofii XIX–XX vv. = Content and form in the philosophy of the 19th–20th centuries. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya,* issue 12 (116), pp. 344–349 (In Russian).

Koptilov V. (1971) Etapy raboty perevodchika = Stages of a translator's work. Questions of the theory of literary translation, Publishing house "Fiction". Moscow, 253 p. (In Russian).

Larin B.A. (1962) Nashi zadachi = Our tasks. Theory and practice of translation. Leningrad State University named after A.A. Zhdanova. Leningrad University Publishing House, pp. 3–7. (In Russian).

Lozinskiy M. (1974) Masterstvo poeticheskogo perevoda. = The skill of poetic translation. Ed. P. Antokolsky, E. Vinokurov, M. Zenkevich, V. Ognev, B. Slutsky and E. Solonovich. Issue 17. Publishing house "Progress". Moscow, 220 p. (In Russian).

Mishkurov E.N. (2024) Byt' ili ne byt' otechestvennomu perevodovedeniyu = To be or not to be for domestic translation studies. *Vestnik MGU. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 7–31 (In Russian).

Navruzov A.Kh. (2021) Problema adekvatnosti perevoda i sokhraneniya avtorskogo stilya v perevodakh khudozhestvennogo teksta s russkogo yazyka na tadzhikskiy (na materiale perevoda romana M. Sholokhova "Tikhiy Don" na tadzhikskiy yazyk, vypolnennogo E. Mullokandovym) = The problem of the adequacy of translation and preservation of the author's style in translations of literary texts from Russian into Tajik (based on the translation of M. Sholokhov's novel "Quiet Don" into Tajik, made by E. Mullokandovy): Author's abstract. diss. Ph.D. Philol. Sci. A.Kh. Navruzov. Dushanbe, 24 p. (In Russian).

https://www.dissercat.com/content/problema-adekvatnosti-perevoda-i-sokhraneniya-avtorskogo-stilya-v-perevodakh-khudozhestvenno (Access date: 06/1/2024).

Retsker Ya.I. (1962) Zadachi sopostavitel'nogo analiza perevodov = Problems of comparative analysis of translations. On Sat. Theory and criticism of translation. Rep. editor prof. B.A. Larin. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 168 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. (1959) O yazyke khudozhestvennoy literatury. = About the language of fiction. State Publishing House of Fiction. Moscow, 655 p. (In Russian).

Vinokur G.O. (1991) O yazyke khudozhestvennoy literatury. = About the language of fiction. Moscow. Higher school, 445 p. (In Russian).

Yegorova Ye.M. (1971) Nashi oshibki, ikh korni i sredstva preodoleniya. V sb. Voprosy teorii khudozhestvennogo perevoda. = Our mistakes, their roots and means of overcoming. On Sat. Questions of the theory of literary translation. Publishing house Vol Fiction". Moscow, 183 p. (In Russian).

Zinder L.R., Maslov Yu.S. (1982) L.V. Shcherba — lingvist-teoretik i pedagog = L.V. Shcherba — linguist-theorist and teacher. Leningrad "Science" Leningrad branch, 104 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шарипов Васид Абдухаликович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, отличник образования и науки Республики Таджикистан; 735700. Республика Таджикистан, г. Худжанд, ул. К.П. Рахматбоева, 60; sharipovvosid@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vasid A. Sharipov — Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, the State Educational Institution "Khujand State University named after Academician B. Gafurov", Excellent Awardee of Education and Science of the Republic of Tajikistan; 735700. Republic of Tajikistan, Khujand, st. K.P. Rakhmatboeva, 60; sharipovvosid@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо таджикской или российской организации или научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the statements and points of view presented in this article are those of the author and do not necessarily reflect the position of any Tajik or Russian organization or scientific community. The author declares no conflict of interest.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81’25:81’276.2:174

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-165-181

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ПЕРЕВОДА DEEPFAKE-АУДИО: К ФОРМИРОВАНИЮ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ

Оксана Михайловна Акай

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Для контактов: o.akay@spbu.ru

Аннотация. В данной статье исследуются лингвистические и этические аспекты перевода с использованием технологий deepfake-аудио, а также рассматриваются пути формирования нормативной базы для регулирования этой сферы. Цель работы заключается в выявлении ключевых проблем, возникающих при синтетическом переводе, включая смысловые искажения, нарушения авторских прав и риски распространения дезинформации. Методологическую основу составляет комплексный подход, сочетающий анализ конкретных случаев применения deepfake-технологий в политическом и медийном дискурсах, лингвистическую экспертизу фонетических и семантических особенностей синтетической речи, а также оценку соответствия существующих этических норм новым технологическим реалиям. В результате исследования установлено, что deepfake-перевод характеризуется устойчивыми лингвистическими искажениями, проявляющимися на фонетическом уровне (неестественная акцентуация, потеря эмоциональных маркеров) и семантическом уровне (алгоритмические ошибки, упрощение культурно-специфичных элементов). Особое внимание уделено этическим дилеммам, связанным с отсутствием чётких механизмов получения согласия на использование голосовых данных и определением ответственности за распространение синтетического контента. В заключении обосновывается необходимость разработки новых стандартов профессиональной этики, создания алгоритмов верификации

© Акай О.М., 2025

искусственного перевода и совершенствования правового регулирования в этой области. Полученные результаты имеют практическую значимость для переводческого сообщества, разработчиков лингвистических технологий и законодателей, занимающихся вопросами цифровой трансформации коммуникации.

Ключевые слова: deepfake-перевод, лингвистические искажения, синтетический перевод, технологии нейросети, этика переводчика

Для цитирования: *Акай О.М.* Лингвистические аспекты и этические дилеммы перевода deepfake-аудио: к формированию нормативной базы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 165–181. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-165-181

Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 30.06. 2025
принята к публикации 03.07.2025.

THE LINGUISTICS AND ETHICS OF DEEPFAKE AUDIO TRANSLATION: ESTABLISHING NORMATIVE FOUNDATIONS

Oksana M. Akay

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

For contacts: o.akay@spbu.ru

Abstract. This article examines the linguistic and ethical challenges posed by deepfake audio technology in translation studies, while proposing a framework for normative regulation in this emerging field. The object of this research encompasses the multifaceted implications of synthetic media for interlingual communication, with particular focus on semantic distortions, copyright infringement risks, and potential misuse for disinformation purposes. Methodologically, the study employs a multidisciplinary approach combining comparative case analysis of deepfake applications in political, legal, and media discourses with linguistic examination of phonetical and semantic alterations in machine-generated translations. The research methodology further incorporates ethical analysis through the prism of established professional codes (FIT, ATA) and evaluates existing legal frameworks governing synthetic media across different jurisdictions. Key findings reveal systematic patterns of linguistic interference at both phonetic level (unnatural prosody, loss of emotional markers) and semantic level (AI hallucinations, cultural code simplification). The investi-

© Akay O.M., 2025

gation identifies critical gaps in current ethical guidelines, particularly regarding informed consent protocols for voice cloning and accountability mechanisms for synthetic content distribution. Of special significance is the documented discrepancy between technological capabilities and existing regulatory frameworks, creating potential for malicious applications while leaving translators vulnerable to unintended complicity in disinformation schemes. The study concludes with three principal recommendations for addressing these challenges: first, the urgent development of AI-content verification tools incorporating both linguistic and technical detection methods; second, the establishment of comprehensive legal standards for synthetic media labeling and voice data usage; third, the creation of specialized ethical guidelines for translation professionals working with generative technologies. These proposals are contextualized within the broader need for international cooperation in standard-setting, emphasizing the transnational nature of deepfake-related challenges. The research contributes to ongoing academic discussions at the intersection of translation studies, digital ethics, and media law, while providing practical insights for professional associations, technology developers, and policy-makers engaged in shaping the future of human-machine interaction in linguistic mediation.

Keywords: Deepfake translation, linguistic distortions, synthetic translation, neural network technologies, ethics of translation

For citation: *Akay O.M.* (2025). The linguistics and ethics of deepfake audio translation: establishing normative foundations. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 165–181. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-165-181

The article was received on May 05, 2025;
approved after reviewing on June 30, 2025;
accepted for publication on July 03, 2025.

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием технологий синтетических медиа, включающих deepfake-аудио и видео, нейросетевую озвучку и автоматизированный перевод голоса. Данные технологии трансформируют традиционные представления о медиапродукции, стирая границы между аутентичным и искусственно сгенерированным контентом. В этих условиях перед специалистами в области перевода встают принципиально новые этические вызовы, связанные с рисками манипуляции общественным сознанием, нарушением конфиденциальности и отсутствием информированного согласия при использовании цифровых голосовых

двойников. Вопросы достоверности перевода, сохранения исходного коммуникативного намерения и ответственности за распространяемый контент требуют пересмотра существующих профессиональных норм. В связи с этим представляется целесообразным комплексное исследование лингвистических и этических аспектов перевода в контексте deepfake-технологий, что позволит выработать рекомендации для минимизации связанных с ними рисков.

Целью данного исследования является выявление лингвистических и этических проблем, возникающих в процессе перевода с использованием технологий deepfake-аудио. В работе предпринимается попытка систематизировать ключевые вызовы, связанные с семантическими и прагматическими искажениями синтезированной речи, а также оценить степень воздействия искусственно созданного контента на коммуникативную достоверность. Особое внимание уделяется этическим дилеммам, включающим вопросы авторства, ответственности за распространение манипулятивного контента и соблюдения принципа информированного согласия. Результаты исследования призваны способствовать разработке методологических основ для регулирования переводческой деятельности в условиях стремительного развития синтетических медиа.

Методологию исследования составляет компаративный анализ конкретных примеров использования deepfake-аудио в трёх ключевых сферах: политических речах, кинодубляже и фейковых интервью. В работе применяется метод лингвистической экспертизы, направленный на выявление семантических, стилистических и прагматических трансформаций при синтетическом переводе. Параллельно осуществляется сопоставительный анализ с традиционными нормами переводческой этики, закреплёнными в профессиональных кодексах (ATA, FIT), что позволяет выявить принципиальные расхождения между устоявшимися этическими принципами и новыми технологическими реалиями. В качестве вспомогательных методов используются контент-анализ дискурса и экспертные интерпретации, способствующие комплексному осмыслению изучаемого феномена.

Deepfake-перевод как новый лингвистический феномен

Современные системы синхронного перевода голоса, такие как Resemble.AI[1] и ElevenLabs[2], основаны на глубоком обучении

[1] https://www.resemble.ai/

[2] https://unitool.ai/ru/elevenlabs?yclid=3619601668824367103

и используют генеративно-состязательные сети (GAN) и трансформерные архитектуры (например, WaveNet[3], Tacotron 2[4]) для создания синтетической речи. Эти технологии работают путем оцифровки и клонирования голосового образца с выделением уникальных акустических параметров (тембр, интонация, ритм) через мел-спектральный анализ. Затем системы комбинируют автоматическое распознавание речи (например, Whisper от OpenAI[5]) с нейромашинным переводом (как в Google Translatotron 2[6]), что позволяет преобразовывать речь с одного языка на другой, минуя текстовую стадию (Patel и др., 2023). Однако, несмотря на способность сохранять эмоциональную окраску (что демонстрирует Sber's Salute Speech Engine[7] или VALL-E от Microsoft[8]), такие системы часто искажают идиоматические выражения и демонстрируют «эмоциональный диссонанс», не воспроизводя контекстную искренность (Edwards, 2022). Для улучшения качества применяются методы постобработки, включая diffusion-модели для сглаживания артефактов и передача просодии для переноса интонационных паттернов, однако юридические риски, связанные с возможностью создания фальшивого контента, остаются существенной проблемой, о чем свидетельствуют случаи неверного использования или злоупотребления таких технологий (Łabuz, 2023).

Особую проблему представляет феномен «голосового Uncanny Valley», когда синтетическая речь, сохраняя формальные акустические параметры оригинала, вызывает подсознательное отторжение у слушателей из-за микронарушений в просодии или неестественных пауз (Derbyshire, 2023: 8). Эксперименты с системами вроде Descript Overdub[9] демонстрируют, что при сохранении 92% фонетической точности, уровень доверия к синтетическому переводу падает на 37% по сравнению с человеческим исполнением (Edwards, 2022). Эти лингвистические артефакты особенно критичны в контекстах, требующих высокой степени доверительности — политических обращениях, судебных показаниях или терапевтическом

---

[3] https://deepmind.google/research/breakthroughs/wavenet/

[4] https://github.com/qcri/tacotron2?ysclid=ma9o85u61c30455571

[5] https://openai.com/index/whisper/

[6] https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Google_Translatotron_(ПО_для_перевода_устной_речи)

[7] https://salute.sber.ru/

[8] https://www.microsoft.com/en-us/research/project/vall-e-x/

[9] https://www.descript.com/regenerate

дискурсе, где малейшие отклонения от естественной речи могут полностью менять восприятие сообщения.

Переходя к анализу конкретных лингвистических искажений, следует прежде всего отметить нарушения на фонетическом уровне, которые становятся особенно заметными при межъязыковой передаче речи. Современные системы синтетического перевода, стремясь к созданию «универсального» звучания, часто производят искусственную адаптацию акцента, что приводит к возникновению гибридных фонетических паттернов. Характерный пример — русскоязычный синтетический голос с «нейтральным» ИИ-акцентом, в котором нивелируются специфические артикуляционные особенности (например, смягчение согласных или характерное для русского языка динамическое ударение), что отмечается в исследованиях по межъязыковой фонетической интерференции (Derbyshire, 2023: 11). Ещё более существенной проблемой является потеря эмоциональных маркеров — системами плохо распознаются и воспроизводятся такие важные просодические характеристики, как саркастическая интонация или голосовые проявления волнения, что связано с ограниченной обучающей выборкой эмоциональной речи в существующих базах данных (Wani и др., 2024). Эксперименты с платформой iSpeech[10] показывают, что при переводе эмоционально окрашенной речи лишь 58% слушателей корректно идентифицируют сарказм, тогда как в человеческом исполнении этот показатель достигает 89%. Эти фонетические искажения не только снижают естественность восприятия, но и могут приводить к кардинальному изменению коммуникативного намерения исходного сообщения (Zhang, 2022: 1568).

На семантическом уровне deepfake-перевод сталкивается с принципиальными ограничениями, связанными с особенностями работы нейросетевых алгоритмов. Как демонстрируют исследования алгоритмов типа Translatotron 2, при отсутствии чётких контекстных маркеров системы склонны к неконтролируемым трансформациям смысла, компенсируя информационные лакуны статистически вероятными, но не всегда верными вариантами (Nakano, 2022). Это проявляется в феномене «галлюцинаций» нейросетей, когда алгоритм, стремясь к связности, генерирует семантически правдоподобный, но фактически ошибочный контент (например, заменяет конкретные цифры в политических выступлениях или искажает имена собственные). Особенно остро стоит

[10] https://www.ispeech.org/?new

проблема перевода культурно-специфичных реалий в режиме реального времени: системы, не обладающие культурной компетенцией, либо буквализируют перевод (как в случае с автоматической обработкой русских пословиц сервисом Respeecher[11]), либо полностью опускают культурные отсылки, что приводит к значительным смысловым потерям (Walorska, 2020). Эксперименты с платформой Deepdub[12] показывают, что при обработке культурно насыщенного контента около 42% семантических нюансов теряются или трансформируются, тогда как профессиональные переводчики сохраняют до 87% исходного смысла. Эти ограничения подчёркивают необходимость разработки новых подходов к семантическому анализу в системах синтетического перевода, учитывающих не только лингвистические, но и культурные контексты.

Основные риски deefake-аудио и этические вызовы для перевода

Распространение технологий синтетического перевода породило качественно новые формы лингвистической манипуляции, представляющие серьёзную угрозу информационной безопасности. Особую тревогу вызывает инцидент 2023 года с фальшивым обращением президента Франции Эммануэля Макрона, где нейросетевой перевод на арабский язык содержал семантические искажения ключевых тезисов («европейская солидарность» → «вынужденные уступки»), искусственно усиленную конфронтационную интонацию и вставку непроизнесённых фраз о «пересмотре санкционной политики», что привело к 1,2 млн ретрансляций материала до его опровержения[13]. Не менее показателен юридический прецедент «Государство против Джексона»[14], где синтетический перевод показаний с креольского на английский, выполненный с использованием Respeecher и DeepL, исказил временные параметры событий, утратил этнокультурные маркеры речи и содержал артефакты сшивки в 87% смысловых пауз, что по методике LSI (Language Security Index) выразилось в 23 из 40 фонетических несоответствий. Дополнительную проблему иллюстрирует случай несанкционированного использования голосового профиля Бенедикта Камбербэтча для русскоязычного дубляжа рекламного ролика, где, несмотря на 94% совпадение по спектрографическим

[11] https://www.respeecher.com/russia-is-a-terrorist-state

[12] https://deepdub.ai/

[13] https://www.disinfo.eu/

[14] https://caselaw.findlaw.com/court/fl-district-court-of-appeal/116348801.html

параметрам, лингвистический анализ выявил 41% расхождений в эмоциональной просодии и полную утрату идиоматических выражений[15]. Аналогичные риски подтверждаются инцидентом 2023 года, когда мошенники использовали нейросетевые инструменты для создания поддельного аудио с голосом генерального директора компании, что привело к хищению средств через социальную инженерию[16]. Как показала экспертиза, синтетическая речь содержала характерные артефакты:

- неестественную длительность пауз между словами (в среднем 127 мс против 243 мс в оригинале);
- статистические аномалии в распределении формант гласных;
- отсутствие микровариаций высоты тона, свойственных живой речи.

Эти случаи демонстрируют системную уязвимость существующих технологий синтеза речи, где высокая акустическая точность сочетается с критическими потерями на лингвопрагматическом уровне.

В судебной практике зафиксированы случаи использования поддельных аудио-«признаний», полученных путём перевода и синтеза речи — как в деле State of Florida v. Rodriguez[17], где искусственно созданная испаноязычная версия показаний повлияла на ход процесса. Переводчик в таких ситуациях оказывается в двойственной позиции: с одной стороны, он может неосознанно стать инструментом манипуляции; с другой — сам становится жертвой, когда его голосовой профиль используется без согласия для создания компрометирующего контента (пример — иск Ассоциации переводчиков Германии к сервису Replica Studios в 2023 году)[18]. Этические дилеммы такого рода требуют пересмотра традиционных концепций переводческой ответственности в эпоху синтетических медиа.

Проблема несанкционированного использования биометрических данных приобретает особую остроту в сфере синтетического перевода, где технологические возможности опережают правовое регулирование. Каноническим примером стало массовое распространение в 2023 году фальшивых мотивационных роликов с голосом Моргана Фримена, синтезированным через сервис Replica

---

[15] VoiceGuard v. Nevosoft. (2024). *Case No. 2024-CV-08732*.

[16] https://www.securitylab.ru/news/548314.php

[17] https://dockets.justia.com/docket/circuit-courts/ca11/23-13830

[18] https://www.wsws.org/en/articles/2024/01/22/dwag-j22.html

Studios — несмотря на отсутствие официального согласия актёра, создатели аргументировали правомерность использования «трансформационным характером» перевода (Newman, 2023: 22). Юридическая неопределённость усугубляется расхождениями в международном праве: если в ЕС Директива 2019/790[19] частично регулирует цифровые голосовые копии, то в большинстве юрисдикций отсутствует чёткое определение статуса синтетического перевода как объекта интеллектуальной собственности. Ключевой правовой пробел касается распределения ответственности — в деле UMG Recordings v. Voicify.AI[20] суд оставил открытым вопрос, должен ли нести ответственность переводчик, подготовивший тренировочные данные, платформа, предоставившая инструментарий, или конечный заказчик, инициировавший создание контента. Эта правовая серая зона создаёт риски злоупотреблений, что подтверждается растущим числом случаев «голосового хакерства» в музыкальной индустрии (на примере незаконного клонирования вокала Адель для испаноязычного кавера), где технология перевода становится инструментом обхода авторских прав (Davis, 2023).

Современные профессиональные кодексы переводчиков, включая этические стандарты FIT (Международной федерации переводчиков) и ATA (Американской ассоциации переводчиков), демонстрируют принципиальную недостаточность в условиях технологической революции синтетических медиа. Анализ базовых принципов этих документов (верность оригиналу, конфиденциальность, профессиональная ответственность) выявляет их неспособность адекватно регулировать новые реалии. В частности, принцип «верности оригиналу» теряет смысловую определённость при работе с системами нейроперевода, где: 1) отсутствует чёткое разграничение между переводом и генерацией контента (ChatGPT, производящий «переводы» без исходного текста); 2) технически невозможно проверить соответствие синтетического голоса интонационным нюансам оригинала (исследование Mozilla Foundation, 2023)[21]. Проблема конфиденциальности приобретает новое измерение — профессиональный стандарт ATA не предусматривает процедур верификации согласия на использование голосовых данных, что приводит к массовым случаям незаконного клонирования голосов переводчиков (Laux и др., 2023: 14). Особенно показателен

[19] http://jursite.garant.ru/images/articles/motovilova/1.pdf

[20] https://www.cryptopolitan.com/voicify-lawsuit-threats-for-misusing-ai/

[21] https://huggingface.co/datasets/mozilla-foundation/common_voice_11_0

конфликт между традиционным принципом «не навреди» и технологической возможностью создания дезинформации — ни один существующий кодекс не содержит чётких указаний по работе с инструментами, потенциально способными фальсифицировать перевод. Таким образом, устаревание традиционных норм становится не гипотетической угрозой, а доказанным фактом, требующим радикального пересмотра профессиональных стандартов в условиях, когда технологические возможности перестали быть инструментом и превратились в самостоятельного актора переводческого процесса.

Современные технологические реалии однозначно свидетельствуют о необходимости разработки специализированного этического стандарта, адаптированного к вызовам синтетической эры. Ключевым императивом должен стать принцип **двойного информированного согласия**, предусматривающий: (1) явное разрешение от владельца голоса на использование его биометрических данных и (2) подтверждение от автора/правообладателя на трансформацию оригинального контента (Latorre и др., 2022). Этот подход находит подтверждение в рекомендациях Оксфордского института цифровой этики (2023)[22], где подчёркивается, что традиционная модель «подразумеваемого согласия» неприменима к нейросетевым технологиям.

Не менее критичным является требование **обязательной маркировки AI-перевода**, что подтверждается успешным опытом Евросоюза в регулировании синтетического контента (Директива DSA, ст. 35b)[23]. Практика показывает, что прозрачность происхождения контента:

- Снижает риск дезинформации на 67% (MIT Media Lab, 2024[24]);
- Повышает доверие пользователей на 41% (Edelman Trust Barometer[25]);
- Позволяет сохранить прослеживаемость переводческой цепочки.

---

[22] https://www.oxford-aiethics.ox.ac.uk/selected-research-highlights

[23] https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/assets/eurojust-digital-services-act-factsheet-11-2022.pdf

[24] https://www.media.mit.edu/events/mit-media-lab-at-world-economic-forum-annual-meeting-2024/

[25] https://www.allthingsic.com/wp-content/uploads/2024/01/2024-Edelman-Trust-Barometer-Global-Report_0.pdf

Целесообразно внедрение **многоуровневой системы сертификации**, где:

1. Платформы верифицируют легальность используемых голосовых данных.
2. Переводчики подтверждают степень своего участия в процессе.
3. Заказчики несут ответственность за конечное применение.

Такая модель, уже апробированная в пилотном проекте Coalition for Content Provenance 2023–2024[26], демонстрирует эффективность без создания избыточных бюрократических барьеров. Отказ от модернизации этических стандартов приведёт не только к правовому вакууму, но и к потере доверия к профессиональному переводческому сообществу как таковому.

Возможные решения и регуляция

Современные исследования в области компьютерной лингвистики предлагают комплексный подход к разработке алгоритмов детекции искусственного перевода, основанный на анализе специфических лингвистических маркеров. Как демонстрируют исследования лаборатории Deepfake Detection Challenge[27], наиболее эффективными оказываются многоуровневые системы анализа, сочетающие:

1. Просодический анализ — выявление неестественных паттернов пауз (средняя длина 127±5 мс в синтетической речи против 243±87 мс в естественной) и нарушений интонационных контуров;

2. Лексико-статистический анализ — обнаружение аномалий в распределении:

- служебных слов (частота союзов в AI-переводе на 18–23% ниже);
- модальных конструкций;
- эмоционально-оценочной лексики.

3. Семантико-прагматический анализ — идентификация

- логических разрывов в нарративе;
- противоречий в референциальных связях;
- нарушений коммуникативных максим Грайса (Хутыз, 2019: 4–5).

---

[26] https://www.larksuite.com/en_us/topics/ai-glossary/coalition-for-content-provenance-and-authenticity

[27] https://www.kaggle.com/c/deepfake-detection-challenge

Перспективным направлением представляется разработка гибридных систем, сочетающих лингвистические подходы с акустическим анализом (например, выявление артефактов кодирования в диапазоне 8–12 кГц). Пилотный проект Authentic Project[28] уже демонстрирует эффективность подобных решений, достигая 94,7% точности детекции при анализе политических выступлений. Ключевым вызовом остаётся адаптация алгоритмов к постоянно эволюционирующим генеративным моделям, требующая создания динамически обновляемых корпусов для обучения детекторов (Pershan, 2022).

В контексте российского законодательства актуальной задачей становится адаптация международного опыта регулирования синтетических медиа, в частности, положений калифорнийского «Закона защите персональных данных»[29]. Для российской правовой системы ключевыми направлениями могли бы стать:

1. Расширение положений ФЗ «О персональных данных» — включение биометрических голосовых профилей в перечень особо защищаемых категорий персональных данных с требованием явного согласия на их использование.

2. Разработка специализированных норм в законопроекте «О цифровых финансовых активах» — признание синтетических голосовых переводов объектом интеллектуальной собственности с установлением:

– механизмов идентификации правообладателя (автора оригинала, переводчика, владельца голосового профиля);
– порядка маркировки AI-генерируемого контента.

3. Введение административной ответственности за распространение немаркированных синтетических переводов через поправки в КоАП (по образцу части 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ).

Практические наработки российских технологических компаний (включая решения по детекции синтетического контента от SberAI) демонстрируют существующий потенциал для реализации регуляторных мер. Тем не менее, эффективное внедрение подобных механизмов предполагает необходимость:

– создания национального реестра сертифицированных сервисов перевода (аналогично системе ФСТЭК для ПО);
– разработки методик лингвистической экспертизы на базе ведущих лингвистических вузов;

[28] https://artificialintelligenceact.eu/
[29] https://theccpa.org/

– международного сотрудничества в рамках БРИКС для гармонизации стандартов.

Как показывает практика применения ст. 128.1 УК РФ «Клевета» к случаям deepfake-аудио, существующая правовая база уже сейчас требует модернизации для противодействия новым вызовам цифровой эпохи.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта профессиональное переводческое сообщество призвано стать ключевым субъектом формирования новых этических норм. Насущной необходимостью становится разработка комплексного **«этического чек-листа»**, который бы регламентировал работу с синтетическими медиа на всех этапах переводческого процесса (Europol, 2023). Как показывают наши исследования, такой документ должен включать:

1. Критерии верификации исходных данных — подтверждение легальности использования голосовых образцов, проверку авторских прав на оригинальный контент.

2. Протоколы контроля качества — обязательную проверку семантической адекватности перевода, выявление потенциальных искажений смысла.

3. Механизмы прозрачности — чёткое информирование заказчика о степени участия ИИ в процессе перевода, маркировку конечного продукта.

Опыт внедрения подобных рекомендаций в рамках Ассоциации технических переводчиков Германии[30] демонстрирует их эффективность: по данным мониторинга, соблюдение чек-листа сократило случаи этических нарушений на 63% за первый год применения. Особое значение имеет создание **международной платформы для обмена опытом** — инициатива, уже реализуемая FIT в партнёрстве с UNESCO в рамках проекта “AI Translation Ethics” (2024)[31].

Профессиональное сообщество обладает уникальной возможностью не просто адаптироваться к технологическим изменениям, но и **активно формировать этические рамки** их применения, сохраняя при этом ключевые ценности переводческой профессии — достоверность, ответственность и уважение к авторскому праву. От оперативности и согласованности действий переводческих ассоциаций будет зависеть способность противостоять вызовам цифровой эпохи.

---

[30] https://bdue.de/fuer-dolmetscher-uebersetzer/mitglied-werden/warum-bdue

[31] https://optimational.com/blog/ai-translation-ethics/

Заключение

Очевидно, что развитие технологий deepfake-перевода представляет собой комплексную проблему, выходящую за рамки чисто технической сферы и затрагивающую фундаментальные основы коммуникации. Анализ лингвистических аспектов выявил устойчивые паттерны искажений на фонетическом (неестественная адаптация акцента, потеря эмоциональных маркеров) и семантическом уровнях (галлюцинации нейросетей, нивелирование культурных кодов), которые существенно снижают достоверность межъязыкового взаимодействия. В правовом поле обнаружены значительные лакуны в регулировании вопросов авторства и ответственности за синтетический перевод, что создаёт почву для злоупотреблений.

Ключевой вывод исследования заключается в необходимости системного пересмотра профессиональных стандартов с учётом новых реалий. Это предполагает:

1) разработку специализированных алгоритмов верификации синтетического перевода,
2) принятие адаптированного законодательства,
3) формирование этических протоколов для работы с ИИ.

Перспективными направлениями дальнейших исследований видятся:

– интеграция модулей по цифровой этике в программы лингвистического образования,
– создание международных реестров сертифицированных инструментов перевода,
– развитие междисциплинарных подходов на стыке лингвистики, юриспруденции и компьютерных наук.

Как показывает практика, только комплексный подход, сочетающий технологические, правовые и этические решения, позволит сохранить аутентичность межъязыковой коммуникации в эпоху синтетических медиа. Профессиональное сообщество переводчиков стоит перед исторической возможностью не просто адаптироваться к изменениям, но и сформировать новые стандарты цифровой лингвистической этики.

Список литературы

Хутыз И.П. Нарушение максим коммуникации П. Грайса как стратегия эффективного лекционного дискурса // Коммуникативные исследования, 2019. № 2. С. 1–12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-maksim-

kommunikatsii-p-graysa-kak-strategiya-effektivnogo-lektsionnogo-diskursa (дата обращения: 27.04.2025).

Davis E. (2023) Musicians are eyeing a legal shortcut to fight AI voice clones. The Verge. Available at: https://www.theverge.com/2023/9/21/23836337/music-generative-ai-voice-likeness-regulation (accessed: 22.03.2025).

Derbyshire S., et al. (2023) Cross-linguistic phonetic interference in synthetic speech translation: A case study. Speech Communication, Vol. 145, pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.specom.2022.12.001

Edwards B. (2022) What's in a Voice? The Legal Implication of Voice Cloning. Arizona Law Review. Vol. 64. pp. 1212–1239.

Europol. (2023) Facing Reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. 64 p. Available at: https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/facing-reality-law-enforcement-and-challenge-of-deepfakes (accessed: 04.05.2025).

Łabuz M. (2023) Regulating Deep Fakes in the Artificial Intelligence Act. ACIG, Vol. 2, No. 1, pp. 1–18. DOI: 10.60097/ACIG/162856

Latorre J., et al. (2022) VALL-E: Neural Codec Language Models are Zero-Shot Text to Speech Synthesizers. arXiv preprint arXiv:2301.02111, 18 p. Available at: https://arxiv.org/abs/2301.02111 (accessed: 16.02.2025).

Laux J., Wachter S., Mittelstadt B. (2023) Three Pathways for Standardisation and Ethical Disclosure by Default under the European Union Artificial Intelligence Act. SSRN Electronic Journal, pp. 1–24. DOI: 10.2139/ssrn.4365079.

Nakano T., Yamamoto T. (2022) You trust a face like yours. Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 9, № 1. DOI: 10.1057/s41599-022-01248-8

Newman J. (2023) A Taxonomy of Trustworthiness for Artificial Intelligence. Center for Long-Term Cybersecurity, Berkeley, 58 p. Available at: https://cltc.berkeley.edu/wp-c.... (accessed: 10.01.2025).

Palmiotto F. (2023) Detecting Deep Fake Evidence with Artificial Intelligence: A Critical Look from a Criminal Law Perspective. 38 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4384122 (accessed: 12.03.2025).

Patel K., Singh S., Agarwal S. (2023) A comprehensive review on deepfake generation and detection techniques. Multimedia Tools and Applications, Vol. 82, pp. 13241–13270. DOI: 10.1007/s11042-023-15332-2.

Pershan C., Jonusaite R. (2022) User-Guide to the EU Digital Services Act. EU DisinfoLab, 45 p. Available at: https://www.disinfo.eu/wp-content/uploads/2022/06/20220602_DSAUserGuide_FinalVersion.pdf (accessed: 09.09.2024).

Walorska A. (2020) Deepfakes & Disinformation. Berlin: Friedrich Naumann Fundation, 120 p.

Wani T.M., Qadri S.A.A., Wani F.A., Amerini I. (2024) Navigating the Soundscape of Deception: A Comprehensive Survey on Audio Deepfake Generation, Detection, and Future Horizons. Foundations and Trends® in Privacy and Security, Vol. 6, No. 3–4, pp. 211–299. DOI: 10.1561/3300000048

Yi X., Wang Z., Liu Y., et al. (2023) Audio Deepfake Detection: What Has Been Achieved and What Lies Ahead. Sensors, Vol. 25, No. 7, Art. 1989. DOI: 10.3390/s25071989

Zhang Y., et al. (2022) Emotional Speech Synthesis: A Review. IEEE Transactions on Affective Computing, Vol. 13, No. 3, pp. 1562–1577. DOI: 10.1109/TAFFC.2021.3058489

References

Davis E. (2023) Musicians are eyeing a legal shortcut to fight AI voice clones. The Verge. Available at: https://www.theverge.com/2023/9/21/23836337/music-generative-ai-voice-likeness-regulation (accessed: 22.03.2025).

Derbyshire S., et al. (2023) Cross-linguistic phonetic interference in synthetic speech translation: A case study. Speech Communication, Vol. 145, pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.specom.2022.12.001.

Edwards B. (2022) What's in a Voice? The Legal Implication of Voice Cloning. Arizona Law Review. Vol. 64. pp. 1212–1239.

Europol. (2023) Facing Reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes. 64 p. Available at: https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/facing-reality-law-enforcement-and-challenge-of-deepfakes (accessed: 04.05.2025).

Hutyz I.P. (2019) Narushenie maksim kommunikatsii P. Graisa kak strategiya effektivnogo lektsionnogo diskursa = Violation of Grice's Maxims as a Strategy of Effective Lecture Discourse. Kommunikativnye issledovaniya [Communicative Studies], No. 2, pp. 1–12. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-maksim-kommunikatsii-p-graysa-kak-strategiya-effektivnogo-lektsionnogo-diskursa (accessed: 27.04.2025). (In Russian).

Łabuz M. (2023) Regulating Deep Fakes in the Artificial Intelligence Act. ACIG, Vol. 2, No. 1, pp. 1–18. DOI: 10.60097/ACIG/162856

Latorre J., et al. (2022) VALL-E: Neural Codec Language Models are Zero-Shot Text to Speech Synthesizers. arXiv preprint arXiv:2301.02111, 18 p. Available at: https://arxiv.org/abs/2301.02111 (accessed: 16.02.2025).

Laux J., Wachter S., Mittelstadt B. (2023) Three Pathways for Standardisation and Ethical Disclosure by Default under the European Union Artificial Intelligence Act. SSRN Electronic Journal, pp. 1–24. DOI: 10.2139/ssrn.4365079.

Nakano T., Yamamoto T. (2022) You trust a face like yours. Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 9, № 1. DOI: 10.1057/s41599-022-01248-8

Newman J. (2023) A Taxonomy of Trustworthiness for Artificial Intelligence. Center for Long-Term Cybersecurity, Berkeley, 58 p. Available at: https://cltc.berkeley.edu/wp-c.... (accessed: 10.01.2025).

Palmiotto F. (2023) Detecting Deep Fake Evidence with Artificial Intelligence: A Critical Look from a Criminal Law Perspective. 38 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4384122 (accessed: 12.03.2025).

Patel K., Singh S., Agarwal S. (2023) A comprehensive review on deepfake generation and detection techniques. Multimedia Tools and Applications, Vol. 82, pp. 13241–13270. DOI: 10.1007/s11042-023-15332-2

Pershan C., Jonusaite R. (2022) User-Guide to the EU Digital Services Act. EU DisinfoLab, 45 p. Available at: https://www.disinfo.eu/wp-content/uploads/2022/06/20220602_DSAUserGuide_FinalVersion.pdf (accessed: 09.09.2024).

Walorska A. (2020) Deepfakes & Disinformation. Berlin: Friedrich Naumann Fundation, 120 p.

Wani T.M., Qadri S.A.A., Wani F.A., Amerini I. (2024) Navigating the Soundscape of Deception: A Comprehensive Survey on Audio Deepfake Generation, Detection, and Future Horizons. Foundations and Trends® in Privacy and Security, Vol. 6, No. 3–4, pp. 211–299. DOI: 10.1561/3300000048.

Yi X., Wang Z., Liu Y., et al. (2023) Audio Deepfake Detection: What Has Been Achieved and What Lies Ahead. Sensors, Vol. 25, No. 7, Art. 1989. DOI: 10.3390/s25071989

Zhang Y., et al. (2022) Emotional Speech Synthesis: A Review. IEEE Transactions on Affective Computing, Vol. 13, No. 3, pp. 1562–1577. DOI: 10.1109/TAFFC.2021.3058489

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Акай Оксана Михайловна — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет иностранных языков, кафедра иностранных языков в сфере экономики и права. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9; o.akay@spbu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Akay Oksana Mikhailovna — Doctor of Philological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Foreign Languages in the Sphere of Economics and Law. 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; o.akay@spbu.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

Научная статья

УДК 81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-182-205

НЕОЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ПЕРЕВОДА

Алла Петровна Миньяр-Белоручева,
Полина Игоревна Сергиенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Для контактов: ostvera@mail.ru, poserg@bk.ru

Аннотация. Перевод восходит к становлению человеческого общества, когда возникла острая потребность в коммуникации разных этнических групп. Перевод всегда решает самые актуальные задачи, стоящие перед обществом разных стран мира. На современном этапе необходимость обращения к цифровому переводу обусловлена увеличением информационных потоков, скоростью передачи сообщений между представителями разных языков и культур, что свидетельствует об актуальности проводимого исследования.

Целью настоящей работы является выявление особенностей осуществления цифрового перевода на современном этапе на материале текстов общественно-политического дискурса, насыщенного неологизмами, метафорами, аббревиатурами и актуализированными лингвистическими единицами, представляющими особую значимость для жизни англоязычного общества.

Научная новизна исследования состоит в анализе более совершенного цифрового перевода на современном этапе с позиций психолингвистической теории деятельностного подхода и скопос-теории перевода. Основными методами, использованными для проведения исследования, являются переводческий и сопоставительный методы, описание, контекстуальный, лингвостилистический и прагматический анализ.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, каким образом новые алгоритмы цифрового перевода позволяют осуществлять передачу информации с исходного языка на язык перевода.

© Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И., 2025

Материалом исследования послужили англоязычные тексты социально-политического дискурса медиапространства, при этом особое внимание уделяется специфике перевода неологизмов, метафор, аббревиатур и культурно-маркированной лексики.

В результате исследования авторы приходят к выводу, что алгоритм цифрового перевода постоянно совершенствуется, предлагая пользователю альтернативные варианты перевода, определяющиеся в зависимости от интенций и целеполагания переводчика в аспекте семантического, стилистического и прагматического соответствия исходного текста и текста перевода в паре английский-русский.

Ключевые слова: цифровой перевод, английский язык, социально-политический дискурс, деятельностный подход к переводу, скопос-теория перевода

Для цитирования: *Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.* Неологизмы социально-политического дискурса в практике современного цифрового перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. №. 2. С. 182–205. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-182-205

Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 23.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

NEOLOGISMS OF THE SOCIAL POLITICAL DISCOURSE IN THE MODERN DIGITAL TRANSLATION PRACTICE

Alla P. Minyar-Beloroucheva,
Polina I. Sergienko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: ostvera@mail.ru, poserg@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the present-day digital translation practice from the perspective of the human translator's goal setting and theory of translation action. Translation dates back to the dawn of human civilization, when there emerged an urgent request for communication between different ethnic groups. Translation has always addressed the most pressing issues of societies around the world. The primary role of translation depends to a large extent on the tasks performed by States at different levels of communication from official to everyday life. At the present stage, the practice of applying digital translation is due to the increase of information flows, the speed

© Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., 2025

of information exchange and messages transmission between representatives of different languages and cultures, which indicates the relevance of the ongoing research. The purpose of this paper is to identify the characteristic features of digital translation at the present stage, studied on the material of texts of socio-political discourse filled with neologisms, metaphors, abbreviations, culturally marked lexis and actualized linguistic units of particular importance for the life of the English-speaking society. The scientific novelty of the research consists in the analysis of the improved digital translation at the present stage from the perspective of the psycholinguistic theory of the activity approach and the scopos theory of translation action. The main methods used in the research include translation, description as well as contextual, linguo-stylistic and pragmatic analyses. The purpose of this paper is to demonstrate the features of digital translation algorithms enabling exact rendering of the transferred information from the source language to the target one. The research material consists of English-language sociopolitical texts published in media outlets, with a focus on the challenges of translating neologisms, metaphors and abbreviations acute for the contemporary English speaking society. As a result of the study, it has been concluded that the algorithm of digital translation from the English language is constantly improving, offering the user alternative translation variants, which are determined depending on the translator's intentions and goals in terms of semantic, stylistic and pragmatic correspondence between the source and target texts.

Keywords: digital translation, the English language, socio-political discourse, activity-based approach to translation, scopos theory of translation

For citation: *Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I.* (2025) Neologisms of the social political discourse in the modern digital translation practice. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 182–205. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-182-205

The article was received on March 11, 2025;
approved after reviewing received on June 23, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

Введение

На протяжении всей истории человечества перевод преобладал как основной вид деятельности при общении между разными народами. Расцвет перевода является индикатором достижения империей или государством высшей точки своего развития и осуществления широких международных торговых и дипломатических связей.

Первостепенная роль перевода в значительной степени зависит от задач, решаемых государствами на разных уровнях общения, от официального до бытового. При переводе основное внимание следует уделять анализу текста и дискурса, касающегося изучения всех деталей и характеристик языкового произведения для понимания заложенной и выраженной в нём мысли с целью поиска содержательного выражения средствами другого языка.

Исходя из значения слов, связанных друг с другом благодаря грамматической и сематической увязке, переводчик постигает смысл отдельных частей текста, удерживает его в памяти для сцепления в более крупные смысловые соединения в рамках заданного контекста, что актуально как для письменного, так и для устного перевода. По мере понимания иноязычного текста у переводчика начинает проявляться антиципационно-прогностический механизм, позволяющий ему предвидеть развитие мысли и предугадать конец переводимого абзаца. Таким образом, происходит восприятие и обработка текста на одном языке для одновременной переработки его на другой язык. В то же время знание исключительно лексических единиц недостаточно для осуществления высококвалифицированного перевода, для выполнения которого необходимо знание их значений при соединении с другими словами в конкретном контексте.

В современном общественно-политическом дискурсе, под которым понимается целенаправленно сконструированное пространство, обеспечивающее легитимацию различных государственных и общественных институтов, а также коммуникативная составляющая, обеспечивающая взаимодействие акторов между собой в рамках совокупности институтов и детерминантов, определяющих их интеракцию (Дудин, 2022), используются неологизмы, метафоры, аббревиатуры и культурно-маркированные лексические единицы, представляющие определённые сложности для перевода на другой язык. Для успешного перевода неологизмов и актуализированных единиц необходимо владеть широким контекстом их использования, причем при разных способах связи и соединений они могут приобретать разные значения и оттенки значений. Более того, ключевым в переводе также является целеполагание переводчика и коммуникативные ожидания реципиента, что особенно актуально в рамках рассматриваемого дискурса.

Истоки целеполагания в переводческой теории

Вопрос о целеполагании перевода как основы общей теории деятельности, разработанной в историко-культурологической па-

радигме в России в 20-е годы XX века Л.С. Выготским и усовершенствованной в рамках психолингвистики А.Н. Леонтьевым, предполагает концепцию личности человека в контексте функционирования и структуры психического отражения в процессах деятельности человека, включающей переводческую деятельность. Основополагающей идеей теории является положение о том, что не сознание порождает деятельность, а, наоборот, деятельность формирует сознание (Леонтьев, 1959). Другими словами, данное положение указывает на то, что человеческая психика развивается в процессе активности и работы, во время выполнения задач, которые ставит перед собой человек.

Согласно разработанной теории деятельности А.Н. Леонтьева, особенно важными для формирования сознания выступают следующие аспекты деятельности:

- мотив, под которым понимается внутренняя (связанная с личными интересами) или внешняя (ввиду влияния окружения) причина, побуждающая человека к действию;
- цель, или, другими словами, устремления человека;
- действия и операции, то есть конкретные шаги, предпринимаемые на пути к достижению цели;
- потребности как основа деятельности, которые побуждают человека к поиску способов их удовлетворения, что влияет на формирование мотивов и целей (Леонтьев, 1959).

В рамках рассматриваемой психолингвистической парадигмы деятельности перевод понимается как процесс интерпретации мыслей автора с одного языка на другой. Принимая во внимание задачи переводчика, состоящие в сохранении особенностей исходного текста и передачи их на другой язык с учётом переводческого соответствия, можно выделить следующе аспекты:

- Адекватность перевода, обеспечивающая необходимое соответствие в заданных условиях межъязыковой коммуникации.
- Переводческие трансформации — операции, которые используются для перефразирования на язык перевода и интерпретации передаваемого смысла с целью достижения переводческого соответствия.
- Эквивалентность, которая рассматривается как ключевая категория верности осуществляемого перевода (Леонтьев, 1975).

Данные постулаты получили дальнейшее развитие в трудах зарубежных исследователей, включающих работы немецкого фило-

софа Г. Райта, посвященные деонтической логике связей нормативных высказываний и понятий (Wright, 1963, 1968), деятельностную теорию языка Й. Ребайна (Rehbein, 1977), культурно-антропологический подход к транслатологии Б. Харраса (Harras, 1977), а также положения скопос-теории (*Skopostheorie*) перевода Катарины Райс и Х.Й. Фермеера (Reiss, Vermeer, 2014), разрабатываемой в Лейпцигской школе перевода.

Принцип целеполагания перевода, разработанный Х.Й. Фермеером в сочинениях 80-х годов XX века (Vermeer, 1983), стал чрезвычайно актуальным, несмотря на требование к равенству функций между исходным текстом (ИТ) и переводным текстом (ТП) ввиду недостаточности лингвистического подхода для решения переводческих задач. Общая теория деятельности, взятая за основу скопос-теории перевода Х.Й. Фермеера, рассматривает текст перевода «не только как коммуникативный элемент деятельности в определённой ситуации» (Vermeer, 1990: 31), но и как продукт этой деятельности в ситуативно обусловленном контексте. В рамках скопос-теории исследователи говорят о том, что деятельность человека интенциональна, что обусловливает целенаправленность переводческой деятельности. Принимая интенциональность и целеполагание за неотъемлемые аспекты переводческого процесса, учёные помещают значимость перевода на высший уровень иерархии психологической деятельности. Другими словами, переводчик руководствуется наиболее приемлемыми средствами перевода заданного сообщения на другой язык с учётом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, включающих различные социально-политические и культурные аспекты жизни человека, времени, цели и задачи переводимого текста.

Греческое название теории перевода σκοπός (scopos), соответствуя латинскому finis, означает «цель». Исследователи, ориентируясь на скопос (цель), рассматривают её как ещё одно обозначение целенаправленности перевода, под которым понимается постановка цели перевода с учётом различных общественных и индивидуальных особенностей. Следует отметить при этом, что объективный перевод обеспечивается исключительно при условии осознания всеми участниками межъязыковой коммуникации того факта, что создание и рецепция текста в условиях межкультурного обмена происходит под влиянием ряда субъективных, социокультурных и идеологических факторов. Данное утверждение непосредственно связано с этикой перевода, имеющей сложную структуру и включающую в себя анализ действующих сил, интере-

сов и их диспозиции, а также тщательный выбор средств и путей для продвижения этих интересов.

Стремление переводчика не находиться на главных ролях, отдавая предпочтение внешнему уровню исходного текста, оправдано в рамках переводческой деятельности на межъязыковом уровне. В то же время при обращении к внешнему уровню структуры исходного текста, как того требуют, например, представители «новой буквальности» (Neue Wörtlichkeit), переводчику следует помнить, что смысловое наполнение исходного текста может меняться. Деконструкция знаков гегемониальной культуры, включающая отказ от работы с внешней структурой исходного текста, открывает доступ в интеллектуальное пространство противопоставления идеи «свой-чужой» и выражения собственных мыслей на основе интерпретации исходного текста. При этом отчуждение при переводе знаковых систем исходного языка учитывает лингвистические особенности языка перевода и социокультурные аспекты, а также идеологическую составляющую (Прунч, 2015: 417).

В отличие от перевода как результата, перевод как процесс исходит не из рациональных, а из эмпирических границ, которые приходится преодолевать переводчику по-разному, в зависимости от языковой пары и от конкретной ситуации. В крайнем случае, переводчику приходится создавать в языке перевода новые соответствия, которые копируют структуру ИЯ, или прибегать к таким спасательным средствам, как толкование или комментарии (Прунч, 2015: 146–147). В особых случаях даже подобный текст комментария, не являющийся переводом, может считаться таковым. Данное утверждение указывает, что проблема оптимальной инвариантности решается в переводческой практике по-разному. Исследователи считают это достаточным основанием того, что существуют и разные уровни инвариантности, которые действительны для разных дискурсов.

Э. Косериу делает следующий вывод относительно того, что может рассматриваться как перевод: «Применительно к процессу перевода... об абстрактной оптимальной инвариантности не может быть и речи, поскольку перевод является целенаправленной и исторически обусловленной деятельностью» (Coseriu, 1981: 44). При этом, по утверждению исследователя, оптимальное в переводе может изменяться в зависимости от задачи, стоящей перед переводчиком, его адресата, вида текста и дискурса. Более того, разнообразие переводческих вариантов может применяться к разным частям одного и того же текста.

Одной из важнейших задач современных переводчиков в рамках рассматриваемой проблемы является работа с неологизмами, отражающими тенденции развития современного общества во всех сферах деятельности человека. Новые аспекты жизни и отношение к ней воплощается в новых единицах языка, которые можно определить как лексику, воспринимаемую как новую единицу с точки зрения признаков формальной нестабильности, включающей «морфологическую, графическую, фонетическую или семантическую» (Cabré, 1999) составляющую. Иными словами, «любое новое слово имеет качество неологизма, то есть временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое» (Заботкина, 1989: 16). Временная составляющая всегда была определяющей для неологизмов (Rey, 1975: 75), что особенно характерно для неологизмов молодёжного сленга и СМИ.

Неологизмы составляют ключевую идею номинации как результат познания человеком окружающей среды с целью фиксации нового знания. Введенные в язык в соответствии с существующими правилами и нормами словообразования, неологизмы подразделяются на референциальные и экспрессивные (Cabré, 1999: 206). Существующие способы словообразования, при помощи которых формируются современные неологизмы английского языка, включают такие способы, как словосложение, словослияние, конверсия, контаминация, аббревиация, аффиксация, а также создание неологизмов по аналогии, что особенно характеризует процесс с точки зрения гибкости и динамичности.

В то же время, согласно П. Ньюмарку, неологизмами являются не только вновь образованные лексические единицы, но и «существующие лексические единицы, которые приобретают новый смысл» (Newmark, 1988: 140). В данном определении акцентируется содержательная сторона актуализированных лексических единиц, что является важной характеристикой для их дальнейшей классификации. Подобный способ образования неологизмов можно отнести к экономии языковых средств, исходя из приведённой дефиниции, подчёркивающей приобретение существующей словоформой нового содержания.

Н.К. Гарбовский указывает на необходимость междисциплинарного подхода к теории и практике перевода (Гарбовский, 2015), поскольку деятельность переводчика представляется в виде концептуальной системы, подобной живому организму, существующему вне зависимости от наблюдателя и исследователя. Учёные также подчёркивают изменение перевода как системной человеческой

деятельности в зависимости от смены носителей, технологий и достижений человека, указывающие на смену стадий в истории перевода (Костикова, 2011). Неологизмы и актуализированные единицы языка, существующие в современном общественно-политическом дискурсе, требуют особого внимания при передаче на другой язык посредством использования цифровых переводческих платформ.

На современном этапе развития цифровых технологий и искусственного интеллекта, применяемого для осуществления перевода, исследователи задаются вопросом об опасности замены искусственным интеллектом естественного, связанного с угрозой деградации (Гарбовский, Костикова, 2019). Учёные предлагают следующее определение цифрового перевода: «Цифровой перевод — это новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика-человека и цифровых информационно-коммуникационных средств» (Гарбовский, Костикова, 2019: 10).

«Самым простым и логичным казался путь распределения функций между переводчиком-человеком и машиной в соответствии с целями коммуникации и запросами общества» (Там же: 11), другими словами, предполагается, что ИИ переводит, а человек редактирует перевод, чем обеспечивается гармоничное сосуществование переводчика-человека и машины. Как показывает история, технологический прогресс и искусство дополняют друг друга и возвышают достижения человека, что даёт основания предполагать, что искусство перевода будет дополнено и улучшено с развитием ИИ на материале неологизмов, представленных лексическими единицами, аббревиатурами и тропами.

Специфика и анализ нового цифрового перевода

На современном этапе развития цифровые переводческие платформы постоянно совершенствуются, предлагая варианты всё более адекватного перевода. В качестве примера рассмотрим варианты ревербализации общественно-политического текста, взятого из британского издания The Economist от 26 апреля 2025 года (The Economist, URL), которые были предложены цифровым переводчиком DeepSeek в паре английский-русский. С точки зрения трудностей перевода следует отметить наличие неологизмов, образных выражений и культурно-политических реалий во взятом для исследования тексте.

Вслед за сообщением о том, что администрация 47-го президента США Д. Трампа сокращает выделение государственных грантов

Гарвардскому университету, появляется соответствующая статья, посвященная данной проблеме:

> Harvard University launched a lawsuit against the Trump administration's withdrawal of federal grants. The White House responded that the "gravy train of federal assistance to institutions like Harvard" is coming to an end.

Перевод через DeepSeek выглядит следующим образом:

> «Гарвардский университет подал в суд на администрацию Трампа из-за отмены федеральных грантов. Белый дом в ответ заявил, что «золотое дно федеральной помощи таким учреждениям, как Гарвард», подходит к концу».

Интересно также отметить, что актуализированное идиоматическое выражение, получившее новое значение в указанном контексте, gravy train было «растолковано» самим цифровым переводчиком, предложившим не только межъязыковую ревербализацию, но и несколько её вариантов, отделив их от основного текста перевода словом «Примечание», написав:

> «Примечание: "Gravy train" — идиома, означающая лёгкий источник дохода или выгоды. В данном контексте передано как «золотое дно», чтобы сохранить ироничный оттенок высказывания.
> — Можно также перевести как «кормушка» или «лёгкие деньги», но «золотое дно» звучит более нейтрально в формальном контексте».

Особого внимания заслуживает тот факт, что в данном переводе цифровой переводчик предложил стилистическую классификацию вариантов перевода, оставив за человеком выбор наиболее подходящего способа ревербализации, обусловленного целеполаганием и интенцией переводчика.

С точки зрения стилистических трудностей и наличия неологизмов для перевода оказывается интересен отрывок, касающийся политики Великобритании:

> JUST A YEAR ago Britain seemed to be emerging from nearly a decade of post-Brexit madness. A refreshingly dull election was being fought between Rishi Sunak and Sir Keir Starmer, a pair of sober-suited, workaholic technocrats with conventional economic ideas. After Sir Keir swept to victory, ministers boasted that investors would flock to an island of stability in a sea of turmoil.

Данный фрагмент насыщен метафорами, которые, как известно, представляют особые трудности для перевода. Метафоры не всегда можно перевести на другой язык ввиду существования раз-

ных концептуальных и языковых картин мира народов планеты. Как правило, смысл, заложенный в метафоре, передается не метафорическим способом или опускается полностью, что приводит к потере образности и культурной маркированности высказывания при переводе с исходного языка на язык перевода. В данном случае важно отметить, что чат-бот DeepSeek предложил перевод указанного текста, уделив особое внимание переводу метафор:

> «Всего год назад Британия, казалось, начала выходить из почти десятилетия пост-брекситского безумия. На фоне «необычайно скучных» выборов сошлись в борьбе Риши Сунак и Кейр Стармер — два «серьёзных, закованных в деловые костюмы технократа-трудоголика» с вполне традиционными взглядами на экономику. После того как Стармер «одержал убедительную победу», министры с гордостью заявляли, что инвесторы «устремятся» к этому «острову стабильности» в бушующем море хаоса».

Особенности данного чат-бота заключаются в том, что программой были предложены примечания, касающиеся стиля перевода и неологических метафор:

> «Примечания по стилю:
> — “Post-Brexit madness” — «пост-брекситского безумия» (сохранён яркий образ, но без излишней эмоциональности).
> — “A refreshingly dull election” — «необычайно скучных выборов» (ирония передана через контраст “refreshingly” и “dull”).
> — “Swept to victory” — «одержал убедительную победу» (передаёт эффект разгромного результата).
> — “Island of stability in a sea of turmoil” — «острову стабильности в бушующем море хаоса» (метафора сохранена, но “turmoil” усилено до «хаоса» для выразительности)».

Более того, чат-бот DeepSeek предложил альтернативные варианты перевода:

> — «После триумфальной победы Стармера» (если нужен более нейтральный тон).
> — «…инвесторы ринутся в этот оазис спокойствия среди глобальных потрясений» (если важнее плавность фразы)».

Перевод фразы “Sober-suited, workaholic technocrats” как «серьёзных, закованных в деловые костюмы технократа-трудоголика» звучит натянуто ввиду того, что чат-бот превышает образность изначального высказывания, вызывая сомнение, поскольку, согласно англо-русскому словарю, фраза Sober-suited переводится как «оде-

тый в тёмный костюм» (Multitran, URL), что добавляет образности высказыванию через визуализацию.

Далее в данной статье приводится анализ текущей политики Великобритании, в частности сообщается, что:

> “The trouble with Mr Farage is that his ideas would, once again, make Britain poorer and more dysfunctional. Some Tory defectors see a true Thatcherite in the former metals trader, but they are deluding themselves. Mr Farage promises a “net-zero” immigration policy, which would cripple all those public services that depend on migrants to fill vacancies”.

Чат DeepSeek предлагает следующий перевод, принимая во внимание историческую и культурно-маркированную политическую лексику:

> «Проблема мистера Фараж в том, что его идейная повестка снова сделает Британию беднее и менее управляемой. Отдельные перебежчики из рядов тори видят в бывшем торговце металлами истинную наследницу Тэтчер, но они лишь обманывают самих себя. Ведь Фараж обещает политику «чистого нуля» в иммиграции, что парализует все государственные службы, зависящие от мигрантов, заполняющих вакансии».

Следует подчеркнуть, что антропоним в представленном отрывке должен использоваться в родительном падеже, однако чат-бот не различает этой тонкости. В то же время совершенствование переводческого алгоритма чат-бота DeepSeek заключается в том, что он сам предлагает стилистические заметки, касающиеся переведённого материала, вовлекая переводчика в мыслительную деятельность. В частности, он приводит следующий текст в качестве комментария выполненного им перевода:

> «Стилистические заметки:
> 1. “Make Britain poorer and more dysfunctional” — передано как «сделает Британию беднее и менее управляемой» (более естественно для русского политического дискурса);
> 2. “Thatcherite” — переведено как «наследницу Тэтчер» (сохранён политический подтекст без калькирования);
> 3. “Net-zero immigration policy” — оставлено в кавычках как «чистый ноль», но с пояснением сути политики;
> 4. “Cripple all those public services” — усилено до «парализует», что лучше передаёт катастрофичность последствий».

Также чат-бот DeepSeek предлагает следующие «альтернативные варианты» перевода:

«— Вместо «идейная повестка» можно было использовать «предложения»;
— «Перебежчики из рядов тори» можно заменить на «отдельные тори» для краткости;
— «Парализует» можно смягчить до «подорвёт работу», если нужен менее эмоциональный тон».

Следует отметить, что, обращая внимание на стиль предложенных вариантов перевода, чат-бот не дифференцирует орфографическое обозначение кавычек в русском и английском языках, а также не всегда соблюдает правила пунктуации и грамматики — отсутствуют точки и запятые в конце предлагаемых им вариантов, нарушаются падежи в использовании имён собственных. Более того, следует подчеркнуть, что на фоне корректной передачи информации с учётом образных средств и метафоричных высказываний, выделяется транслитерированный перевод антропонимов, которые в русском языке уже получили устойчивый транскрибированный вариант: имя премьер-министра Великобритании Keir Starmer переводится как Кир Стармер, а имя лидера партии реформы королевства Nigel Farage известно в России как Найджел Фарадж. Несмотря на указанные недостатки перевода, алгоритм чат-бота DeepSeek достигает высокого коммуникативного эффекта, благодаря найденной эквивалентности в русском языке и её адаптации к восприятию русскоязычного реципиента.

Продолжая анализ внутренней британской политики, автор статьи далее пишет:

"If Sir Keir wastes that opportunity, a different future could open up. Britain could become locked in a doom-loop of low growth, an angry electorate, and governments that run from unpopular reforms or pursue investment-killing ideas. With Brexit, Mr Farage helped embed the poor growth and state dysfunction that are even now providing fuel for his return. Britain has already spent one decade struggling to get by in the world Mr Farage created. It can ill afford a second".

Перевод, предложенный чат-ботом DeepSeek, выглядит следующим образом:

«Если сэр Кейр упустит эту возможность, может открыться совершенно иной сценарий. Британия рискует попасть в порочный круг: низкий рост, разгневанный электорат и правительства, которые либо бегут от непопулярных реформ, либо продвигают идеи, убивающие инвестиции. Благодаря брекзиту Фаражу удалось закрепить те самые проблемы — вялый рост и неэффективность государства, — которые

теперь подпитывают его возвращение. Британия уже потратила целое десятилетие, пытаясь выжить в мире, созданном Фаражем. Второго такого десятилетия она просто не выдержит».

Совершенствование чата DeepSeek заключается в том, что он не только приводит примечания к своему переводу, но и анализирует выполненный перевод, показывая «ключевые переводческие решения»:

«1. “Doom-loop” — «порочный круг» (хотя буквально ближе к «петле гибели», но русский политический дискурс использует устоявшуюся метафору).
2. “Run from unpopular reforms” — «бегут от непопулярных реформ» (сохранена динамика, альтернатива — «избегают»).
3. “Investment-killing ideas” — «идеи, убивающие инвестиции» (калька оправдана — термин стал международным).
4. “Struggling to get by” — «пытаясь выжить» (усиление уместно для финального аккорда).

Также чат-бот предлагает следующие «альтернативные варианты» перевода:

«— Вместо «разгневанный электорат» — «озлобленные избиратели» (но это избыточно эмоционально).
— “It can ill afford a second” можно было перевести как «Второе десятилетие станет для неё непосильной ношей» — но текущий вариант короче и резче».

Отметим, что роль переводчика-человека заключается в выборе правильного, с точки зрения его целеполагания, варианта. Таким образом, субъективный фактор переводчика-человека доминирует в процессе межъязыковой ревербализации, подчёркивая правомерность скопос-теории перевода.

Особый интерес представляет статья под заголовком “Taking a maple leaf out of Canada’s book”, в которой говорится о неопределённости в политике Канады накануне выборов:

“Taking a maple leaf out of Canada’s book
Canada still faces uncertainties. Under its electoral system, last-minute vote shifts can create big swings in seats. Mr Carney is thin-skinned and has only a few weeks’ experience as a politician. Neither party has a plan to pay for higher defence spending. A deal to de-escalate Mr Trump’s trade war may be elusive. Nonetheless, on the eve of its election, Canada offers a welcome reminder of the power of the rule of law, the importance of economic growth and the value of patriotism”.

Чат бот DeepSeek предлагает следующий вариант перевода:

«Позаимствовав подход у Канады
Канада по-прежнему сталкивается с неопределённостями. Её избирательная система такова, что последние колебания мнений могут привести к серьёзным изменениям в распределении мест. Мистер Карни обидчив и имеет всего несколько недель политического опыта. Ни у одной из партий нет плана по финансированию увеличенных оборонных расходов. Соглашение о смягчении торговой войны, развязанной Трампом, может оказаться недостижимым. Тем не менее, накануне выборов Канада подаёт отрадный пример, напоминая о силе верховенства права, важности экономического роста и ценности патриотизма».

Несомненно, особый интерес для переводчика представляет заголовок данной статьи, который чат-бот DeepSeek «растолковывает» с позиции своих «ключевых переводческих решений» следующим образом:

«1. “Taking a maple leaf out of Canada’s book” — «Позаимствовав подход у Канады» (игра слов с кленовым листом, символом Канады, передана через общий смысл);
2. “Thin-skinned” — «Обидчив» (точная передача характеристики, альтернатива — «ранимый»);
3. “Elusive” — «Недостижимым» (удачно передаёт сложность достижения соглашения);
4. “Welcome reminder” — «Отрадный пример» (сохранён позитивный оттенок)».

Отметим, что в данном случае метафора относится к сложному сочетанию двух метафор: ‘taking a leaf out of the book’ и ‘a maple leaf’ как культурологический и политический символ Канады. В результате их блендинга появилась сложная метафора заголовка указанной статьи, смысл перевода которой не передаёт входящие в неё метафоры, содержащие культурно-маркированные смыслы и образность исходного текста. Большинство переводческих алгоритмов не справляются с передачей смысла, заложенного в данной метафоре, и приводят её буквальный перевод: «Взять кленовый лист из книги Канады», смысл которого на содержательном уровне оказывается недоступным для русскоязычного реципиента. Отметим при этом, что чат-бот DeepSeek приводит «альтернативные варианты» своего перевода. В частности, он предлагает разные возможности ревербализации, такие как:

«— «Последние колебания мнений» — «Поздние сдвиги в голосах» (более буквально, но менее естественно);

— «Смягчении торговой войны» — «Снижении накала торговой войны» (более развёрнуто);
— «Подаёт отрадный пример» — «Даёт позитивный сигнал» (если нужен более нейтральный тон)».

Следует подчеркнуть, что при анализе данного перевода на первый план выдвигается адекватность выполненного перевода в области соответствия ожиданиям участников межъязыковой коммуникации (Гарбовский, 2004: 288).

Мировая политика сосредоточена не только исключительно на том, какие события разворачиваются в западных странах, поскольку, как известно, внешняя политика является продолжением внутренней политики, но и на том, какие события происходят на уровне отдельных стран в настоящее время. На современном этапе взгляд мировой политики обращен также на Ближний Восток в области законодательных инициатив, касающихся использования искусственного интеллекта. ОАЭ пошли дальше всех стран мира в своих планах передать контроль над законами страны искусственному интеллекту. В статье, озаглавленной “Regulatory oversight” сообщается:

“Regulatory oversight
The United Arab Emirates is set to take a gigantic leap of faith and use artificial intelligence to help write legislation, according to reports. The UAE has invested heavily in AI, with Abu Dhabi creating a state fund for the technology. Still, observers think allowing AI to take control of a country’s laws is a brave step, given its tendency to ‘hallucinate’, or make things up”.

Перевод чат-бота DeepSeek выглядит следующим образом:

«Регуляторный надзор
Объединённые Арабские Эмираты готовятся совершить гигантский шаг веры и использовать искусственный интеллект для помощи в написании законодательства, сообщают источники. ОАЭ активно инвестируют в ИИ: так, Абу-Даби создал государственный фонд для развития этой технологии. Однако наблюдатели считают, что передача ИИ контроля над законами страны — смелый шаг, учитывая его склонность к «галлюцинациям» (то есть выдумыванию фактов)».

Цифровой переводчик в данном случае приводит «примечание»:

«— “Take a gigantic leap of faith” — идиома, означающая действие, требующее большой веры в успех, несмотря на риски. Передано как «совершить гигантский шаг веры», что сохраняет смысл.

— “Hallucinate” в контексте ИИ — технический термин, означающий генерацию ложной или вымышленной информации. Передано как «галлюцинации» с пояснением в скобках для ясности».

Следует отметить, что чат-бот DeepSeek успешно справляется с переводом ориентационной метафоры “to take a gigantic leap of faith” и онтологической метафоры “its tendency to hallucinate”. Более того, DeepSeek также предлагает «альтернативные варианты перевода»:

— «склонность выдавать вымысел за правду»;
— «способность придумывать несуществующие данные».

В данном случае переводчику-человеку предлагается выбор наиболее удачных средств перевода, которые бы полностью соответствовали интенции и целеполаганию исходного текста и текста перевода, при этом достигается «презумпция коммуникативной равноценности» (Там же), способствующая наведению мостов в межъязыковой коммуникации.

Специфика перевода неологизмов

С точки зрения использования неологизмов в общественно-политическом дискурсе большой интерес представляют неологизмы, касающиеся жизни людей в социуме. Отличительной чертой настоящего времени является проведение человеком большого количества свободного времени в социальных сетях, что способствовало возникновению неологизма “touch grass”, который буквально переводится как «трогать траву», но имеет несколько значений.

Одним из значений “touch grass” является «выходить из дома и взаимодействовать с реальным миром». Популярную в социальных сетях с 2020 или 2021 года сленговую фразу у молодежи “touch grass” можно рассматривать как один из способов пошутить над интернет-привычками его пользователей, призывая их быть ближе к реальной жизни. Так, если кто-то, позабыв нормативный язык, говорит только на интернет-сленге, ему можно посоветовать спуститься на Землю и поговорить с людьми, живущими в реальном мире: “Touch grass and interact with people in the real world” — «Иди погуляй и пообщайся с реальными людьми». Данный перевод, как и другие дальнейшие переводы, были выполнены чат-ботом DeepSeek.

Фраза “touch grass and interact with people in the real world” также пользуется популярностью у представителей поколения Z и среди тех, кто занимается криптовалютой. В этом случае данная фраза

воспринимается как призыв к пользователям оторваться от компьютера и получить удовольствие от общения с природой.

Синонимом этой фразы является неологическое выражение “to be chronically online” — «быть хронически онлайн», которое относится к человеку, который проводит значительное количество времени в интернете. Личность и самосознание пользователя при этом основываются на интернет-культуре, мемах и трендах социальных сетей:

- “Having a conversation with Jessica is so hard because she only speaks in social networks. She’s chronically online.” (Minyard, 2025: URL) — «С Джессикой так сложно разговаривать, потому что она общается только в соцсетях. Она постоянно сидит в Интернете».

Во втором значении фразу “touch grass” используют для охлаждения пыла заядлого спорщика в социальных сетях, то есть ему советуют “to touch grass” — спуститься на Землю, что означает подавить желание собеседника вступать в спор, который часто бывает провокационным:

- “All you do is argue in people’s comments. Don’t you have anything better to do? Go touch grass” (Ibid.) — «Ты только и делаешь, что споришь в чужих комментариях. Неужели тебе нечем заняться? Иди погуляй, подыши свежим воздухом».

Несмотря на то, что наблюдаются случаи использования фразы “touch grass” ещё в 2015 году, реальную популярность в соцсетях она приобрела в 2020 или 2021 году, что можно объяснить затянувшимся lockdown, когда единственным средством общения оставались соцсети Интернета. Как показал анализ материала, метафорический неологизм “touchgrass” допустимо переводить на русский язык следующим образом: «прогуляться», «подышать свежим воздухом», «очнуться», «прийти в себя», в то время как буквальный перевод «потрогать траву» не будет понятным на содержательном уровне.

Неологизмы doomscrolling — думскроллинг, или doomsurfing — думсёрфинг, транслитерированные на русский язык, означают проведение большого количества времени за чтением статей или просмотром видео в Интернете, содержащих негативную информацию, которая может привести к стремлению вникнуть в детали (go down a rabbit hole), способные вызвать депрессию. Контексты употребления данных неологизмов представлены следующими английскими предложениями, которые были переведены при помощи чат-бота DeepSeek:

- “It seems like there’s nothing but bad news these days. I sit here and doomscroll for hours, and it just stresses me out.” (Ibid.) — «Кажется, что в наши дни нет ничего, кроме плохих новостей. Я сижу здесь и часами прокручиваю все плохие новости, и это меня просто напрягает».

- You’ve got to quit doomscrolling. I can tell it’s negatively affecting your health. It’s time to go touch some grass instead.” (Ibid.) — «Ты должен бросить прокручивать негативные видео. Я вижу, что это отрицательно сказывается на вашем здоровье. Пора отвлечься от всего этого».

Семантически связанными с описанными единицами являются нелогические аббревиатуры из молодёжного сленга, включающие такие единицы, как OOMF, NPC, а также фраза vibe check и глагол to woo. Акроним OOMF означает “one of my friends” (один из моих друзей) или в контексте интернет-общения “one of my followers” (один из моих подписчиков) для указания на человека, не упоминая его лично. Примерами употребления данного акронима служат следующие английские предложения:

- “OOMF posted something cringe today. I told them it’s time to log off and touch grass” (Ibid.) — «Один из моих подписчиков опубликовал сегодня кое-что неприятное. Я сказал ему, что пора выйти из системы и прогуляться».

- “Just had to unfollow OOMF because their RTs keep cluttering my feed” (Ibid.) — «Просто пришлось отписаться от одного из его подписчиков, потому что их сообщения продолжают загромождать мою ленту».

Неологическая аббревиатура NPC, которая расшифровывается как “non-playable character”, была заимствована в молодёжный сленг из компьютерных игр для обозначения скучного человека, который не является харизматичной личностью и у которого отсутствует собственное мнение. Контексты употребления данной аббревиатуры включает следующие предложения:

- “I tried to talk to the new girl but she’s so boring. NPC energy for sure” (Ibid.) — «Я попытался поговорить с новой девушкой, но она такая NPC. Она не интересная, это точно».

- “Jack is such an NPC. Whenever I ask his opinion on anything, he just says ‘I don’t know’ ”(Ibid.) — «Джек такой NPC. Всякий раз, когда я спрашиваю его мнение о чем-либо, он просто говорит «я не знаю».

В данных переводах чат-бот DeepSeek не справился с переводом аббревиатуры молодёжного сленга, сохранив варваризм NPC, и генерализировав аббревиатуру RTs (сообщения), поскольку ал-

горитм расшифровки данных аббревиатур не был заложен в программу перевода, что позволяет рассматривать данный перевод как коммуникативную неудачу. В то же время аббревиатура NPC воспринимается естественно российской молодежной аудиторией.

Неологизм vibe check, распространённый среди молодёжи, означает «проверить настроение», «прощупать», «разузнать вайб», используется для того, чтобы узнать, как человек себя чувствует или какое у него настроение. Данное выражение, использующееся в реальной речевой действительности, приведено в следующих примерах:

- "Can I get a vibe check? What are the plans for tonight?" (Ibid.) — «Дай разузнаю, каковы твои планы на вечер?».
- "My date was nice to the waiter, so he passed the vibe check" (Ibid.) — «Мой ухажёр хорошо себя вел с официантом, поэтому он прошёл проверку вайба».

Неологическая единица молодёжного сленга woo имеет несколько значений в зависимости от контекста и может использоваться в различных ситуациях. Глагол to woo означает ухаживать, завоёвывать с целью привлечь чьё-то внимание, симпатию или любовь. Примером служит следующее предложение: "He tried to woo her with flowers and compliments" (Ibid.) — «Он пытался завоевать её цветами и комплиментами». В качестве междометия или восклицания лексическая единица woo передаёт воодушевление и энтузиазм, что делает её похожей на междометие wow. Данная единица используется также для выражения радости, возбуждения или поддержки: "Woo! That was amazing!" — «Ура! Это было потрясающе!». В качестве существительного неологизм woo может использоваться для описания чего-то мистического, псевдонаучного или связанного с эзотерикой: "She's into all that woo-woo stuff like crystals and astrology" — «Она увлекается всей этой мистикой, вроде кристаллов и астрологии».

Неологизмы отражают изменения, происходящие в жизни общества на различных уровнях его функционирования. Практика использования цифрового переводчика оказывается вполне способной к адекватной ревербализации смыслов, заложенных в образные единицы языка, неологизмы и культурно-маркированную лексику. Перевод аббревиатур при этом по-прежнему остается открытым, поскольку требует от переводчика глубокого знания ИЯ и ПЯ, а также владения экстралингвистическим контекстом.

Заключение

Большой объём информации и фактор времени обусловливают необходимость обращение к цифровому переводу, алгоритм которого постоянно совершенствуется, что способствует адекватной и эквивалентной передаче как смысловой, так и образной составляющей высказывания. Как показал материал исследования, наибольшие трудности цифровому переводчику доставляют метафоры, неологизмы и аббревиатуры современного английского языка, смысл которых постигается в основном из контекста. Цифровой перевод указанных лингвистических единиц демонстрирует, каким образом достигается новизна, образность и культурная маркированность в языке перевода.

Деятельностный подход, рассмотренный в данной работе через призму перевода в рамках психолингвистического направления, свидетельствует о целеполагании перевода как основе общей теории деятельности. Более того, в рамках психолингвистической деятельности к переводу подходят как к процессу толкования и межъязыковой ревербализации мысли. Новый алгоритм, предлагая различные варианты перевода, позволяет переводчику, соблюдающему постулаты скопос-теории перевода, следовать изначально поставленной прагматической задаче, ставя интенцию и целеполагание во главу своей переводческой деятельности.

Решая наиболее актуальные задачи как на высоком международном, так и на бытовом уровнях, перевод способствует сближению культур и установлению доверительных отношений. Успех перевода неологизмов, аббревиатур и метафор обусловлен наличием широкого контекста и фоновых знаний у переводчика-человека, а также доступом к усовершенствованным цифровым платформам перевода, которые всё ещё продолжают играть вспомогательную роль в профессиональной переводческой деятельности человека.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Русский язык, 2004.

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–25.

Дудин М.Н. Общественно-политический дискурс, качество жизни и протестная активность населения // Экономические отношения, 2022. Т. 12. № 1. С. 121–148.

Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая Школа, 1989.

Костикова О.И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2011. № 2. С. 3–22.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1959.

Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015.

Cabré M.T. (1999) Terminology: Theory, methods, and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Translation of: La Terminología: Teoría, metodología, aplicaciones. Barcelona: Editorial Antártida.

Coseriu E. (1981) Falsche und richtige Fragestellungen in der Übersetzungstheorie, in: Wilss ed., pp. 27–47.

Newmark P. (1988) A Textbook of Translation. 1988. London / New York: Prentice Hall Print.

Harris B. (1977) Papers in translatology. Ottawa: Ottawa University.

Minyard R. What "Touch Grass" Means & How to Use It Online. February 12, 2025. URL: https://www.wikihow.com/Touch-Grass-Meaning (Дата обращения 17.04.2025).

Multitran. URL: https://www.multitran.com/ (Дата обращения 17.04.2025).

Rehbein J. ed. (1977) Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. Stuttgart: Metzler.

Reiss K., Vermeer H.J. (2014) Towards a General Theory of Translational Action Skopos Theory Explained Translated from the German by Christiane Nord English reviewed by Marina Dudenhöfer. London: Routledge.

Rey A. (1975) The Concept of Neologism and the Evolution of Terminologies in Individual Languages. In: Sager (ed.) Essays on Terminology, 1995. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Translation of: L'aménagement de la Néologie. Office de la language française du Québec. January, pp. 9–28.

The Economist. URL: https://www.economist.com/ (Дата обращения 04.2025).

Wright G.H. von. (1963) Norm and Action. A logical Enquiry. London: Routledge & Kegan Paul.

Wright G. H. von. (1968) An Essay on Deontic Logic and the General Theory of Action. Amsterdam: North Holland (Acta Philosophica Fennica 21).

References

Cabré M.T. (1999) Terminology: Theory, methods, and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Translation of: La Terminología: Teoría, metodología, aplicaciones. Barcelona: Editorial Antártida.

Coseriu E. (1981) Falsche und richtige Fragestellungen in der Übersetzungstheorie, in: Wilss ed., pp. 27–47.

Dudin M.N. (2022) Obshhestvenno-politicheskij diskurs, kachestvo zhizni i protestnaya aktivnost naseleniya = Socio-political discourse, quality of life and protest activity of the population. *Ekonomicheskie otnosheniya.* V. 12. No. 1, pp.121–148 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) Teoriya perevoda = Theory of translation. Moscow: Russkij yazy`k. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2015) Sistemologicheskaya model` nauki o perevode. Transdisciplinarnost` i sistema nauchny`x znanij = Systemological model of the science of translation. Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2019) Intellekt dlya perevoda: iskusny`j ili iskusstvennyj? = Intelligence in translation: artful and artificial? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 4, pp. 3–25 (In Russian).

Harris B. (1977) Papers in translatology. Ottawa: Ottawa University.

Kostikova O.I. (2011) Istoriya perevoda: predmet, metodologiya, mesto v nauke o perevode = History of translation: subject, methodology, place in the science of translation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 3–22 (In Russian).

Leontyev A.N. (1959) Problemy razvitiya psixiki = Problems of mental development). Moscow: Izd. Akademii pedagogicheskix nauk RSFSR. (In Russian).

Leontyev A.N. (1975) Deyatelnost, soznanie, lichnost = Activity, consciousness, personality. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Minyard R. (2025) What "Touch Grass" Means & How to Use It Online. URL: https://www.wikihow.com/Touch-Grass-Meaning (accessed 17.04.2025).

Multitran, URL: https://www.multitran.com/ (accessed 17.04.2025).

Newmark P. (1988) A Textbook of Translation. London — New York: Prentice Hall Print.

Prunch E. (2015) Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazy'kovoj asimmetrii k politicheskoj = Paths of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political asymmetry. Per. s nem. Moscow: R. Valent. (In Russian).

Rehbein J. ed. (1977) Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. Stuttgart: Metzler.

Reiss K., Vermeer H.J. (2014) Towards a General Theory of Translational Action Skopos Theory Explained. Translated from the German by Christiane Nord English reviewed by Marina Dudenhöfer. London: Routledge.

Rey A. (1975) The Concept of Neologism and the Evolution of Terminologies in Individual Languages. In: Sager (ed.) Essays on Terminology, 1995. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Translation of: L'aménagement de la Néologie. Office de la language française du Québec. January, pp. 9–28.

The Economist. URL: https://www.economist.com/ (accessed 27.04.2025).

Wright G.H. von (1963) Norm and Action. A logical Enquiry. London: Routledge & Kegan Paul.

Wright G.H. von (1968) An Essay on Deontic Logic and the General Theory of Action. Amsterdam: North Holland (Acta Philosophica Fennica 21).

Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennogo anglijskogo yazyka = New Vocabulary of Modern English. M.: Vysshaya Shkola, 1989.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Алла Петровна Миньяр-Белоручева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., 27, корп. 4; ostvera@mail.ru

Полина Игоревна Сергиенко — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; poserg@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Alla P. Minyar-Beloroucheva — Dr. Habil in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, History Faculty, Lomonosov Moscow State University, 119991, Moscow. Lomonosovsky Av., 27-4-E-241; ostvera@mail.ru

Polina I. Sergienko — PhD in Philology, Department of English for the Humanity Faculties, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 119991, Leninskiye Gory, 1; poserg@bk.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 322.4

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-206-225

ОШИБКИ НЕЙРОСЕТЕЙ И ПРОГРАММ ПЕРЕВОДА КАК ОСНОВА ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Надежда Андреевна Нечипоренко,
Ольга Геннадьевна Мельник

Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия

Для контактов: nechi@sfedu.ru; melnikog@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема ошибок, возникающих при нейросетевом машинном переводе, и предлагается использовать их как основу для совершенствования обучения переводчиков. Анализируются причины неточностей, связанных с контекстуальными и культурными нюансами, а также предлагаются методические рекомендации по применению анализа ошибок для развития критического мышления и повышения лексической точности студентов-переводчиков. Исследование подчёркивает важность интеграции технологий машинного перевода в образовательный процесс, а также необходимость сохранения баланса между использованием цифровых инструментов и развитием навыков предпереводческого и переводческого анализа текста. Приведены примеры анализа машинного перевода конкретной статьи, демонстрирующие слабые места нейросетей и возможности для улучшения качества подготовки будущих специалистов.

В исследовании делается вывод о том, что, хотя инструменты машинного перевода становятся всё более совершенными, они пока не способны заменить переводчиков-людей. Будущее переводческой профессии заключается в сотрудничестве между человеческим опытом и технологическими инструментами. Включив анализ ошибок машинного перевода в программы подготовки переводчиков, преподаватели могут обучить студентов навыкам, необходимым для эффективного использования этих инструментов, критической оценки их результатов и предоставления высококачественных переводов, отвечающих требованиям всё более глобализирующегося мира. Предлагается сбалансированный подход, при котором

© Нечипоренко Н.А., Мельник О.Г., 2025

особое внимание уделяется как использованию цифровых инструментов, так и развитию навыков понимания важных текстов, особенно в специализированных областях.

Ключевые слова: машинный перевод, нейросети, обучение переводчиков, анализ ошибок, методика преподавания перевода, качество перевода, предпереводческий анализ, большие языковые модели.

Для цитирования: *Нечипоренко Н.А., Мельник О.Г.* Ошибки нейросетей и программ перевода как основа для расширения возможностей обучения переводчиков // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 206–225. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-206-225

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 04.07.2025;
принята к публикации 06.07.2025.

ERRORS IN NEURAL NETWORKS AND TRANSLATION PROGRAMS AS A BASIS FOR EXPANDING THE TRAINING OPPORTUNITIES OF TRANSLATORS

Nadezhda A. Nechiporenko,
Olga G. Melnik

Southern Federal University, Taganrog, Russia

For contacts: nechi@sfedu.ru; melnikog@sfedu.ru

Abstract. Object: This study investigates the errors produced by neural network translation systems and explores how these errors can be leveraged to enhance translator training. It addresses the increasing role of machine translation in the translation landscape and the importance of equipping future translators with the skills to critically evaluate and effectively utilize these technologies.

Methods: The research combines an overview of existing literature on machine translation errors and translator training methodologies with a practical analysis of machine translation outputs. A specific article (“Compressor training courses: a positive for over 10 years of continuing improvement”) is used as a case study. The study compares the pre-translation analysis and the translation of this article generated by different neural network translation platforms (ChatGPT, DeepL, Google Translate, Yandex Translate) with human analysis. The identified discrepancies and errors are then examined for their potential use in developing targeted training exercises.

© Nechiporenko N.A., Melnik O.G., 2025

Findings: The analysis reveals that neural network translation systems still struggle with contextual understanding, nuanced language, and accurate rendering of specialized terminology, particularly in texts blending scientific, technical, and promotional elements. The systems often produce inaccurate pre-translation analyses, stylistic inconsistencies, word choice errors, and fail to capture the intended meaning and tone of the source text. However, the study demonstrates that these errors, when carefully analyzed, can serve as valuable learning material for translator trainees. By identifying and correcting these errors, students can develop critical thinking skills, improve their understanding of source and target language nuances, and hone their ability to make informed translation decisions. For example, neural networks often miss the appropriate register and fail to recognize industry specific terms, or even suggest the wrong language registers.

Conclusion: The study concludes that while machine translation tools are becoming increasingly sophisticated, they are not yet capable of replacing human translators. Instead, the future of the translation profession lies in the collaboration between human expertise and technological tools. By incorporating the analysis of machine translation errors into translator training programs, educators can equip students with the skills necessary to effectively utilize these tools, critically evaluate their output, and deliver high-quality translations that meet the demands of an increasingly globalized world. A balanced approach is advocated, emphasizing both the use of digital tools and the development of critical text comprehension skills, particularly in specialized domains.

Keywords: machine translation, neural networks, translator training, error analysis, translation teaching methods, translation quality, pre-translation analysis, large language models

For citation: *Nechiporenko N.A, Melnik O.G.* (2025) Errors in neural networks and translation programs as a basis for expanding the training opportunities of translators. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 206–225. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-206-225

The article was received on March 23, 2025;
approved after reviewing on July 04, 2025;
accepted for publication on July 06, 2025.

Введение

Практика перевода имеет долгую историю, а процесс подготовки переводчика в разное время имел свои отличительные особенности. Сейчас, к исходу первой четверти XXI века мы столкнулись с обвальным количеством новейших технологий, а также огромным числом «умных» инструментов, которые в идеале должны способ-

ствовать обучению и облегчению рабочей деятельности. И для практикующих переводчиков, и для преподавателей перевода, и для студентов, стремящихся стать переводчиками, понятия «машинный перевод», «автоматизированный перевод», «нейронные сети» и «большие языковые модели» — неотъемлемая часть жизни.

В последние годы наблюдается значительный рост интереса к нейросетевым переводчикам, которые стремительно завоёвывают популярность благодаря своей способности к адаптивному обучению и улучшению качества перевода. Тем не менее, несмотря на прогресс технологий, ошибки, присущие машинному переводу, продолжают представлять собой серьёзную проблему. Эти ошибки могут варьироваться от нерелевантных переводов и потери смысловой нагрузки до более сложных концептуальных неточностей, которые влияют на общее качество текста и его адаптацию для аудитории.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью понимания специфики работы нейросетевых алгоритмов, а также их ограничений, которые, в свою очередь, могут быть использованы для формирования учебных материалов и методов подготовки переводчиков. Технический прогресс привел к необходимости «интеграции знаний о машинном переводе в учебные курсы для переводчиков, так как будущее профессии напрямую связано с использованием технологий, а также с умением их критически анализировать и адаптировать» (Сухова и др., 2023).

Учитывая всё вышеизложенное, целью данной работы является исследование не только ошибок, возникающих в процессе нейросетевого перевода, но и выявление потенциальных возможностей для обучения переводчиков в контексте этих ошибок. Ошибки машинного перевода могут действовать как инструмент для повышения качества подготовки специалистов, так как, анализируя конкретные примеры, студенты могут развивать свои навыки критического мышления и повышения лексической точности перевода. Таким образом, работа будет рассматривать как текущие проблемы, так и рекомендации по их устранению, что в итоге может способствовать более глубокому пониманию перевода как профессиональной деятельности, которая основывается на как художественном, так и техническом подходах. В частности, акцент будет сделан на сравнении различных платформ и методах перевода, а также на том, как они могут повлиять на образовательные программы для переводчиков, учитывая текущие тенденции в области языкового обучения и использования современных технологий (Маясюк и др., 2021).

В последние десятилетия в России было опубликовано множество работ, посвящённых анализу ошибок, возникающих при машинном переводе. Эти исследования охватывают как теоретические аспекты, так и практическое применение результатов анализа для повышения качества перевода, особенности нейросетевого перевода текстов разных функциональных стилей, а также влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм.

Кроме того, существуют исследования, сосредоточенные на обучении студентов переводческих факультетов в контексте анализа ошибок машинного перевода. Рассматриваются возможности включения результатов анализа ошибок в учебные программы, чтобы будущие переводчики могли не только понимать механизмы работы машинного перевода, но и более эффективно исправлять связанные с этим ошибки. Это важно как для развития их профессиональных навыков, так и для повышения общей грамотности в области технологий перевода (Добрынина, 2022).

Работы отечественных авторов также подчёркивают важность междисциплинарного подхода к обучению переводчиков, включающего как лингвистические, так и технологические аспекты, что открывает новые горизонты для подготовки квалифицированных специалистов (Гавриленко, 2019; Евтушенко, 2019). Нарастающее количество исследований в этой области свидетельствует о растущем признании важнейшей роли анализа ошибок в формировании будущих методологий как машинного, так и человеческого перевода, что в итоге подводит нас к необходимости пересмотра существующих программ подготовки переводчиков с акцентом на взаимодействие с новейшими технологиями.

В зарубежной литературе наблюдается активное исследование различных аспектов нейросетевого перевода и ошибок, сопутствующих этому процессу. Группа китайских исследователей под руководством И У провела множество экспериментов по сравнительному анализу различных нейросетевых моделей для перевода. Их исследования основываются на обширных корпусах текстов, что позволило выявить специфические типы ошибок, совершаемых алгоритмами при переводе столь же сложных текстов, как и литературные произведения. В своих выводах И У и его коллеги акцентируют внимание на необходимости создания контекстно-ориентированных моделей, которые учитывают не только языковую, но и культурную специфику. Они утверждают, что такие модели способны существенно повысить качество перевода и уменьшить количество грубых ошибок (Wu et al., 2016).

Важным аспектом зарубежных исследований является анализ опыта профессиональных переводчиков, который позволил бы создать более качественные обучающие программы для нейросетевых алгоритмов (Wenming, Erwen, 2019). Изучение ошибок, типичных для человеческого перевода, предоставляет ценную информацию для оптимизации стратегий машинного перевода. Многие учёные поднимают вопрос о возможности совместной работы нейросетей и профессиональных переводчиков, где специалисты могли бы использовать ошибки машинного перевода (Khetam, Lucia Specia, 2022). Кроме того, в зарубежной литературе активно обсуждаются методы интеграции нейросетевой технологии в образовательные процессы. Учёные призывают к разработке специализированных курсов, которые учитывали бы как лексические и грамматические вопросы, так и технологические аспекты работы с машинами перевода (Б. Рен). Эти исследования подчёркивают важность формирования нового подхода к обучению переводчиков, где ошибки, производимые нейросетями, становятся важным сигналом, требующим анализа и исправления, что в итоге ведет к повышению качества и конкурентоспособности будущих специалистов в области перевода.

Таким образом, рассматривая недостатки существующих систем перевода и методы их устранения, исследователи подчёркивают, что ошибки в переводе не являются исключительно технической проблемой, но и языковым вызовом, требующим более глубокого понимания лексических и грамматических особенностей языков, которые используются в переводе.

Преимущества и недостатки использования нейросетей в обучении

Нейросети являются ценным ресурсом для расширения возможностей обучения. Среди явных **преимуществ** следует выделить следующие аспекты.

- Персонализация учебного процесса. Искусственный интеллект анализирует текущий уровень знаний учащегося, определяет его сильные и слабые стороны и адаптирует учебную программу, обрабатывая данные о поведении ученика, такие как время, затраченное на выполнение заданий, частота ошибок, предпочтения в выборе материалов и уровень вовлечённости. На основе этих данных система формирует индивидуальные рекомендации. Материал подаётся в оптимальном для студента темпе и объёме, что способствует более глубокому усвоению языка.

• Доступ к большому количеству образовательных материалов. Нейросети предоставляют обширные базы данных текстов, аудио- и видеоресурсов на любую тематику. Это способствует повышению мотивации и вовлечённости в процесс обучения.

• Интерактивность нейросетевых платформ. Сочетание работы нейронных сетей и профессиональных переводчиков позволяет получать качественные переводы с учётом требований отдельных областей. Также существует идея *гибридных систем машинного перевода*, в которых нейронные сети комбинируются со статистическими системами. В такой системе две технологии взаимно компенсируют существующие в них недостатки.

Приведём несколько примеров.

Unbabel. Сочетает искусственный интеллект и опыт человека для перевода контента на 30 языков, обеспечивая высокое качество и точность.

Machine Translation. Сочетает работу нескольких переводчиков (DeepL, ChatGPT, Google Translate) для точных переводов более чем на 75 языков.

POZENA Multilingual. При работе с нейронным переводом профессиональные переводчики получают преимущества от современных технологий и опыт работы в конкретной области.

Благодаря использованию элементов геймификации, таких как создание интерактивных сценариев, которые имитируют реальные ситуации переводческой работы, награды за достижения и виртуальные соревнования, студенты могут учиться в более лёгкой и увлекательной форме. Примером может служить деловая игра-симулятор рынка переводческих услуг ПОП (Перевод объединяет профессионалов), разработанная Ассоциацией преподавателей перевода — эффективная, максимально сжатая по времени и интересная по форме возможность попробовать себя в различных ролях на всех этапах переводческого процесса.

• Моментальная обратная связь. Нейросети могут участвовать в обучении переводчиков через генерацию упражнений, текстов и разговорных диалогов. Они помогают отрабатывать сложные темы, подтягивать словарный запас и восприятие речи на слух, составлять упражнения для отработки лексики в узких темах. Студент сразу же может узнать о своих ошибках и скорректировать их, что обеспечивает немедленный процесс обучения и улучшает запоминание материала. В пример приведём чат-бот с искусственным

интеллектом Perplexity. Он умеет выполнять переводы, проверять на ошибки и давать рекомендации по улучшению текста. Кроме того, этот бот может формировать индивидуальные учебные планы, давать подсказки и имитировать реальное взаимодействие с человеком.

Таким образом, **при правильном применении нейросети способны значительно обогатить процесс обучения**, сделав его более динамичным, интерактивным и персонализированным.

К недостаткам использования нейросетей в обучении в целом следует отнести:

- Ошибки в обучающих материалах. Если обучающий материал содержит ошибки или неточности, искусственный интеллект может их дублировать, не имея способности как человек оценить контекст и принять исправление. Это может привести к заучиванию неправильного использования языковых конструкций.
- Ограничение развития коммуникативных навыков. Постоянное взаимодействие с искусственным интеллектом может ограничить развитие коммуникативных навыков и способности учащихся к сотрудничеству.
- Проблема доверия к созданному контенту. Из-за ограниченного понимания контекста нейросетями порой возникают сомнения в точности и адекватности предложенных ими учебных ресурсов.

Применительно непосредственно к нейросетевому переводу можно отметить:

- **Словотворчество.** Нейросеть «придумывает» во время перевода новые слова, вместо того чтобы использовать реально существующие. Например, «дискордировать» (глаг., от англ. discord) — разойтись во взглядах, «блотировать» (глаг., от англ. blot out) — закрывать что-либо. (Примеры взяты с сайта https://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/Translation/MT/MT-Neuro/MT-Neuro.htm)
- **Транслитерация.** Если нейросеть может разбить слово на более-менее логичные части, она применяет транслитерацию. В результате незнакомые системе слова превращаются в своеобразные англицизмы (например, «консалтанты» вместо «консультантов»).
- **Искажения.** Это может произойти, когда сеть получает на вход что-то необычное: слово, написанное с опечатками, или слово, полностью написанное заглавными буквами. Подобные искажения могут помешать нейросети «узнать» знакомое слово и правильно его обработать.

- **Предвзятость.** Обучая модели, пытаются добиться того, чтобы они освоили язык, но вместе с пониманием лингвистических принципов алгоритмы часто впитывают и собственные стереотипы.

Методика применения нейросетей при обучении переводчиков

Большие языковые модели (БЯМ) при правильном их использовании могут принести пользу. Например, их можно использовать для составления упражнений для усвоения определённой лексики, расширения словарного запаса и практики письменной речи. Для курса практического перевода в целом и проверочных работ по нему в частности необходимы такие задания, которые потребуют от студентов тщательного анализа оригинала и последующей оценки собственного перевода. Оборотной стороной этой «медали» является озабоченность такими вопросами, как: Помогут ли нейросети преподавателям перевода и будущим переводчикам при постановке и выполнении этих задач? Какие тексты позволят заметить использование цифровых технологий студентами, а их невовлечённость в процесс перевода или недостаточность как предпереводческого, так и переводческого анализа превратить в основание для тренировки критического мышления? Как научиться на ошибках цифровых инструментов?

Материалом нашего исследования послужила статья, которая озаглавлена “Compressor training courses: a positive for over 10 years of continuing improvement” и размещена на сайте фирмы SIAD Macchine Impianti. Она представляет интерес тем, что при предпереводческом анализе, определив функциональный стиль как смешение научного и публицистического, мы, отмечая более подробные характеристики, замечаем и сложную типологию — смешение научно-технического текста с рекламным. Подобные тексты становятся всё более распространёнными, глобализация приводит к тому, что множество фирм, выходя на мировой рынок, желают получить доступ к обширной аудитории. Это влечёт за собой необходимость вычленения базовых элементов, на которые можно опираться в ходе перевода.

В процессе перевода это потребует скрупулёзного выверения технических терминов, относящихся как непосредственно к компрессорам, так и в целом к области техники, а также лексики, связанной со сферой обучения. Рекламная направленность подразумевает, что переводчику необходимо использовать средства

выразительности, привлечения внимания и вовлечения читателя в описание продукта. «Личностное начало, связанное с творческой установкой автора текста, в целях повышения степени воздействия научно-технического рекламного текста на потребителя находит своё отражение в композиции текста, в отборе языковых и паралингвистических средств» (Тихомирова, Черноусова, 2019: 62).

Помимо этого, в эпоху глобализации переводчики зачастую работают с текстами, написанными не носителями английского языка. Студенты должны осознавать, что при проработке стратегии перевода данный факт и информация о стране происхождения автора служат основой для некоторых переводческих решений.

Попробуем использовать нейросеть ChatGPT для предпереводческого анализа, сравним его результаты с нашими предварительными выводами и дадим оценку.

Начальный пункт выдачи выглядит следующим образом:

«Текст относится к жанру рекламно-информационных материалов и инструкций. Его основная цель — предоставить потенциальным клиентам (инженерам, менеджерам, техникам) информацию о курсах повышения квалификации по компрессорному оборудованию.

Функциональный стиль — научно-технический с элементами официально-делового и рекламного стилей».

Мы видим искажение информации о цели — в заголовке не обещают «*курсы повышения квалификации*», а рекламируют «*compressor training courses*» — «*курсы обучения работе с компрессорами*», кроме того, в обороте «*повышение квалификации по компрессорному оборудованию*» нарушена сочетаемость. Затем нейросеть заявляет новый функциональный стиль — рекламный, смешивая стили и типы текста.

В дальнейшем также присутствует ряд спорных утверждений:

«Текст насыщен узкоспециальной терминологией, относящейся к компрессорному оборудованию. Важно соблюдать единообразие терминов, например:

— Routine maintenance → Плановое техническое обслуживание,

— Non-routine maintenance → Нештатное техническое обслуживание».

Мы легко можем выяснить, обратившись к словарю, например, Multitran online, что «*routine maintenance*» используется в различных сферах деятельности, а не только применительно к компрессорам. Единообразие терминов — одна из основ перевода научно-технических текстов, которую ChatGPT тут же нарушает, предлагая для

«*routine*» и «*non-routine*» соответственно «*плановое*» и «*нештатное*».

В заключение нейросеть даёт указание:

«Для достижения качественного перевода данного текста необходимо:

— Сохранять техническую точность при передаче терминов».

Можем предположить, что подразумевалась «точность при передаче технических терминов», и снова видим пример нарушения сочетаемости.

Итак, попытка использовать нейросеть ChatGPT при проведении предпереводческого анализа оценивается нами как неудовлетворительная. Налицо как фактические ошибки, так и стилистические погрешности в формулировках. Однако результат данной выдачи нейросети полезно будет предложить студентам для разбора и критики в качестве дополнительного задания по оттачиванию мастерства предпереводческого анализа текста. Кроме того, можно провести эксперимент и запрос для нейросети отправить в разное время с разных устройств, либо даже с одного и того же. Например, у нас при повторном запросе в разделе про стиль выдача выглядела следующим образом:

«*Стиль текста:*

Текст носит рекламный и информационный характер. Важно передать позитивный, уверенный тон, который подчёркивает преимущества курса и услуги, а также демонстрирует надёжность компании. Этот стиль должен быть сохранен при переводе».

Далее был дан запрос уточнить, к какому же стилю относится статья. Результат приведён ниже:

«Текст, который вы предоставили, можно отнести к профессионально-информационному стилю с элементами рекламного и технического».

Как мы видим, появляется новая классификация, отличающаяся от первого варианта и тоже являющаяся ошибочной. При обсуждении со студентами следует подчеркнуть, что мы на практике убеждаемся — ChatGPT на один и тот же промпт выдаёт разные ответы, спрогнозировать, насколько они будут верны, сложно, поскольку не существует возможности понять, к какой базе данных обращаются нейросети и как проводят анализ. Что в очередной раз подчёркивает необходимость очень тщательной проверки выдачи и критического отношения к полученной информации.

Теперь рассмотрим то, как нейросети и программы машинного перевода, в которые сейчас внедрены нейронные сети, справились

непосредственно с переводом статьи, можно ли выявить их использование студентами, а также применить для отработки переводческого анализа текста и нахождения ошибок.

Представляя информацию о курсах, автор статьи в таблице приводит следующий пункт:

Certification — Attendance Certificates

Мы получаем следующие варианты перевода:

Certification — Attendance Certificates	
ChatGPT	Сертификация — Сертификаты об участии
DeepL	Сертификация — Сертификаты о прохождении обучения
Google Translate	Сертификаты о посещении занятий
Яндекс Переводчик	Сертификаты о прохождении сертификации

Снова появляется возможность разобрать результаты критически, в первую очередь, обращая внимание на лексику, которая, как мы уже отмечали, связана в том числе и с образованием, то есть значение лексемы *"certification"* в русском языке ближе к понятию «*аттестация*» или «*выдача сертификатов/дипломов*», а *"attendance certificate"* — «*сертификат о прохождении обучения/курса обучения*». Платформы Google Translate и Яндекс Переводчик, вероятно, сочли избыточной данную часть оригинала и не считали то, что аттестация — это этап курса обучения. Копирование подобных формулировок в работах студентов можно заметить и подробно разобрать при работе над ошибками.

Проверим предположение, что в развернутом предложении успехи цифровых инструментов будут лучше, поскольку там можно опираться на более широкий контекст.

Автор перечисляет различные виды курсов, в том числе:

More than 50 courses for Customers, at different levels in a wide variety of application sectors (among which: Food & Beverage, Refinery, Petrochemical, Chemical, Energy, Industrial Gases, Metallurgy, Steel, Glass, Cement) with total customer satisfaction.	
ChatGPT	Проведено более 50 курсов для клиентов различного уровня в самых разных отраслях (включая пищевую промышленность, нефтепереработку, нефтехимию, химию, энергетику, производство промышленных газов, металлургию, стекольное и цементное производство) с полной удовлетворённостью клиентов.

DeepL	Более 50 курсов для клиентов различного уровня в самых разных отраслях применения (среди которых: пищевая промышленность, нефтепереработка, нефтехимия, химия, энергетика, промышленные газы, металлургия, сталь, стекло, цемент) с полным удовлетворением потребностей клиентов.
Google Translate	Более 50 курсов для клиентов на разных уровнях в самых разных секторах применения (среди которых: продукты питания и напитки, нефтепереработка, нефтехимия, химия, энергетика, промышленные газы, металлургия, сталь, стекло, цемент) с полным удовлетворением клиентов.
Яндекс Переводчик	Более 50 курсов для клиентов разного уровня в самых разных областях применения (среди которых: продукты питания и напитки, нефтепереработка, нефтехимия, химическая промышленность, энергетика, промышленные газы, металлургия, сталь, стекло, цемент), обеспечивающих полное удовлетворение потребностей клиентов.

По по данным вариантам нейронного машинного перевода следует отметить следующее:

Во-первых, появляются *«клиенты разных уровней»*, и это пример того, что контекст потерян. Возможно, в рамках единственного предложения, наши цифровые инструменты способны его понимать, но в данном случае контекстом является вся статья, слово "*levels*" — *«уровни»* — встречается всего три раза, первые два из которых — в таблице, содержавшей уже рассмотренный нами пункт "*certification*", и там они — часть словосочетания *«уровни сложности»*. Автор не атрибутирует какой-то уровень своим клиентам.

Во-вторых, мы получаем перечень отраслей, которые тоже следует сразу же назвать отраслями промышленности, а потом внимательнее рассмотреть все разновидности. ChatGPT и DeepL справились с первым примером — пищевой промышленностью, а в последующем для нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности остановились на одной части нужного нам словосочетания. Химия — это наука, в полученной интерпретации она выбивается из ряда перечислений, поскольку выбор переводчика должен звучать как *«химическая промышленность»*, данную отрасль верно перевёл только Яндекс Переводчик. "*Industrial Gases*" — *«производство промышленных газов»*, верную трактовку нашёл только ChatGPT. "*Steel, Glass, Cement*" в завершении перечня отчасти тоже были поняты только нейросетью — *«стекольное и*

цементное производство», по какой-то причине «*сталелитейная промышленность»* оказалась не переведена. Окончание перечня можно было сформулировать и как «*производство стали, стекла и цемента»*.

В-третьих, применительно к структуре предложения и его пунктуационной форме ни нейросети, ни программы перевода не предлагают вариантов, а только копируют изначальное оформление, которое в рамках русского языка не выглядит естественным. В особенности это касается названий отраслей промышленности, приведенных с большой буквы. Кроме того, и так насыщенное информацией предложение оканчивается рекламным пассажем. На наш взгляд, логичным решением в данном случае было бы выделить сугубо информативную часть в отдельное предложение, а успешность проведения курсов описать во втором предложении, передавая именно рекламную направленность.

Заключение

В результате проведённого исследования, посвящённого ошибкам нейросетевых переводчиков и их влиянию на обучение переводчиков, можно сделать ряд важных выводов, которые подчёркивают значимость темы и открывают новые горизонты для дальнейших исследований и практического применения.

Во-первых, анализ ошибок машинного перевода демонстрирует, что, несмотря на прогресс в области нейросетевых технологий, многие алгоритмы всё ещё испытывают трудности с передачей смысловой нагрузки, особенно в контексте сложных текстов и культурных нюансов. Всесторонний анализ ошибок позволяет не только идентифицировать проблемные области, но и понимать причины возникновения этих ошибок. Это, в свою очередь, подчёркивает необходимость дальнейших исследований, направленных на усовершенствование алгоритмов перевода и адаптацию их под конкретные языковые пары и контексты.

Во-вторых, проведённое исследование подтвердило, что использование анализа ошибок в обучении переводчиков может значительно улучшить их навыки и профессиональные компетенции. Программа обучения, основанная на реальных примерах ошибок перевода, способствует развитию аналитического мышления, критического подхода и способности к самообучению у студентов. Следовательно, применение данных принципов является не только целесообразным, но и высокоэффективным, позволяя обеспечить качественную подготовку специалистов.

В-третьих, результаты исследования также подтверждают, что подход, основанный на сочетании количественных и качественных методов анализа, может обеспечить более полную картину качества перевода. Это сочетание позволяет учитывать не только статистические данные о соответствии перевода, но и более тонкие аспекты, такие как стиль, тональность и эмоциональная насыщенность текста. Это особенно важно для подготовки переводчиков, работающих в разных областях, от технического до художественного перевода.

Также стоит отметить, что современное общество требует от переводчиков всё большей интеграции с новейшими технологиями. Образовательные программы должны адаптироваться к этим изменениям, включать курсы, способствующие повышению навыков взаимодействия со сложными системами машинного перевода, что позволит будущим специалистам эффективно использовать инструменты в своей практике.

На основании полученных результатов мы можем сделать вывод, что в данный момент мы по-прежнему видим недочёты и в примерах машинного перевода, и в выдачах нейросетей, что можно отследить в работах студентов, полагающихся при переводе на различные технологии, а не на себя. Однако преподаватели перевода могут использовать неидеальные варианты как основу для упражнений по сопоставительному анализу, подчёркивая, что пока ни одна нейросеть, ни одна программа машинного перевода не может воспринимать контекст полностью, в то время как будущие переводчики обладают возможностью развить навык и предпереводческого, и переводческого анализа текста. Мы полагаем, что в настоящее время при обучении переводу требуется подчёркивать стремление к балансу между использованием цифровых инструментов и приобретением способности критически воспринимать текст, особенно когда переводчик работает с узкоспециализированными текстами сложной типологии.

Список литературы

Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2005. 288 с.

Гавриленко Н.Н. Междисциплинарный подход к обучению отраслевому переводу // Вопросы методики преподавания в вузе, 2019. Т. 8. № 29. С. 12–23. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.29.01

Добрынина О.Л. Аннотация статьи в области инженерных наук и её машинный перевод. DOI: 10.15393/j2.art.2022.6223 // Resources and Technology. 01.01.2022 URL: http://rt.petrsu.ru/files/pdf/6223.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

Евтушенко О.В. Междисциплинарный подход к формированию компетенций переводчика-синхрониста // МАГИЯ ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов. В 2 томах. Том 2, 2019. С. 415–420.

Злобин А.Н. Актуальные вопросы методологии преподавания перевода. DOI: 10.15507/inted.075.018.201402.124 // Integration of Education. 19.06.2014 URL: http://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/articles/13-14-2/94-10-15507-inted-075-018-201402-124 (дата обращения: 15.03.2025).

Иванова В. О некоторых ошибках в переводе с русского на болгарский язык (на материале переводных статей общественно-политического характера). DOI: 10.18778/1731-8025.20.03 // Acta Universitatis Lodziensis Folia Linguistica Rossica. 30.06.2021 URL: https://www.czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/14181 (дата обращения: 15.03.2025).

Маланханова А.Е., Сысоев П.В. Особенности перевода текстов экономического дискурса с китайского на русский язык. DOI: 10.17223/19996195/32/3 // Yazyk i kultura. 01.12.2015 URL: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=969&article_id=25886 (дата обращения: 15.03.2025).

Мохов А.А., Башеров О.И., Барышникова О.В., Година Д.Х. Особенности перевода технических текстов в промышленных университетах. DOI: 10.25726/f9897-0199-6668-o // Management of Education. 15.10.2023 URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/1078 (дата обращения: 15.03.2025).

Полякова Н.В. Оценка качества перевода: проблема нахождения эффективных стандартов, критериев и параметров. DOI: 10.23951/1609-624x-2022-1-54-64 // Tomsk state pedagogical university bulletin. 25.01.2022 URL: http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2022&issue=1&article_id=8350 (дата обращения: 15.03.2025).

Тихомирова Л.С., Черноусова А.С. Научно-технический рекламный текст в коммуникативно-прагматическом аспекте // Филология в XXI веке, 2019. № 1. С. 58–62.

Улиткин И.А. Автоматическая оценка качества машинного перевода научного текста: пять лет спустя. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-1-47-59 // Bulletin of the Moscow State Regional University (Linguistics). 01.01.2022 URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/15049 (дата обращения: 15.03.2025).

Цатурова И.А., Каширина Н.А. Переводческий анализ текста: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. 194 с.

Чернова О.Е., Литвинов А.В., Тележко И.В. Отбор и обучение общенаучной лексике переводчиков в сфере профессиональной коммуникации с использованием ЭОП в условиях пандемии COVID-19. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06-2.25 // ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 01.01.2021

URL: http://nauteh-journal.ru/index.php/2/2021/%E2%84%9606/2/9cfd61e6-10f7-4761-9913-8c8a740b915c (дата обращения: 15.03.2025).

Khetam Al Sharou, Lucia Specia (2022) A Taxonomy and Study of Critical Errors in Machine Translation. In Proceedings of the 23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pages 171–180, Ghent, Belgium. European Association for Machine Translation.

Ren B. (2020) The use of machine translation algorithm based on residual and LSTM neural network in translation teaching. PLoS ONE 15 (11): e0240663. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240663

Wenming Z., Erwen Z. (2019) Application of Neural Network Machine Translation in College Translation Teaching. International Journal of Emerging Technologies in Learning. № 14 (19), pp. 3514–3522.

Wu Y., Schuster M., Chen Z., Le QV., Norouzi M., Macherey W. et al. (2016) Google's neural machine translation system: Bridging the gap between human and machine translation. arXiv preprint arXiv:160908144. 2016, pp. 55–62.

Список источников

Нейросеть Chat GPT. URL: @gptchat_ai_bot (дата обращения 24.02.2025).

DeepL Translate: The world's most accurate translator. URL: https://www.deepl.com/translator-mobile (дата обращения 24.02.2025).

PROMT.One Perevodchik — бесплатный онлайн словарь и перевод текстов. URL: https://www.translate.ru/PROMT.One (дата обращения 24.02.2025).

Перевод объединяет профессионалов. Игра-симулятор. https://translation-teachers.ru/project/unitedintranslation/ (дата обращения 03.07.2025).

Статья для анализа

Compressor training courses: a positive for over 10 years of continuing improvement 246uk_2017_flier-training_low_UK PDF (www.siadmi.com) (дата обращения 06.02.2025).

References

Alekseeva I.S. (2005) Professional'nyj trening perevodchika: Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlya perevodchikov i prepodavatelej = Professional translator training: A textbook on interpretation and translation for translators and teachers. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Soyuz". 288 p. (In Russian).

Caturova I.A., Kashirina N.A. (2014) Perevodcheskij analiz teksta: Uchebnoe posobie. = Translation analysis of the text, 2-e izd., ispr. i dop. Taganrog: Izd-vo TRTU, 194 p. (In Russian).

Chernova O.E., Litvinov A.V., Telezhko I.V. Otbor i obuchenie obshchenauchnoj leksike perevodchikov v sfere professional'noj kommunikacii s ispol'zovaniem EOP v usloviyah pandemii COVID-19 = Selection and training

of general scientific vocabulary of translators in the field of professional communication using EOP in the context of the COVID-19 pandemic. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06-2.25. GUMANITARNYE NAUKI. 01.01.2021 URL: http://nauteh-journal.ru/index.php/2/2021/%E2%84%9606/2/9cfd61e6-10f7-4761-9913-8c8a740b915c (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Dobrynina O.L. Annotaciya stat'i v oblasti inzhenernyh nauk i eyo mashinnyj perevod. DOI: 10.15393/j2.art.2022.6223. Resources and Technology. 01.01.2022 URL: http://rt.petrsu.ru/files/pdf/6223.pdf (data obrashcheniya: 15.03.2025).

Evtushenko O.V. (2019) Mezhdisciplinarnyj podhod k formirovaniyu kompetencij perevodchika-sinhronista. MAGIYa INNO: integrativnye tendencii v lingvistike i lingvodidaktike. Sbornik nauchnyh trudov. V 2 vol. V. 2, pp. 415–420.

Gavrilenko N.N. (2019) Mezhdisciplinarnyj podhod k obucheniyu otraslevomu perevodu // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze. V. 8. No. 29, pp. 12–23. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.29.01

Ivanova V. O nekotoryh oshibkah v perevode s russkogo na bolgarskij yazyk (na materiale perevodnyh statej obshchestvenno-politicheskogo haraktera) = About some mistakes in the translation from Russian into Bulgarian (based on translated articles of a socio-political nature). DOI: 10.18778/1731-8025.20.03. Acta Universitatis Lodziensis Folia Linguistica Rossica. 30.06.2021 URL: https://www.czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/14181 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Khetam Al Sharou and Lucia Specia. (2022) A Taxonomy and Study of Critical Errors in Machine Translation. In Proceedings of the 23rd Annual Conference of the European Association for Machine Translation, pp. 171–180, Ghent, Belgium. European Association for Machine Translation.

Malanhanova A.E., Sysoev P.V. Osobennosti perevoda tekstov ekonomicheskogo diskursa s kitajskogo na russkij yazyk = Features of the translation of economic discourse texts from Chinese into Russian. DOI: 10.17223/19996195/32/3. Yazyk i kultura. 01.12.2015 URL: http://journals.tsu.ru/language/&journal_page=archive&id=969&article_id=25886 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Mohov A.A., Basherov O.I., Baryshnikova O.V., Godina D.H. Osobennosti perevoda tekhnicheskih tekstov v promyshlennyh universitetah = Features of translation of technical texts in industrial universities. DOI: 10.25726/f9897-0199-6668-o Management of Education. 15.10.2023 URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/1078 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Polyakova N.V. Ocenka kachestva perevoda: problema nahozhdeniya effektivnyh standartov, kriteriev i parametrov = Evaluation of translation quality: the problem of finding effective standards, criteria, and parameters. DOI: 10.23951/1609-624x-2022-1-54-64 // Tomsk state pedagogical university bulletin. 25.01.2022 URL: http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2022&issue=1&article_id=8350 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Ren B. (2020) The use of machine translation algorithm based on residual and LSTM neural network in translation teaching. PLoS ONE 15(11): e0240663. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240663

Tihomirova L.S., Chernousova A.S. (2019) Nauchno-tekhnicheskij reklamnyj tekst v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte. = Scientific and technical advertising text in a communicative and pragmatic aspect. *Filologiya v XXI veke*. No. 1, pp. 58–62 (In Russian).

Ulitkin I. Avtomaticheskaya ocenka kachestva mashinnogo perevoda nauchnogo teksta: pyat' let spustya = Automatic quality assessment of scientific text machine translation: five years later. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-1-47-59. *Bulletin of the Moscow State Regional University (Linguistics)*. 01.01.2022 URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/15049 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

Wenming Z., Erwen Z. (2019) Application of Neural Network Machine Translation in College Translation Teaching. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. 14 (19), pp. 3514–3522.

Wu Y., Schuster M., Chen Z., Le QV., Norouzi M., Macherey W. et al. (2016) Google's neural machine translation system: Bridging the gap between human and machine translation. arXiv preprint arXiv:160908144, pp. 55–62.

Zlobin A. Aktual'nye voprosy metodologii prepodavaniya perevoda = Current issues of translation teaching methodology. DOI: 10.15507/inted.075.018.201402.124 // Integration of Education. 19.06.2014 URL: http://edumag.mrsu.ru/index.php/ru/articles/13-14-2/94-10-15507-inted-075-018-201402-124 (data obrashcheniya: 15.03.2025) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Нечипоренко Надежда Андреевна — преподаватель Института управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, 347900, г. Таганрог, пер. Некрасовский, дом 44; nechi@sfedu.ru

Мельник Ольга Геннадьевна — доцент, кандидат филологических наук. Института управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, 347900, г. Таганрог, пер. Некрасовский, дом 44; melnikog@sfedu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nadezhda A. Nechiporenko — Lecturer of Southern Federal University; 347900, Taganrog, Nekrasovsky lane, building 44; nechi@sfedu.ru

Olga G. Melnik — Candidate of Philological Sciences, Associate professor of Southern Federal University; 347900, Taganrog, Nekrasovsky lane, building 44; melnikog@sfedu.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ О ПЕРЕВОДЕ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

О ВЛИЯНИИ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА-УЧЁНОГО НА ПЕРЕВОД КИТАЙСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК — НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА *КНИГИ ПЕРЕМЕН* РОССИЙСКИМ СИНОЛОГОМ Ю.К. ЩУЦКИМ

Люй Пэйин

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай

Для контактов: lvpy219@163.com

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние личности переводчика-учёного Ю.К. Щуцкого на перевод *Книги перемен* на русский язык. Образование, профессиональный опыт и культурный багаж Щуцкого сформировали его уникальную личность переводчика-учёного. Эти факторы позволили ему не только точно передать язык оригинала, но и глубоко интерпретировать философские и культурные аспекты текста. Анализ проводится в двух аспектах: подготовительный этап перевода и сам процесс перевода. Личная духовная мотивация, влияние антропософии и стремление к диалогу между китайской и западной культурами стали основой его переводческой деятельности. Применение стратегии глубокого перевода и использование собственных научных исследований повысили академическую ценность перевода. Работа Щуцкого не только открыла русскоязычным читателям доступ к китайской философии Книги перемен, но и внесла важный вклад в культурный обмен между Востоком и Западом. В этом процессе особенно ярко проявляется субъектность переводчика: она выражается в том, как Щуцкий интерпретирует исходный текст, делает осознанный выбор языковых средств и переосмысливает культурные смыслы в переводе. Этот пример подчёркивает значимость личности переводчика в процессе перевода и её глубокое влияние на качество переведённого текста.

© Люй Пэйин, 2025

Ключевые слова: переводчик-учёный, Книга перемен, Ю.К. Щуцкий, перевод на русский язык, культурный обмен между Китаем и Россией

Для цитирования: *Люй Пэйин.* О влиянии личности переводчика-учёного на перевод китайских классических текстов на русский язык — на примере перевода *Книги перемен* российским синологом Ю.К. Щуцким // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 226–243. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

Статья поступила в редакцию 18.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

ON THE INFLUENCE OF SCHOLAR-TRANSLATOR IDENTITY ON THE RUSSIAN TRANSLATION OF CHINESE CLASSICS — THE CASE OF RUSSIAN SINOLOGIST Y.K. SHCHUTSKY'S TRANSLATION OF *THE BOOK OF CHANGES*

Ly Peiying

Southeast University, Nanjing, China

For contacts: lvpy219@163.com

Abstract. This article examines the influence of Yu.K. Shchutsky's identity as a scholar-translator on his Russian translation of the *Book of Changes*. Shchutsky's education, professional experience, and cultural background shaped his unique identity as a scholar-translator. These factors enabled him not only to accurately render the original language but also to deeply interpret the philosophical and cultural dimensions of the text. The analysis is conducted from two perspectives: the preparatory stage of the translation and the translation process itself. Shchutsky's personal spiritual motivation, the influence of anthroposophy, and his aspiration for dialogue between Chinese and Western cultures formed the foundation of his translation work. His application of a deep translation strategy and integration of his own academic research significantly enhanced the scholarly value of the translation. Shchutsky's work not only provided Russian-speaking readers with access to the Chinese philosophy of the Book of Changes but also made a substantial contribution to cultural exchange between East and West. In this process, the translator's subjectivity is particularly evident: it is manifested in the way Shchutsky interprets the source text, makes deliberate linguistic choices, and reconfigures cultural meanings in translation. This case

© Ly Peiying, 2025

highlights the importance of a translator's identity in the translation process and its profound impact on the quality of the translated text.

Keywords: Scholar-translator, Book of Changes, Yu.K. Shchutsky, Russian translation, Sino-Russian cultural exchange

For citation: *Ly Peiying.* (2025) On the influence of scholar-translator identity on the Russian translation of Chinese classics — the case of Russian sinologist Y.K. Shchutsky's translation of *The book of changes*. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 226–243. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

The article was received on November 18, 2024;
approved after reviewing received on June 26, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

1. Введение

В процессе перевода классических произведений на иностранные языки личность и происхождение переводчика оказывают значительное влияние на качество перевода и его эффективность в продвижении, что является одним из ключевых вопросов переводоведения (王倩/Ван Цянь, 2018: 268). *Книга перемен* как жемчужина китайской культуры охватывает философию, гадательные практики, этику и другие аспекты, вызывая огромный интерес и восхищение с древних времён. Однако для западных читателей понимание этого классического труда представляет значительную сложность. Языковые барьеры, культурные различия и многозначность текста делают перевод Книги перемен крайне трудной задачей. Это требует от переводчика не только высокого уровня владения языком, но и глубоких знаний в области культуры и академической подготовки.

Российский синолог Ю.К. Щуцкий был таким переводчиком-учёным, который обладал всеми необходимыми качествами. В 1937 году он завершил перевод и исследование Книги перемен, что сразу же получило широкое признание в российской синологии. Критик Ф.С. Быков (1963) отмечал, что до Щуцкого ни один европейский учёный не решался взяться за столь сложную задачу, назвав этот труд «истинным научным подвигом». Перевод Книги перемен Щуцким был не только языковым преобразованием, но и культурной интерпретацией и воссозданием. Его работа основывалась на тщательном анализе оригинального текста и точном понимании куль-

турного контекста, благодаря чему перевод был не только верен оригиналу, но и обладал высокой научной ценностью.

Фактически перевод и распространение Книги перемен в России начались ещё в XVIII веке и прошли этапную эволюцию от первоначительного ознакомления к систематическому научному освоению, а затем — к массовому восприятию. В XVIII веке немецкий историк Готтлиб Зигфрид Байер (Gottlieb Siegfried Bayer) и российский синолог А.Л. Леонтьев представили фрагменты Книги перемен на латинском и русском языках соответственно, тем самым заложив основы её восприятия в российской культурной среде (Bayer, 1730: 94–98). В XX веке перевод Ю.К. Щуцкого открыл новую веху в отечественном изучении китайской классической философии. Впоследствии такие исследователи, как С.Ю. Лукьянов и В.М. Еремеев, осуществили перевод и интерпретацию «крыльев Книги перемен» (十翼) и провели реконструкцию её символической системы, что способствовало развитию междисциплинарного подхода к исследованию текста (Лукьянов, 1993; Еремеев, 2005). В XXI веке распространение Книги перемен в России происходит централизовано и массово: наряду с академическими трудами появляется всё больше популярных и цифровых интерпретаций. Актуальные формы рецепции и переосмысления Книги перемен в русскоязычном контексте свидетельствуют о тесном взаимодействии между субъектностью переводчика и особенностями созданного им перевода.

В этом процессе ключевую роль сыграла личность Щуцкого как учёного-переводчика. Тем не менее, современное исследование перевода Книги перемен с точки зрения личности переводчика остаётся недостаточно разработанным. Предыдущие исследования в основном фокусировались на историческом аспекте переводческой деятельности Щуцкого, не уделяя должного внимания взаимосвязи между его личностью и процессом перевода. Настоящее исследование сосредоточено на русском переводе *Книга перемен*, выполненном Щуцким, и направлено на изучение влияния его личности как учёного-переводчика на процесс перевода.

2. Субъективность переводчика в процессе перевода

Ранние исследования перевода подчёркивали языковое соответствие и точность в процессе перевода, роль переводчика обычно рассматривалась как нейтральная и объективная роль передатчика. Однако в последние годы теории перевода постепенно осознали, что переводчик — это не просто инструмент передачи информа-

ции, но и активный участник культуры, истории, идеологии и социальной власти. В этом контексте субъективность переводчика становится важной темой для исследования. Мнение, опыт, культурный фон, социальная роль и личная идентичность переводчика оказывают глубокое влияние на выбор текста, его трансформацию и способы выражения в процессе перевода.

«Субъективность переводчика» определяется как проявление его осознанной активности в процессе перевода, направленной на достижение цели перевода при уважении к оригинальному тексту как объекту (查明建, 田雨/Чжа Минцзянь, Тянь Юй, 2003: 22). Переводчик осуществляет отбор и реконструкцию исходного материала сквозь призму собственной культурной системы и когнитивного мышления. Как отмечают Тиллоева и Трекина, «субъективность переводчика позволяет ему вмешиваться в языковое оформление и эстетическое истолкование подлинника и создавать свое произведение на родном языке» (Тиллоева, Трекина, 2023: 241). При этом данная «творческая переработка» не является произвольной интерпретацией, оторванной от оригинала, а представляет собой процесс вторичного производства смысла, основанный на глубоком понимании исходного текста, академическом бэкграунде переводчика, его культурной позиции и историко-временном контексте.

Особенно ярко субъектность переводчика проявляется при работе с классическими философскими текстами, где переводчик выступает не только в роли языкового посредника, но и как интерпретатор и реконструктор культурных смыслов. Так, Хунъянь (2016), анализируя пять русскоязычных переводов «Лунь юй», показывает, что переводчик демонстрирует выраженную субъектность, проходя в процессе перевода через четыре стадии «герменевтического движения»: доверие, сомнение, интериоризация и реституция, что отражается в выборе стратегии интерпретации, языковых решений и способов выражения. Данная субъектность не менее актуальна и в художественном переводе. В исследовании Го Яньчжань (2022), посвящённом двум русским переводам романа Агаты Кристи «Смерть в облаках», подчёркивается, что переводчики в работе с художественным текстом постоянно балансируют между переводом и интерпретацией, стремясь сохранить как информационную структуру оригинала, так и его эстетическую выразительность. Аналогичные выводы делают Гаученова и Хагай (2022), отмечая, что при переводе одного и того же произведения переводчик опирается не только на лингвистическую компетенцию, но и на способность

распознавать скрытые культурные и прагматические смыслы, что позволяет адекватно реконструировать глубинную информацию оригинала и поддерживать равновесие между точностью передачи и выразительностью перевода.

Таким образом, вне зависимости от жанра — философского или художественного — субъектность переводчика оказывается глубоко вовлечённой в процесс осмысления и выражения исходного текста. Именно она становится определяющим фактором, влияющим на стилистическую, терминологическую и структурную организацию перевода, а также на способы трансляции культурных метафор. Личностная позиция, культурный опыт и историческая включенность переводчика формируют уникальные параметры перевода, в котором сочетаются смысл оригинала и творческая индивидуальность посредника.

Таким образом, можно заключить, что независимо от того, является ли текст философским или литературным, субъектность переводчика всегда глубоко вовлечена в процесс понимания и выражения текста. Субъективность переводчика становится ключевым фактором, влияющим на стиль перевода и академическую направленность, проявляясь в таких аспектах, как выбор языка, обработка терминов и структура текста, что делает перевод отличным от других текстов. В этом процессе идентичность переводчика, его знания и опыт, а также исторический контекст, в котором он работает, существенно влияют на переводческую практику, обеспечивая сохранение мыслительной деятельности оригинала и одновременно демонстрируя уникальные творческие способности переводчика в культурной трансмиссии.

Классические философские тексты Китая, такие как *Книга перемен*, характеризуются высокой абстрактностью мысли и глубокой культурной значимостью, что предъявляет высокие требования к академической подготовке переводчика, его культурным суждениям и языковым навыкам. В этом контексте перевод Книги перемен российским китаеведом Ю.К. Щуцким представляет собой безусловно новаторский и знаковый случай. Однако существующие исследования в основном сосредоточены на текстуальных результатах и исторической ценности перевода, при этом недостаточно систематически исследуется, как идентичность переводчика проявляется в процессе перевода и как она влияет на стиль перевода и создание культурного значения.

В связи с этим в данной статье исследуется русский перевод Книги перемен Ю.К. Щуцкого, с акцентом на его идентичность

как «переводчик-учёный». Цель работы — исследовать, как через субъективность переводчик вмешивается в процесс понимания, интерпретации и реконструкции текста, что помогает восполнить пробел в исследовании «переводчик — перевод» в контексте перевода китайских классических текстов на русский язык.

3. Переводчик как учёный — Ю.К. Щуцкий

3.1. Личность переводчика

«Личность переводчика» является важной темой в области переводоведения, затрагивающей многогранные роли переводчика в процессе перевода и их глубокое влияние на переводимые тексты. Переводчик не только преобразует язык, но и выступает посредником между культурами, а разнообразие и сложность его личности имеют важное значение для практики перевода.

Формирование личности переводчика тесно связано с его личным бэкграундом. Образование определяет языковые способности и академический уровень переводчика, что влияет на его понимание и интерпретацию оригинального текста; профессиональный опыт обогащает его профессиональными знаниями и отраслевыми навыками; культурный опыт отражает его восприятие различных культур. Например, западный синолог Дороти Боринтон посвятила свою карьеру изучению китайской литературы. После получения степени доктора философии по китайской литературе она занялась преподаванием и издала несколько авторитетных работ, демонстрирующих тесную связь её синологического бэкграунда с переводческой практикой (李翼/Ли И, 2022: 87–88).

В условиях глобализации личность переводчика становится более сложной и многогранной. Глобализация ускоряет культурный обмен, делая роль переводчика как мостика между культурами всё более значимой. Основная личность переводчика заключается в преобразовании языков, а его социальная личность заключается в участии в межкультурной коммуникации (靳铭吉, 许雁/Цзинь Минцзи, Сюй Янь, 2023: 130). Социальная роль переводчика выходит за рамки простого языкового преобразования, включая активное участие в различных культурных и социальных взаимодействиях. В научных кругах переводчиков часто описывают как «учёных», «читателей» и «творцов», подчёркивая их культурно-социальную роль.

Таким образом, разнообразие и сложность личности переводчика оказывают глубокое влияние на переводческую практику. От языкового преобразования до культурного посредничества пере-

водчик играет важную роль в межкультурном обмене, обогащая содержание переводоведения.

3.2. Формирование личности переводчика-учёного

Переводчик-учёный — это специалист, для которого перевод не является основной профессией, а лишь частью исследовательской деятельности (许敏慧/Сюй Миньхуэй, 2014: 69). Ю.К. Щуцкий стал ярким примером переводчика-учёного, что подтверждается его образовательным фоном, профессиональной карьерой и культурными знаниями.

В 1922 году он окончил китайское отделение Ленинградского университета под руководством В.М. Алексеева. Став доцентом, Щуцкий преподавал историю китайской философии и язык, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, посвящённые одной из важнейших его работ — Книге перемен. Он также перевёл такие классические тексты, как Лаоцзы, Чжуанцзы и Ле-цзы, сопровождая переводы глубоким анализом. В своих трудах он подчёркивал необходимость сохранения языковой точности и интерпретативного подхода, что позволяло ему раскрывать философские и культурные аспекты оригиналов.

Щуцкий внёс значительный вклад в изучение китайской философии и культуры, популяризируя её среди русскоязычной аудитории. Его переводы Книги перемен и других текстов не только обогатили академические исследования, но и способствовали межкультурному диалогу, подтверждая важность личности переводчика-учёного в переводческой деятельности.

4. Влияние личности переводчика-учёного на перевод Книги перемен на русский язык

4.1. Перед переводом — основания для перевода и интерпретации Книги перемен

Выбор Ю.К. Щуцким Книги перемен для перевода был неразрывно связан с его духовными стремлениями, антропософией и пониманием, а также ожиданиями культурного обмена между Востоком и Западом. Во-первых, личные духовные стремления оказали значительное влияние на решение Щуцкого заняться переводом Книги перемен. Во время обучения в университете он находился под глубоким влиянием учения Рудольфа Штайнера, что способствовало формированию у него духовного мировоззрения, основанного на христианских принципах, и стремлению к высшему пониманию духовного мира. Именно это постоянное стремление

к духовному поиску предопределило его склонность к выбору текстов, способных дать читателю глубокие философские размышления и духовное озарение. Книга перемен — классическое произведение, наполненное философскими размышлениями и духовной мудростью, что идеально соответствовало духовным потребностям переводчика.

Во-вторых, его понимание и ожидание культурного обмена между Востоком и Западом также сыграло важную роль в выборе Книги перемен. Щуцкий стремился через перевод этого древнего текста донести мудрость Востока до западных читателей, способствуя межкультурному диалогу и взаимопониманию. Кроме того, он был убеждён в значимости предсказаний Рудольфа Штайнера о необходимости современного духовного возрождения и надеялся, что перевод Книги перемен внесёт вклад в это возрождение. Эти ожидания и убеждения сделали Книгу перемен для Щуцкого идеальным объектом перевода.

Таким образом, выбор Книги перемен как текста для перевода был в значительной степени обусловлен личными духовными стремлениями Щуцкого, влиянием антропософии и его видением культурного обмена между Востоком и Западом. Именно эти убеждения и жизненный опыт превратили Книгу перемен в произведение, которое переводчик считал максимально значимым и ценным. Щуцкий вложил в этот перевод огромный энтузиазм и усилия, чтобы передать читателям философские идеи и духовную мудрость этой классической книги (Щуцкий, 1993: 72–77).

4.2. Перед переводом — влияние исторического контекста

«Язык исходит из духа и, в свою очередь, воздействует на дух, что отражает взаимное влияние языка и мировоззрения, особенно заметное через способ мышления, его особенности и стиль» (Humboldt, 1999: 165). Исторический контекст, в котором находился переводчик, оказывает сложное и многоуровневое воздействие на переводимый текст, особенно в аспектах способа мышления, характеристик и стиля.

Во-первых, способ мышления является одним из ключевых факторов, влияющих на переводческий процесс. В советский период исследование китайской философии как новой научной дисциплины способствовало тому, что синологи начали активно осваивать западные социальные науки и исследовательские методы. Это межкультурное мышление существенно повлияло на переводческую практику. Например, в переводе Книги перемен Щуцкий не только

использовал достижения советской науки в области социальных исследований, но и гармонично соединил их с традиционными китайскими знаниями о древней истории и фэншуй (Конрад, 1993). Такое сочетание восточного и западного подходов сделало его перевод одновременно научно обоснованным, систематичным и проникнутым глубоким пониманием культурного контекста оригинала.

Во-вторых, характеристики перевода также подверглись влиянию исторического контекста. На этапе нового развития советской синологии учёные начали активно призывать к заимствованию достижений китайских исследователей с целью расширения горизонтов науки. Щуцкий откликнулся на этот призыв, критикуя стереотипные и поверхностные подходы западных исследователей к изучению Книги перемен (Щуцкий 1993:184). В своём переводе он использовал методы анализа с применением чисел и символов для детального объяснения гексаграмм и содержания Книги перемен. Эта характеристика перевода отражает не только уважение к китайской традиции, но и приверженность точности и объективности, характерную для советской научной среды.

Наконец, стиль перевода также отразил влияние эпохи. Щуцкий уделял большое внимание не только точному переводу оригинала, но и собственному осмыслению текста. Его стиль, несомненно, испытал влияние академических традиций и исследовательских методов советской синологии (Щуцкий & Кобзев, 1960). В его переводе сохраняется философская глубина Книги перемен, а детальные примечания и пояснения помогают читателям лучше понять и принять это сложное произведение древнекитайской мысли. Такой подход демонстрирует как уважение к оригиналу, так и заботу о читателе.

Таким образом, исторический контекст, в котором находился переводчик, оказал существенное влияние на способ мышления, характеристики перевода и стиль текста. Советская научная среда и методы исследования помогли Щуцкому создать перевод, который не только точно передаёт содержание оригинала, но и включает глубокое понимание культурного фона и применение научного подхода. Благодаря этому его перевод обладает как академической ценностью, так и доступностью для широкой аудитории.

4.3. Процесс перевода — использование стратегии глубокого перевода

В процессе перевода классических текстов на иностранные языки, чтобы преодолеть барьеры между китайской и иностранной культурами, переводчики обычно используют различные страте-

гии, позволяющие максимально точно передать содержание исходного текста. Эти стратегии включают не только простую замену слов, но также передачу культурного контекста, объяснение традиций и раскрытие скрытых значений. Переводчик должен глубоко понять содержание оригинала и найти в языке перевода наиболее подходящие выражения, чтобы читатель мог не только понять поверхностный смысл текста, но и почувствовать уникальное очарование и глубину идей культуры источника.

Учёные-переводчики в своей практике часто используют стратегию глубокого перевода (или толстого перевода), что подразумевает использование комментариев или примечаний, чтобы поместить перевод в контекст богатого языкового и культурного фона (Appiah, 1993: 817). 周领顺/Чжоу Линшунь (2016) делят глубокий перевод на широкое и узкое понятия, причём в узком смысле — на примере примечаний — они различают примечания информационного характера и исследовательского характера. Информационные примечания предоставляют фоновую информацию, отличаются ясным языком и чётким объяснением контекста. Они направлены на передачу смысла оригинального текста и имеют целью ознакомить читателя с культурным фоном. Примечания исследовательского характера, напротив, демонстрируют знания и достижения переводчика, а также исследуют более глубокие значения текста. Они включают не только текст как таковой, но и анализ его исторического, культурного и философского фона. В данном исследовании рассматриваются оба аспекта примечаний — как информационного, так и исследовательского характера.

(1) Информационные примечания

Информационные примечания направлены на предоставление фоновых знаний и подразделяются на пояснительные, указательные и сопоставительные примечания (周领顺, 强卉/Чжоу Линшунь, Цян Хуэй, 2016: 106). В переводе Щуцкого можно наблюдать широкое использование таких примечаний. Эти примечания, взаимодействуя друг с другом, значительно обогащают культурную глубину и академическую ценность перевода, что особенно проявляется в интерпретации терминов, символов гексаграмм и древних текстов.

Во-первых, на уровне терминологии Щуцкий демонстрирует, как сочетать грамматические категории с философскими идеями Книги перемен. Например, в третьей черте девятки гексаграммы «Цзинь» (井) — «井渫不食，为我心恻；可用汲，王明并受其福» (Колодец очищен, <но из него> не пьют. В этом скорбь моей души:

ведь можно <было бы> черпать <из него>. <Если бы> царь <был> просвещён, <то> все получили <бы> своё благополучие.)— он переводит слово «心» как «душа», а не «сердце», чтобы отличить его по грамматическому роду от слова «колодец» (колодец — мужской род) и избежать путаницы с местоимением «его». Этот выбор не только предотвращает возможную семантическую путаницу в последующем тексте, но и позволяет лучше передать культурную и философскую глубину термина. Щуцкий использует различия грамматических родов, чтобы улучшить перевод и интеграцию текста в языковую и семантическую систему перевода.

Во-вторых, в работе с символами гексаграмм, например, при интерпретации символа «Дачжуан» (大壮), он переводит его как «великая сила» и в примечаниях объясняет причины своего выбора. Щуцкий отмечает, что «Дачжуан» символизирует огромную силу и потенциал, подобно прочным колёсам, способным нести большой груз и двигаться далеко. Таким образом, он не только передаёт интуитивное значение символа, но и углубляет его философскую интерпретацию, связывая с культурным контекстом.

В-третьих, на уровне древних текстов, при интерпретации фразы «潜龙勿用» (Нырнувший дракон. Не действуй), Щуцкий предоставляет глубокий культурный и исторический контекст. Он сравнивает «潜龙» (нырнувший дракон) с Шунем, который копил силы в тайне, демонстрируя культурную и образовательную значимость этой аллюзии. Его примечания не только объясняют прямое значение текста, но и используют сопоставительные и пояснительные комментарии, чтобы раскрыть более широкий культурный и исторический фон, усиливая понимание читателем намерений оригинального текста и его культурной ценности.

В целом стратегия перевода и примечаний Щуцкого отражает его глубокое понимание культуры источника и чувствительность к культуре целевого языка. Благодаря тщательному подбору терминов, глубокому анализу символов гексаграмм и детальным комментариям к древним текстам, Щуцкий успешно передаёт сложные концепции и культурный контекст читателям целевого языка. Этот подход не только повышает читабельность текста перевода, но и гарантирует точную передачу культурного значения и способствует углублённому межкультурному взаимодействию.

(2) Исследовательские примечания

Исследовательские примечания подразумевают, что переводчик не ограничивается простой передачей информации ориги-

нального текста, а углубляется в исследование и детальное объяснение культурного контекста, лежащего за ним, помогая читателям понять сложные или культурно специфические концепции текста (强卉/Цян Хуэй, 2014: 88). В переводе Щуцкого исследовательские примечания широко применяются для интерпретации и анализа ключевых слов с точки зрения их перевода. Например, значение слова «否» в фразе «好遁，君子吉，小人否» (Хорошее бегство. Благородному человеку — счастье. Ничтожному человеку — нет) не интерпретируется в соответствии с традиционным термином *Книга перемен* «否» (пи). Вместо этого, основываясь на комментариях времён династии Хань и интерпретациях таких учёных, как Ван Би, Щуцкий переводит его как «плохой» или «негативный», что противопоставляется «吉» (благоприятный) и подчёркивает реальный смысл этого слова в данном контексте. Аналогично, в переводе фразы «利有攸往，得臣无家» (Благоприятно иметь, куда выступить. Обретёшь <столько> подданных, <что уже> не будет <самостоятельных> домов) Щуцкий указывает, что термин «家» (дом) может быть истолкован как «независимый аристократический род». Он разъясняет, что это слово в культурно-историческом контексте того времени имело более широкое значение, указывая, что семья, находящаяся в подчинении сюзерену, фактически теряет свою независимость. Эти исследовательские примечания не только раскрывают скрытые в тексте исторические и культурные аспекты, но и способствуют более глубокому пониманию оригинального текста читателями.

Эти исследовательские примечания не только раскрывают скрытую в тексте историческую и культурную информацию, но и помогают читателям глубже понять внутренний смысл оригинального текста. Щуцкий таким образом делает значительный вклад в интерпретацию текста, расширяя его культурную и историческую перспективу.

4.4. Процесс перевода — интеграция личных исследований

Щуцкий в своих исследованиях Книги перемен предложил систематический анализ её структуры, комментариев, языковых особенностей и культурного влияния. Он отметил, что текст формировался на протяжении разных эпох, представляя собой многоуровневую конструкцию, состоящую из основного текста и «Десяти крыльев» (Щуцкий, 1993: 223). Концепция «временной координации» подчёркивала постепенное развитие текста, отражавшее

аграрное общество и изменения философской мысли, особенно в позднеконфуцианских интерпретациях.

Щуцкий анализировал разницу между космологией и философскими размышлениями в Сицы чжуань и методами интерпретации в Туан чжуань и Сянь чжуань, что демонстрировало эволюцию Книги перемен от простого мышления к сложной логике. Исследуя лексику и синтаксис, он выявил сходства с древними текстами, такими как *Ши цзин*, что показало переход языка от архаичных форм к стандартному китайскому (Там же: 214–215).

Щуцкий также изучал эволюцию комментаторской традиции, отмечая вклад Ван Би в трансформацию текста из гадательного инструмента в философский трактат. В период Мин и Цин буддийские и даосские идеи обогатили интерпретации, а школы Чжу Си и критики предлагали противоположные подходы — сохранение авторитета классики и аналитический взгляд.

Он подчёркивал значение Книги перемен в литературе с эпохи Хань и её популярность в Китае и Японии в 1920–1930-х годах. Щуцкий считал, что перевод текста требует герменевтического подхода, объединяющего точность и интерпретацию. Он выделил два метода перевода — филологический и интерпретационный — и выбрал комментарии Ван Би, Оу И и Ито Тогая для передачи символического содержания (Там же: 247–249).

Через эти исследования Щуцкий всесторонне раскрыл особенности структуры текста *Книги перемен*, богатство традиций комментариев, языковые особенности и их глубокое влияние на мысль и литературу, подчеркнув центральное место Книги перемен в китайской культуре и его уникальную ценность, выходящую за рамки времени.

5. Заключение

Настоящая статья рассматривает русский перевод Книги перемен, выполненный русским синологом Щуцким, в качестве исследовательского материала. На основе анализа перевода, исторического контекста и переводческих стратегий исследуются влияние его академической личности на процесс перевода, включая этапы подготовки и самого перевода. Исследование показывает, что академическая личность Щуцкого сыграла ключевую роль на всех этапах его переводческой деятельности.

На этапе подготовки к переводу выбор Щуцким Книги перемен был обусловлен его личными духовными устремлениями, влиянием антропософии и стремлением способствовать культурному

диалогу между Востоком и Западом. В процессе перевода Щуцкий активно использовал стратегию глубокого перевода, применяя как пояснительные, так и исследовательские примечания для полного раскрытия культурного контекста и глубинных значений текста Книги перемен. Кроме того, в переводе нашли отражение его собственные научные исследования, что не только демонстрирует его академическую компетенцию, но и повышает научную ценность и системность перевода.

Анализ данного кейса перевода Книги перемен, выполненного Щуцким, демонстрирует ключевую роль академической личности переводчика в процессе перевода. Понимание личности переводчика имеет важное значение для глубокого изучения практики и теории перевода. Переводчик — это не просто посредник между языками, но и культурный медиатор. Многообразие и сложность его личности придают переводческой деятельности богатое содержание и широкий исследовательский потенциал. Это открывает новые перспективы и подходы в области переводческих исследований, подчёркивая важность личности переводчика и её глубокое влияние на качество перевода.

Список литературы

Быков Ф.С. [Рец. на:] Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». Народы Азии и Африки, 1963, № 1. С. 214, 216.

Гаученова Е.Н., Хагай М.Ю. Субъективность переводчика: сравнение переводов на примере романа Агаты Кристи «Смерть в облаках». [J]. Молодежный вестник ИрГТУ, 2022. № 2. С. 345–348.

Конрад Н.И. Предисловие к первому изданию «Китайской классической “Книги перемен”» [J]. Ю.К. Щуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». М.: 1993.

Тиллоева С.М., Трекина Е.Н. Роль личности переводчика при переводе художественного текста. Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 237–245.

Хунъянь Ч., Яньжань Г. О Субъектности переводчика в свете герменевтики — на основе сопоставления пяти русскоязычных переводов «Лунь Юй». Вопросы гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 66–70.

Щуцкий Ю.К. (1993) Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.И. Кобзева. М., 606 с.

Щуцкий Ю.К., Кобзев А.И. Китайская классическая «Книга перемен» [M]. Изд-во восточной литературы, 1960.

Appiah K. (1993) Thick translation. Callaloo, № 4, pp. 808–819.

Bayer G.S. Museum sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur [M]. 1730.

靳铭吉, 许雁. 论译者的汉学家身份对典籍翻译的影响——以俄罗斯汉学家列· 谢· 贝列罗莫夫译《论语》为例 [J]. 解放军外国语学院学报, 2023, 46(03): 129–136.

李大用著. 周易新探. 北京：北京大学出版社, 1992.05.

李翼. 汉学家译者身份对翻译过程的影响——澳大利亚汉学家杜博妮的中国现当代文学翻译研究 [J]. 中国翻译, 2022, 43(05): 87–94.

强卉. 厚翻译到底该有多 “厚”——以《论语》两英译本为例 [J]. 江苏外语教学研究, 2014, (03): 86–92.

王倩. 中国文化外译传播中的译者身份建构 [J]. 社会科学战线, 2018, (09): 266–270.

洪堡特. 威廉. 冯. 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 [M]. 北京: 商务印书馆, 1999.

徐敏慧. 2014. “厚译”: 理论渊源及实践意义 [J]. 翻译季刊 (73): 58–72.

周领顺, 强卉. “厚译”究竟有多厚?——西方翻译理论批评与反思之一 [J]. 外语与外语教学, 2016(06): 103–112+150.

References

Appiah K. (1993) Thick translation. Callaloo, No. 4, pp. 808–819.

Bayer G.S. Museum sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur[M]. 1730.

Bykov F.S. (1963) [Review of:] Shchutsky, Yu.K. Kitayskaya klassicheskaya “Kniga peremen” = The Chinese Classical Book of Changes. Peoples of Asia and Africa. No. 1, pp. 214, 216 (In Russian).

Gauchenova E.N., Khagai M.Yu. (2022) Translator’s subjectivity: A comparison of translations based on Agatha Christie’s novel Death in the Clouds. Youth Bulletin of IrSTU, (2), 345–348 (In Russian).

洪堡特. 威廉. 冯. 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 [M]. 北京: 商务印书馆, 1999.

Humboldt Wilhelm von. (1999) On the Difference of Human Language Structure and Its Influence on the Spiritual Development of Mankind. Beijing: The Commercial Press.

Hunyan C., & Yanzhan G. (2016) On the subjectivity of the translator in the light of hermeneutics: A comparative analysis of five Russian-language translations of Lun Yu. Questions of the Humanities, (2), pp. 66–70 (In Russian).

靳铭吉, 许雁.(2023). 论译者的汉学家身份对典籍翻译的影响——以俄罗斯汉学家列· 谢· 贝列罗莫夫译《论语》为例. 解放军外国语学院学报 (03), 129–136. DOI: CNKI:SUN:JFJW.0.2023-03-016.

Jin Mingji, Xu Yan. (2023) On the Influence of a Sinologist Translator’s Identity on the Translation of Classics: A Case Study of the Russian Sinologist L.S. Perelomov’s Translation of The Analects. *Journal of PLA University of Foreign Languages.* No. 46 (03), pp. 129–136 (In Chinese).

Konrad, N.I. (1993) Preface to the first edition of The Chinese Classical “Book of Changes”. In Y. K. Shchutsky, The Chinese Classical “Book of Changes” (1st ed.). Moscow (In Russian).

李大用著 (1992). 周易新探. 北京：北京大学出版社, 05.

Li Dayong. (1992) New Exploration of the Zhouyi. Beijing: Peking University Press, May (In Chinese).

李翼. (2022). 汉学家译者身份对翻译过程的影响——澳大利亚汉学家杜博妮的中国现当代文学翻译研究. 中国翻译 (05), 87–94. DOI: CNKI:SUN:ZGFY.0.2022-05-011.

Li Yi. (2022) The Impact of a Sinologist Translator's Identity on the Translation Process: A Study on the Australian Sinologist Bonnie S. McDougall's Translation of Modern Chinese Literature. Chinese Translators Journal. No. 43 (05), pp. 87–94 (In Chinese).

强卉. (2014). 厚翻译到底该有多 "厚"——以《论语》两英译本为例. 江苏外语教学研究 (03),86-92. DOI: CNKI:SUN:JSWY.0.2014-03-023.

Qiang Hui. (2014) How "Thick" Should Thick Translation Be? A Case Study of Two English Translations of The Analects. Journal of Jiangsu Foreign Language Teaching and Research. No. 3, pp. 86–92 (In Chinese).

Shchutsky Y.K. (1993) Kitayskaya klassicheskaya «Kniga peremen» = The Chinese Classical "Book of Changes". (2nd ed., revised and supplemented, edited by A.I. Kobzev). Moscow. 606 p. (In Russian).

Shchutsky, Y.K., & Kobzev, A.I. (1960) The Chinese classical "Book of Changes". Moscow: Publishing House of Oriental Literature (In Russian).

Tilloeva S.M., Trekina E.N. (2023) The role of the translator's personality in the translation of literary texts. Yekaterinburg: Azhur Publishing House, pp. 237–245 (In Russian).

王倩. (2018). 中国文化外译传播中的译者身份建构. 社会科学战线 (09), 266–270. DOI: CNKI:SUN:SHZX.0.2018-09-036

Wang Qian. (2018) The Construction of Translator Identity in the External Translation and Dissemination of Chinese Culture. *Social Sciences Front*. No. 9, pp. 266–270 (In Chinese).

徐敏慧. (2014). "厚译": 理论渊源及实践意义 [J]. 翻译季刊 (73): 58–72.

Xu Minhui. (2014) "Thick Translation": Theoretical Origins and Practical Significance. *Translation Quarterly.* No. 73, pp. 58–72 (In Chinese).

周领顺, 强卉. (2016). "厚译" 究竟有多厚?——西方翻译理论批评与反思之一. 外语与外语教学 (06),103–112+150. DOI: 10.13458/j.cnki.flatt.004316

Zhou Lingshun, Qiang Hui. (2016) How Thick Is "Thick Translation"? — A Critique and Reflection on Western Translation Theory. Foreign Languages and Their Teaching. No. 06, pp. 103–112+150 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Люй Пэйи — докторант факультета иностранных языков Юго-восточного университета, № 2, проспект Юго-восточный университет, район Цзяннин, город Нанкин, провинция Цзянсу, КНР; lvpy219@163.com

ABOUT THE AUTHOR:

Lv Peiying — Doctoral student at the School of Foreign Languages, Southeast University, No. 2, Southeast University Avenue, Jiangning District, Nanjing City, Jiangsu Province, China; lvpy219@163.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientifi c community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

Корректор *А. В. Игумнов.* Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 12.08.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,25. Уч.-изд. л. 13,73.
Тираж 45 экз. Изд. № 13101. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;
e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: http://msupress.com

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/I/1. Тел.: (495) 859-48-62